

Том 14, № 3 Volume 14, Number 3 2023

ISSN 2079-0910 (Print)
ISSN 2414-9225 (Online)

ТОМ 14 № 3 2023

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

СОЦИОЛОГИЯ

науки и технологий

Sociology of Science & Technology

Санкт-Петербург

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
ИМ. С.И. ВАВИЛОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2023

Том 14

№ 3

Санкт-Петербург

Главный редактор журнала

Ащеулова Надежда Алексеевна, кандидат социологических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия

Заместитель главного редактора

Зенкевич Светлана Игоревна, кандидат филологических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия

Редакционная коллегия

Аблажей Анатолий Михайлович, кандидат философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

Аллахвердян Александр Георгиевич, кандидат психологических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва, Россия.

Банержи Пармасарати, Национальный институт исследований научного и технологического развития, Нью-Дели, Индия.

Бао Оу, Университет Цинхуа, Пекин, Китайская Народная Республика.

Дежина Ирина Геннадиевна, доктор экономических наук, Сколковский институт науки и технологий, Москва, Россия.

Душина Светлана Александровна, кандидат философских наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия.

Иванова Елена Александровна, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Иванчева Людмила, доктор социологических наук, Институт изучения общества и знаний Академии наук Болгарии, София, Болгария.

Рентеци Мария, Университет им. Фридриха-Александра в Эрлангене и Нюрнберге, Германия.

Скворцов Николай Генрихович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Смирнов Николай Николаевич, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Соболев Владимир Семенович, доктор исторических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия.

Фуллер Стив, Факультет социологии Уорикского университета, Ковентри, Великобритания.

Хименес Хайми, Национальный автономный университет Мексики, Мехико, Мексика.

Юревич Андрей Владиславович, член-корреспондент Российской академии наук, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук

ISSN 2079-0910 (Print)

ISSN 2414-9225 (Online)

Журнал основан в 2009 г. Периодичность выхода — 4 раза в год.

Свидетельство о перерегистрации журнала ПИ № ФС 77—75017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 11 февраля 2019 г. Журнал индексируется с Т. 8, № 1, 2017 в Emerging Sources Citation Index (*Clarivate Analytics products and services*)

Редакционный совет

Богданова Ирина Феликсовна, кандидат социологических наук, Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.

Бороноев Асалхан Ользонович, доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Вишневский Рафал, Университет кардинала Стефана Вышинского в Варшаве, Варшава, Польша.

Елисеева Ирина Ильинична, член-корреспондент Российской академии наук, Социологический институт Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Козлова Лариса Алексеевна, кандидат философских наук, Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.

Лазар Михай Гаврилович, доктор философских наук, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия.

Паттнаик Бинай Кумар, Институт технологий г. Канпура, Канпур, Индия.

Сулейманов Абульфаз, Университет Ускюдар, Стамбул, Турция.

Тамаш Пал, Институт социологии Академии наук Венгрии, Будапешт, Венгрия.

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5

Тел.: (812) 328-47-12,

Факс: (812) 328-46-67

E-mail: school_kugel@mail.ru

Сайт: <http://sst.nw.ru>

Выпускающий редактор номера: *А.В. Полевой*

Редакторы англоязычных текстов: *В.А. Куприянов, Н.В. Никифорова*

Корректор: *Т.К. Добриян*

Подписано в печать: 24.09.2023

Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 19,34

Тираж 300 экз. Заказ № 15647-1

Отпечатано в типографии «Скифия-Принт»,

Санкт-Петербург, 197198, ул. Б. Пушкарская, д. 10.

© Редколлегия журнала

«Социология науки и технологий», 2023

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, 2023

S.I. VAVILOV INSTITUTE FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
ST PETERSBURG BRANCH

SOCIOLOGY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

2023

Volume 14

Number 3

St Petersburg

Editor-in-Chief of Journal

Nadia A. Asheulova, Cand. Sci. (Sociology), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia

Assistant Editor

Svetlana I. Zenkevich, Cand. Sci. (Philology), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia

Editorial Board

Anatoliy M. Ablazhej, Cand. Sci. (Philosophy), Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

Alexander G. Allakhverdyan, Cand. Sci. (Psychology), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Parthasarathi Banerjee, Dr., National Institute of Science Technology and Development Studies — NISTADS, New Delhi, India.

Ou Bao, Tsinghua University, Beijing, China.

Irina G. Dezhina, Dr. Sci. (Economy), Skolkovo Institute of Science and Technology, Moscow)

Svetlana A. Dushina, Cand. Sci. (Philosophy), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia.

Elena A. Ivanova, Cand. Sci. (History), St Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia.

Ludmila Ivancheva, Dr. Sci. (Sociology), Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Nikolay G. Skvortsov, Dr. Sci. (Sociology), St Petersburg State University, St Petersburg, Russia.

Nikolay N. Smirnov, Dr. Sci. (History), St Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia.

Vladimir S. Sobolev, Dr. Sci. (History), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia.

Steve Fuller, Prof., Dr. Sci. (Philosophy), Social Epistemology Department of Sociology, University of Warwick, Coventry, United Kingdom.

Jaime Jimenez, PhD, Autonomous National University of Mexico, Mexico City, Mexico.

Maria Rentetzi, Prof., PhD, Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg, Germany.

Andrey V. Yurevich, Correspond. Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

The Journal was founded in 2009.

The Mass Media Registration Certificate:

PI № FC № 77–75017 on February 11th, 2019

Founder and Publisher: S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences

ISSN 2079-0910 (Print)

ISSN 2414-9225 (Online)

Publication Frequency: Quarterly

The Journal has been selected for coverage in Clarivate Analytics products and services. Beginning with V. 8 (1) 2017. This publication is indexed and abstracted in Emerging Sources Citation Index

Editorial Advisory Board

Irina F. Bogdanova, Cand. Sci. (Sociology), Institute for Preparing Scientific Staff, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

Asalhan O. Boronoev, Dr. Sci. (Philosophy), Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia.
Rafał Wiśniewski, PhD, Cardinal Stefan Wyszyński University in Warsaw, Poland.

Irina I. Eliseeva, Correspond. member of the Russian Academy of Sciences, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia.

Larissa A. Kozlova, Cand. Sci. (Philosophy), Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Mihay G. Lazar, Dr. Sci. (Philosophy), Russian State Hydro-Meteorological University, St Petersburg, Russia.

Binay Kumar Pattnaik, Dr. Sci. (Sociology), Indian Institute of Technology, Kanpur, India.

Abulfaz D. Suleimanov, Dr. Sci. (Philosophy), Uskudar University, Istanbul, Turkey.

Pal Tamas, Dr. Sci. (Sociology) Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary.

Postal address:

Universitetskaya nab., 5, St Petersburg, Russia, 199034
Tel.: (812) 328-47-12 Fax: (812) 328-46-67
E-mail: school_kugel@mail.ru
Web-site: <http://sst.nw.ru>

Managing Editor: *Anatoly V. Polevoi*

Editors of the English Texts: *Victor A. Kuprianov*,
Natalia V. Nikiforova

Corrector: *Tatyana K. Dobriyan*

- © The Editorial Board of the Journal “Sociology of Science and Technology”, 2023
- © S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Навстречу 300-летию Российской академии наук

<i>Г.И. Смагина.</i> Петербургская академия наук без М.В. Ломоносова в 1765 году: взгляд изнутри	7
Современное состояние Академии наук и ее различных департаментов в конце 1765 года . .	14
<i>Ю.Б. Евдокименкова, Н.О. Соболева.</i> Роль Отделения химических наук АН СССР в научном книгоиздании в годы Великой Отечественной войны	27

Социальная история науки и техники

<i>М.Л. Сергеев.</i> Аспекты самопрезентации ученого в XVI веке (на материале посвященных писем к ранним публикациям Конрада Гесснера)	37
<i>С.Б. Ульянова, И.В. Аладышкин, Е.А. Беседина.</i> Индустриальный прагматизм в реформировании высшей школы в России в конце XIX — первой трети XX в.: исторический опыт Петербургского — Ленинградского политехнического института	58
<i>В.В. Слискова.</i> «Недополучение препаратов поставит институт в безвыходное положение»: материально-экономическое обеспечение Государственного центрального бактериологического института в 1920-е годы	77
<i>Е.Ф. Синельникова.</i> Научные общества в системе Академии наук СССР (1930–1950-е годы)	93

Теория и методология

<i>С.П. Сидоров, С.В. Тихонова.</i> Инструментальные методы анализа медиапространства в цифровой гуманитаристике	118
--	-----

Философские и социальные аспекты цифровизации

<i>Д.В. Иванов, А.С. Черноиванова.</i> По другую сторону цифрового разрыва: практики использования информационно-коммуникационных технологий социально депривированными людьми	132
<i>С.И. Платонова.</i> Социальная идентичность как феномен цифрового общества	149

Жилищная социология

<i>Д.Б. Литвинцев.</i> Диалоги с нейросетью. ChatGPT о своем доме, жилищной социологии и проблемах ее развития в России	164
---	-----

Эмпирические исследования

<i>И.Е. Ильина, И.Н. Васильева, Р.С. Богатова.</i> Разработка информационной платформы мониторинга показателей научно-технической и инновационной деятельности стран Ближнего Востока и Средиземноморья	181
---	-----

Рецензия

<i>М.И. Маклаков.</i> Рецензия: Rogacheva M. The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2017. XI, 211 p.: ill	208
--	-----

Информация для авторов и требования к рукописям статей, поступающим в журнал «Социология науки и технологий»	217
В следующем номере	218

CONTENT

Towards the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences

<i>Galina I. Smagina</i> . St. Petersburg Academy of Sciences in 1765 without M.V. Lomonosov: A View from the Inside.	7
Current State of the Academy of Sciences and Its Various Departments at the End of 1765.	14
<i>Yulia B. Evdokimenkova, Natalia O. Soboleva</i> . The Role of the Division of Chemical Sciences of the USSR Academy of Sciences in Scientific Book Publishing During the Great Patriotic War . . .	27

Social History of Science and Technology

<i>Mikhail L. Sergeev</i> . Various Aspects of the Self-Presentation of 16th-Century Polymath (as They Are Expressed in the Dedicatory Letters to the Early Works by Conrad Gessner)	37
<i>Svetlana B. Ulyanova, Ivan V. Aladyshkin, Elena A. Besedina</i> . Industrial Pragmatism in the Reform of Higher Education in Russia at the End of the XIX — First Third of the XX Century: Historical Experience of the St. Petersburg — Leningrad Polytechnic Institute	58
<i>Valeriya V. Sliskova</i> . “Lack of Materials Puts the Institute in a Stalemate Situation”: Economic and Equipment Support for the State Central Institute of Bacteriology in the 1920s.	77
<i>Elena F. Sinelnikova</i> . Scientific Societies in the System of the USSR Academy of Sciences (1930–1950s)	93

Theory and Methodology

<i>Sergei P. Sidorov, Sophia V. Tikhonova</i> . Instrumental Methods of Media Space Analysis in Digital Humanities	118
---	-----

Philosophical and Social Aspects of Digitalization

<i>Dmitry V. Ivanov, Anna S. Chernoivanova</i> . On the Other Side of the Digital Divide: Usage of Information and Communication Technologies by Socially Deprived People	132
<i>Svetlana I. Platonova</i> . Social Identity as a Phenomenon of Digital Society	149

Housing Sociology

<i>Denis B. Litvintsev</i> . Dialogues with a Neural Network. <i>ChatGPT</i> About Its Home, Housing Sociology and The Problems of Its Development in Russia	164
---	-----

Empirical Studies

<i>Irina Ye. Ilyina, Irina N. Vasilyeva, Raisa S. Bogatova</i> . Information Platform for Monitoring Science, Technology and Innovation Indicators in MENA Countries	181
---	-----

Book Review

<i>Mikhail I. Maklakov</i> . Review: Rogacheva M. The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2017. XI, 211 p.: ill.	208
--	-----

Information for Authors and Requirements for the Manuscripts of Articles for the Journal “Sociology of Science and Technology”.	217
In the Next Issue	218

НАВСТРЕЧУ 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Галина Ивановна Смагина

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института
истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: galsmagina@yandex.ru

Петербургская Академия наук без М.В. Ломоносова в 1765 году: взгляд изнутри

УДК: 001.32(47+57)"1765"

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-7-13

Публикуется записка: «Современное состояние Академии наук и ее различных департаментов в конце 1765 года». Автор записки неизвестен. Записка представляет большой интерес для понимания как состояния дел в Академии наук и ее учреждениях в конце 1765 г., так и отношений между академиками; она характеризует повседневную академическую жизнь и расширяет наши представления об Академии наук после смерти М.В. Ломоносова (апрель 1765 г.). Публикация сопровождается комментариями и вводной статьей.

Ключевые слова: Академия наук, 1765 г., Я.Я. Штелин, Ф.У.Т. Эпинус.

История Петербургской Академии наук XVIII в. не богата воспоминаниями академиков или разного рода обзорами ее деятельности. Пожалуй, вспоминаются только бумаги М.В. Ломоносова¹, дневник конференц-секретаря Я.Я. Штелина за

¹ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. X. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 9–320.

© Смагина Г.И., 2023

1766–1769 гг.² и несколько страниц в «Записках» княгини Е.Р. Дашковой³. Поэтому встреча с неизвестным ранее документом представляет несомненный интерес.

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук в фонде историка, архивиста и историка науки Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959) сохранилась записка на немецком языке “Gegenwärtiger Zustand der Akademie der Wissenschaften und ihrer verschiedenen Departamens am Schluss des Jahres 1765”. Записка довольно большая, содержит 16 листов большого формата, она не подписана. Здесь же находится и перевод записки на русский язык. И сама записка, и ее перевод сделаны одной рукой — рукой А.И. Андреева⁴. К сожалению, оригинал записки пока обнаружить не удалось.

А.И. Андреев сделал попытку идентифицировать автора записки. Сначала он предположил, что им является академик Я.Я. Штелин (1709–1785), исходя из того, что только Штелин мог знать о событиях 1763 г., когда И.И. Тауберт хотел исключить М.В. Ломоносова и самого Штелина из советников академической Канцелярии. Сомнения же вызывал тот факт, что Штелин, по мнению Андреева, не мог себе позволить не совсем уважительно отозваться о великом Леонарде Эйлере⁵. В конце концов А.И. Андреев пришел к заключению, что автор записки — не Штелин.

Обратимся к времени создания записки. Ее автор несколько раз говорит о ненавистной всем академической Канцелярии: «...об Академии идет слава, что она находится под владычеством невежественной и властолюбивой Канцелярии». Известно, что 5 октября 1766 г. указом Екатерины II был назначен директором Академии наук граф В.Г. Орлов⁶, а 30 октября того же года — от должности советника был отстранен Тауберт и упразднена существовавшая более четырех десятилетий академическая Канцелярия⁷. Вместо нее учреждалась специальная Комиссия для управления научными и организационными делами. В нашей записке об этом ничего не говорится, а значит, она составлена ранее этих событий, т. е. до начала октября 1766 г.

Следует заметить, что в пользу академика Я.Я. Штелина говорит еще несколько фактов. Штелина в начале 1735 г. пригласил в Петербургскую Академию наук ее директор барон Иоганн Альбрехт Корф, и Штелин мог наблюдать некоторые его нововведения, о чем идет речь в записке.

Прежде чем дать характеристику каждому члену Академии, автор записки сообщает об обязанностях конференц-секретаря, которые перечислены подробно и со знанием дела. Это также говорит в пользу Штелина, так как с 7 марта 1765 г. он исполнял эти обязанности. Перечисляя особенности каждого профессора, автор никого не выделяет и никого не характеризует отрицательно, а, скорее, как-то

² Штелин Я. Дневник конференц-секретаря Петербургской Академии наук за 1766–1769 годы / Отв. ред. и сост. Г.И. Смагина; транскрипция текста О.Н. Блёскиной; пер. с нем. Г.И. Смагиной и И.Ю. Тарасовой; вступ. ст. и комм. Г.И. Смагиной. СПб.: Росток, 2021. 464 с.

³ Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 150–164.

⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 934. Оп. 1. Д. 307. Л. 7–15 об. (немецкий вариант); Л. 16–24 об. (перевод).

⁵ Там же. Л. 5–5 об.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 17. № 12 750. С. 1015–1016.

⁷ Там же. № 12 780. С. 1037.

обыденно, например: «Г-н профессор Протасов, хотя и выполняет полагающуюся ему работу по анатомии, однако не проявил себя какими-либо открытиями или статьями в академических Комментариях». Автор записки прекрасно осведомлен о пяти вакантных должностях в Академии — конечно, об этом хорошо знает конференц-секретарь, т. е. Штелин. Перечисляя науки и должности, автор так написал о Леонарде Эйлеру: «...недостает <...> крупного математика по высшей математике: был Эйлер, который ушел из-за неприятностей». Л. Эйлер действительно покинул Петербург в 1741 г. Не совсем понятно, почему А.И. Андреев считал эту фразу неуважительной по отношению к Эйлеру.

Затем речь идет об академических учреждениях: об Университете и Гимназии, Департаменте искусств, Географическом департаменте, Инструментальной мастерской, Библиотеке, Кунсткамере и особенно подробно — об Академической типографии. Автор записки проявляет поразительную осведомленность, говоря о Географическом департаменте, из которого «за 6 и более лет <...> не было выпущено ни одной новой карты», и подчеркивая бедственное положение граверов, печатников и многих других сотрудников, получающих столь скудное жалованье, что они «работают с величайшей неохотой и мечтают лишь о том, как бы поскорее избавиться от Академии». Тут следует вспомнить, что именно Штелин много лет возглавлял художественные мастерские и лучше, чем кто бы то ни было, знал о положении дел в них.

Автор записки в целом считает, что Академия наук находится в неудовлетворительном состоянии, и вину за это он возлагает на советника Канцелярии И.И. Тауберта. «Г-н Тауберт, — пишет автор записки, — опять остался один в Канцелярии и до сих пор распоряжается, как желает, всеми департаментами и годовой суммой примерно 50 000 рублей академических средств, по своему усмотрению и целиком со своекорыстными намерениями». Автор полагает, что нельзя поручать надзор и руководство такими разнородными департаментами Тауберту, а следует надзор и управление учреждениями распределить «между различными академиками соответственно особым склонностям и способностям каждого из них». Только таким образом можно будет «лучше управлять Академией и приносить государству безмерно больше пользы».

Достаточно негативно упомянут президент Академии граф К.Г. Разумовский, «который не заглядывает обычно в Академию даже и по два раза в год».

Все вышесказанное позволяет считать конференц-секретаря Штелина одним из возможных авторов записки.

Но есть еще одно предположение: автором записки мог быть академик Франц Ульрих Теодор Эпинус (1724—1802). Франц Эпинус принадлежит к плеяде ярких деятелей екатерининской эпохи. Это всемирно признанный при жизни классик науки об электричестве, член пяти европейских академий, с октября 1756 г. профессор физики в Петербургской академии наук. За прошедшие с этого момента 10 лет он мог быть свидетелем большинства событий, описанных в записке.

Сначала среди академиков были уважительные отношения, но постепенно энциклопедические знания Эпинуса и умение участвовать в научных диспутах стали раздражать его коллег. В письме к канцлеру Н.И. Панину в середине 1764 г. он так характеризует нравы Академии наук: «Я должен был бы, на самом деле, радоваться тому, что оставляю место службы, где я испытал лишь жестокости и различные оскорбления, однако я ничуть не сомневаюсь, что Е. И. В., которая предоставила

Академии художеств столь мудрый регламент, не замедлит привести свою Академию наук в такое состояние, когда в ней будут чувствовать себя огражденными от оскорблений невежд и от грубости, и что тогда она не будет заполнена лицами, к числу которых не составляет чести быть причисленными...» (цит. по: [Новик, 1999, с. 16]).

Помимо плодотворной научной работы, академик Эпинус был учителем физики Екатерины II (в бытность ее великой княгиней). Им был написан учебник «Краткое понятие о физике для употребления <...> князя Павла Петровича», вышедший анонимно в русском переводе в конце 1760 г., а в конце мая 1764 г. ему было поручено «преподавать <...> наставления в экспериментальной физике <...> цесаревичу <...> Павлу Петровичу».

В письме к Н.И. Панину в конце 1764 г. Эпинус поясняет свою позицию: «Я готов посвятить себя той деятельности, которую Е. И. В. мне предлагает, но я умолил ее сохранить за мной место в Академии... Чтобы предотвратить море сплетен, в которое мне пришлось бы погрузиться, я умоляю направить Академии указ, который бы гласил: поскольку Е. В. доверила мне заниматься с великим князем, что не позволит мне регулярно работать в Академии, Е. В. освобождает меня от работы в Академии таким образом, *чтобы Академия ничего не требовала бы от меня, исключая то, что я сам в состоянии делать по собственной воле* (курсив мой. — Г.С.), но что указом Е. В. я остаюсь ординарным членом Академии <...> Академия не обязана платить мне жалование, которое Е. В. мне предоставит, но Академия должна заполнить место физика, которое я занимал, достойным лицом, которое могло бы преумножить честь Академии...» (цит. по: [Там же, с. 18]).

Эти пожелания Эпинуса практически дословно перенесены в именной указ, подписанный Екатериной II 12 февраля 1765 г., в котором академическая Канцелярия извещается, что «...профессора Эпинуса разсудили мы <...> употребить <...> при учении великого князя...»⁸. На самом же деле указ от 12 февраля маскировал другой именной указ, данный императрицей Коллегии иностранных дел. Согласно ему Эпинус с 1 января 1765 г. зачислен в Коллегию иностранных дел, где 33 года будет возглавлять шифровальную службу России.

В записке эти пожелания, но уже закрепленные в указе Екатерины II, повторены почти теми же словами: «По экспериментальной физике в качестве добровольного члена коллежский советник Эпинус *приходит в академические собрания лишь когда желает, или по особому приглашению, а от него не имеют права требовать сочинений по его специальности, если ему самому не будет угодно представить таковые*» (курсив мой. — Г.С.). С другой стороны, это не является доказательством авторства, так как содержание императорского указа, конечно, было известно всей Академии.

Есть еще один эпизод, в котором равно проявилась информированность и Штелина, и Эпинуса. Речь идет о немецком математике, профессоре логики и физики в Бютцове В.И.Г. Карстене (1732–1787). Ученого приглашали на освободившееся место профессором физики в Петербургскую академию наук, когда стало известно, что академик Эпинус оставляет эту должность и переходит на службу в Коллегию иностранных дел. Карстен сначала согласился, а потом вежливо отказался. 5 сентября 1765 г. на заседании академической Конференции было зачитано письмо Карстена, адресованное Эпинусу, в котором тот благодарит Академию за свое назна-

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 282. Л. 281–283.

чение профессором петербургской Академии и указывает причины, обремененный которыми, не вполне может принять такой пост за пределами своего отечества⁹.

Штелин с некоторым раздражением 8 ноября 1765 г. писал об этой ситуации Г.Ф. Миллеру в Москву: «Вакансии в нашей Академии все еще не заняты. Господин профессор Карстен из Бютцова был избран. Я тайно навел справки, примет ли он предложение и на каких условиях. Тем временем господин Тауберт без моего ведома сам написал ему письмо и в ответном письме получил отказ»¹⁰.

В записке об этом сказано так: «Еще недавно один знаменитый математик и физик, именно профессор Карстен из Бютцова, отказался от приглашения в здешнюю Академию наук, с извинением сославшись на то, что, получая 600 рейхсталеров в Мекленбурге, он может жить несравненно лучше, чем на 1 000 рублей в дорогом Петербурге».

На авторство Эпинуса косвенно указывает время написания документа (о чем сказано в начале статьи): практически сразу перед выходом указов о преобразованиях в Академии, об устранении Канцелярии. Не мог ли Эпинус, бывая при дворе, получить непосредственное задание императрицы — обрисовать для нее сиюминутное состояние дел в Академии наук? Ведь это могло быть продолжением знакомства Екатерины II с делами Академии — после прочтения ею записки М.В. Ломоносова «Краткая история о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени» (50 с.)¹¹, которую он написал за несколько месяцев до смерти. Эти записи о плачевном состоянии Академии наук были найдены после смерти ученого в его бумагах. И если вспомнить, что все рукописное наследие М.В. Ломоносова перешло к Г.Г. Орлову — весьма влиятельному в то время фавориту Екатерины II, то не исключено, что императрица была знакома с «Краткой историей». Были же причины, побудившие Екатерину отстранить Тауберта и заняться переустройством Академии.

И все же достоверно назвать имя автора записки мы пока не можем. Однако в любом случае, кто бы им ни был, она бесспорно представляет огромный интерес для понимания положения дел в Академии наук и ее учреждениях в конце 1765 г. (после смерти М.В. Ломоносова в апреле 1765 г.), показывая ситуацию в Академии глазами не стороннего человека, а участника событий.

Источники

«В нашей Академии мы хотим иметь людей исключительно высшего ранга в ученом мире»: Письма Я. Штелина к Г.Ф. Миллеру. 1765 г. / Подг. публ., пер. с нем. и комм. Г.И. Смагиной // Исторический архив. 2020. № 3. С. 181–197.

Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 496 с.

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. X. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 936 с.

⁹ Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1724 по 1803. Т. 2. СПб.: Тип. ИАН, 1899. С. 548.

¹⁰ «В нашей Академии мы хотим иметь людей исключительно высшего ранга в ученом мире»: Письма Я. Штелина к Г.Ф. Миллеру. 1765 г. / Подг. публ., пер. с нем. и комм. Г.И. Смагиной // Исторический архив. 2020. № 3. С. 193.

¹¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. X. С. 267–317.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 17. СПб., 1830. № 12 750. С. 1015–1016; № 12 780. С. 1037.

Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1724 по 1803. Т. 2. СПб.: Тип. ИАН, 1899. 886 с.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 282. Л. 281–283.

СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Д. 307. Л. 7–24 об.

Штелин Я. Дневник конференц-секретаря Петербургской Академии наук за 1766–1769 годы / Отв. ред. и сост. Г.И. Смагина; транскрипция текста О.Н. Блёскиной; пер. с нем. Г.И. Смагиной и И.Ю. Тарасовой; вступ. ст. и комм. Г.И. Смагиной. СПб.: Росток, 2021. 464 с.

Литература

Новик В.К. Академик Франц Эпинус (1724–1802) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 4. С. 4–35.

St. Petersburg Academy of Sciences in 1765 without M.V. Lomonosov: A View from the Inside

GALINA I. SMAGINA

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: galsmagina@yandex.ru

The paper contains the text of the note “The current state of the Academy of Sciences and its various departments at the end of 1765” with comments and an introduction. The author of the note is unknown. The note is of great interest for the researchers interested in overall understanding of the state of affairs in the Academy of Sciences and its institutions at the end of 1765 and the relations between academicians. It describes the everyday life of the Academy and expands our understanding of the Academy of Sciences after M.V. Lomonosov’s death (April 1765).

Keywords: Academy of Sciences, the year 1765, Ya.Ya. Shtelin, Fr.U.Th. Aepinus.

References

Dashkova, E.R. (1987). *Zapiski. Pis'ma sester M. i K. Vil'mont iz Rossii* [Notes. Letters of sisters M. and K. Vilmont from Russia], Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta (in Russian).

Lomonosov, M.V. (1957). *Poln. sobr. soch. v 11 t.* [Complete collection of work in 11 vols], vol. X, Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Novik, V.K. (1999). Akademik Frants Epinus (1724–1802) [Academician Franz Epinus (1724–1802)], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 4, 4–35 (in Russian).

Polnoye (1830) *sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire], St. Petersburg, no. 12 750 (pp. 1015–1016); no. 12 780 (p. 1037) (in Russian).

Protokoly (1899) *zasedaniy Konferentsii Imperatorskoy akademii nauk s 1724 po 1803* [Protocols of meetings of the Empire Academy of Sciences Conference], t. 2, St Petersburg: Tip. IAN (in Russian).

Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch], f. 3, op. 1, d. 282, l. 281–283 (in Russian).

Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch], f. 934, op. 1, d. 307, l. 7–24 ob. (in Russian).

Shtelin Ya. (2021). *Dnevnik konferents-sekretarya Peterburgskoy Akademii nauk za 1766–1769 gody* [Diary of the Conference Secretary of the St. Petersburg Academy of Sciences for the years 1766–1769], ed. and comp. by G.I. Smagina; transcription of the text by O.N. Bleskina; transl. from German by G.I. Smagina and I.Yu. Tarasova; introductory article and comments by G.I. Smagina, St. Petersburg: Rostok (in Russian).

“V nashey (2020) Akademii my khotim imet’ lyudey iskluchitel’no vysshego ranga v uchenom mire”: Pis’mo Ya. Shtelina k G.F. Milleru. 1765 g. [“In our Academy we want to have only highest ranked people in scientific world”: Letters of J. Stelin to G.F. Miller. 1765], podg., publ. per. s nem. i komm. G.I. Smaginoy, *Istoricheskiy arkhiv*, no. 3, 181–197 (in Russian).

Приложение

Современное состояние Академии наук и ее различных департаментов в конце 1765 года¹

УДК: 001.32(47+57)"1765"

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-14-22

Во всех академиях, ученых обществах и университетах всей Европы, за одним только исключением Петербургской Академии, корпорация ученых, профессоров и действительных членов, во всяком случае старейших из них, наряду с их Rector или президентом, составляет *Senatum academicum*², совет или первый департамент. Эта корпорация, или более узкий ее президиум, наряду с президентом, или Rector Magnificus, который без нее ничего не решает, не приказывает и не предпринимает, управляет Академией на своих еженедельных собраниях или сессиях, с помощью секретаря и актуариев [1]³, отпускаемыми Академией средствами; заботится о процветании, чести и достоинстве Академии; замещает по своему выбору и по большинству голосов освободившиеся вакансии видными учеными; цензурирует все, что должно быть напечатано, и обеспечивает развитие наук своими просвещенными стараниями // **Л. 16 об.** без какого-либо вмешательства со стороны господствующей над ней и властолюбивой Канцелярии. Так обстояло дело сначала и в нашей Академии наук; однако с тех пор, как в последнее время Канцелярия, данная Академии в помощь, в отсутствие президента присвоила верховную власть над всей Академией и ее департаментами и, не привлекая ни в малой мере старейших академиков или иных членов, распоряжается как хочет и кассой Академии, и всеми работающими в ней лицами, — с этих пор постепенно стало проявляться недовольство, разномыслие, а вследствие этого и упадок Академии. В Академии сейчас Канцелярия представляет собою самый важный и первый департамент. Она состоит в настоящее время, при отсутствии президента, который не заглядывает обычно в Академию даже и по два раза в год, из одного единственного члена — статского советника Тауберта [2] и секретаря Гурьева⁴, наряду с известным количеством канцеляристов, подканцеля-

¹ Подготовка текста, вступление и примечания Г.И. Смагиной. Перевод с немецкого А.И. Андреева.

² Академический Сенат (*лат.*). Здесь и далее переводы принадлежат публикатору.

³ Примечания Г.И. Смагиной приведены в конце после публикуемого документа.

⁴ В делах Архива Академии наук сохранились два документа: автобиографическое доношение регистратора Михаила Гурьева от 25 февраля 1754 г. и автобиография коллежского асессора Михаила Гурьева, поданная им в Канцелярию Академии наук 2 марта 1770 г. в связи с уходом в отставку. Из этих документов видно, что он родился в 1722 г., в 1734 г., т. е. двенадцати лет от роду, начал свою карьеру и прослужил в приказном чине 35 лет, постепенно поднимаясь в звании и в чинах. В 1748 г. он был принят в Канцелярию Академии наук канцеляристом, а в 1756 г. перешел в Монетную экспедицию в чине коллежского секретаря, но уже в 1759 г. он был снова переведен с тем же чином и званием секретаря в академическую Канцелярию, где до 1770 г. исполнял секретарскую должность. В 1770 г., при уходе в отставку, он

ристов и писцов. Такого положения нет ни в одной Канцелярии во всей Российской империи.

Прежде в Канцелярии Академии заседали три члена, именно Ломоносов [3], Штелин [4] и Тауберт, которые принимали вообще все решения большинством голосов и управляли Академией и заведовали ее финансами. Кроме того, каждый из этих трех лиц руководил определенными отделами, именно: Ломоносов — Университетом и Гимназией, студентами, гимназистами и их преподавателями, а также департаментом механики и географии; Штелин — департаментом искусств, именно, рисовальщиками, живописцами, граверами, резчиками по меди, камню и стали и т. п., и т. п., а также книжной торговлей и постройками; Тауберт ведал Типографиями и словолитнями, а также Библиотекой и кунсткамерой. Вследствие такого специального надзора со стороны отдельных лиц, во всех академических департаментах дело шло хорошо и в смысле предметов, и в смысле работы, и несравнимо лучше, чем теперь. Во главе ученых департаментов или собственно Академии наук и ее Архива стоял конференц-секретарь г-н профессор Миллер [5]. Вскоре после воцарения ее императорского величества господин Тауберт, как некогда // **Л. 17** его тесть г-н Шумахер [6], стал стараться подчинить себе всю Академию. Он стал убеждать с этой целью президента графа Разумовского [7] уволить советников Ломоносова и Штелина от заседания в Канцелярии [8]. Ломоносов воспротивился этому и вновь получил свое прежнее место в Канцелярии. Штелин же согласился на все и сохранил за собой лишь управление департаментом художеств, но и оно постепенно ограничивалось вмешательством Канцелярии. После кончины Ломоносова г-н Тауберт опять остался один в Канцелярии и до сих пор распоряжается, как желает, всеми департаментами и годовой суммой примерно 50 000 [9] рублей академических средств, по своему усмотрению и целиком со своекорыстными намерениями. Так как он не может смотреть за 15 отделами, из которых каждый, если им управлять как следует, требует специального подготовленного лица, и тем менее может поддерживать их в хорошем состоянии, то ему необходимо множество помощников, которых он набирает по своему разумению и которые не отвечают своему назначению, а отсюда проистекает плохое руководство, беспорядок и упадок департаментов.

Прежний президент г-н камергер фон Корф [10], который видел несостоятельность тогдашнего руководителя Библиотекой и Кунсткамерой Шумахера, разделил надзор за академическими департаментами между наиболее авторитетными членами Академии, и Делилю [11] поручил Географическое бюро вместе с обсерваторией, профессору Вейтбрехту [12] — анатомию, д-ру Амману [13] — естественно-исторические музеи, Штелину — Библиотеку, Крафту [14] — приборы и кабинет моделей.

// **Л. 17 об.** Собственно Академия наук, которая представляет собой ученую корпорацию и в своих собраниях, или так называемых Конференциях, решает все, что относится к научной деятельности, состоит из конференц-секретаря и некоторого числа академиков, или действительных членов, которое очень сократилось.

Секретарем является статский советник фон Штелин [15], он ведет протоколы конференции, управляет Архивом Академии наук, руководит перепиской с иностранными членами на латинском, немецком и французском языках, наблюдает за печатанием и изданием академических Комментариев [16], или Мемуаров. Одно-

временно на нем лежит надзор и руководство академическим департаментом художеств, а кроме того он сочиняет различные требуемые от Академии проекты и аллегорические изображения, относящиеся к мифологии и иконологии, для медалей, фейерверков, иллюминаций, плафонов, катафалков, триумфальных арок и т. п.

В настоящее время членами Академии наук, которые дважды в неделю собираются в Академии, докладывают свои работы и должны обсуждать все текущие дела, касающиеся научных вопросов, являются следующие лица по специальностям:

По древностям и истории:

Профессор Фишер [17], собственно ничего не делает как академик, а читает лекции для студентов в так называемом Университете. По тем же специальностям и еще по русской истории профессор Шлецер [18], который обещает много полезного для Академии своим большим рвением к русской истории и своей выдающейся ученостью в других специальностях, и может заменить уехавшего // **Л. 18** профессора Миллера [19].

По философии профессор Браун [20], записывает наблюдения погоды, а также иногда дает сочинение или статью в академические Комментарии.

По астрономии г-н надворный советник Попов [21], который обязан производить астрономические наблюдения, однако, будучи заподозрен в том, что допускает в них неправильности, неоднократно ссорился с другими академиками. Также читает лекции студентам по некоторым разделам математики.

Г-н Румовский [22], как экстраординарный профессор, усердно производит астрономические наблюдения в академической Обсерватории и от времени до времени представляет свои работы в письменном виде в академическую Конференцию.

По химии и металлургии г-н ординарный профессор надворный советник Леман [23], прежде часто докладывал сочинения по своей специальности и давал их в академические Комментарии. Однако с некоторого времени, будучи постоянно занят вне Академии, делает это весьма редко, а также редко присутствует на еженедельных собраниях.

По экспериментальной физике в качестве добровольного члена коллежский советник Эпинус [24] приходит в академические собрания лишь когда желает, или по особому приглашению, а от него не имеют права требовать сочинений по его специальности, если ему самому не будет угодно представить таковые [25].

По высшей математике и анализу г-н профессор // **Л. 18 об.** Котельников [26]; однако, по-видимому, он не очень склонен к открытиям и писанию сочинений по своей науке, поэтому и не дает никаких работ в академические Комментарии. Одновременно он в качестве инспектора осуществляет надзор за поддерживаемыми Академией студентами и гимназистами.

По анатомии.

Г-н профессор Протасов [27], хотя и выполняет полагающуюся ему работу по анатомии, однако не проявил себя какими-либо открытиями или статьями в академических Комментариях.

Из этого перечня очевидна недостаточность нынешних академиков для занятия вакансий в Академии наук, какова она должна быть и была в прежние годы.

А именно, в настоящее время остаются незамещенными пять важнейших вакансий в Академии наук — недостает:

1) Крупного математика по высшей математике — был Эйлер [28], который ушел из-за неприятностей [29].

2) Крупного специалиста по механике — был Цейгер [30], обоих преследовал Ломоносов, так что они не могли оставаться.

3) Крупного профессора по ботанике и естественной истории — был Кельрейтер [31].

4) Крупного профессора по экспериментальной физике — был Эпинус, который занят при дворе.

5) Крупного профессора по анатомии — был Бургаве [32], который умер.

Пока эти вакансии не будут замещены достойными // **Л. 19** лицами, легко владеющими пером в области своей науки, Академии будет трудно поддерживать свою славу путем непрерывного продвижения ежегодного издания своих Комментариев и будет трудно уберечь себя от упадка.

Правда, конференц-секретарь Штелин уже в течение года в своей академической корреспонденции рассылал приглашения во все концы, однако пока подходящие и желательные лица не согласились занять эти места. Такие приглашения пишутся и до сих пор, в поисках соответствующих членов Академии. Однако заместить их будет трудно, пока об Академии идет слава, что она находится под властью невежественной и властолюбивой Канцелярии.

Еще недавно один знаменитый математик и физик, именно профессор Карстен [33] из Бюцова, отказался от приглашения в здешнюю академию наук, с извинением сославшись на то, что, получая 600 рейхсталеров в Мекленбурге, он может жить несравненно лучше, чем на 1 000 рублей в дорогом Петербурге.

Так называемый Университет при Академии [34] состоит в настоящее время из шести профессоров, ведущих курсы, а именно, профессоров Фишера, Брауна, Котельникова, Румовского, Протасова, Федоровича [35], и одного французского лектора, и из шести, примерно, студентов, которые получают жилье, одежду и питание за счет Академии. Прежде, при его основании, в 1747 году, студентов было до 30; из них некоторым, притом немногим, удалось устроиться на ученые должности, а остальные распределились куда пришлось на незначительные места. Все же хотя так называемый Университет поглощал ежегодно до // **Л. 19 об.** 10 000 рублей из средств Академии, а иногда и больше; а между тем за 5–6 лет не дал, можно сказать, ни одного подходящего и полезного человека. Поэтому сочли более полезным посылать тех из студентов, которые чему-то научились и примерно занимались, за счет Академии в заграничные университеты. В настоящее время 4 из студентов находятся в Геттингене [36], а один в Страсбурге [37], и по предписанию Академии занимаются различными науками.

Замечание). Так как здесь студенты не могут достичь такого совершенства в науках и необходимо посылать их в заграничные университеты, то так называемый Университет при Академии наук, по-видимому, не нужен, и достаточно было бы иметь хорошую Гимназию, как в прежнее время. При этом были бы сбережены значительные средства, которые могли бы быть употреблены для лучшего пополнения Академии наук и самой Гимназии [38].

Гимназия имеет своих собственных наставников и учителей языков, которые под руководством профессора, являющегося инспектором гимназии, преподают примерно 20, а в настоящее время меньшему числу, гимназистов, которые получают за счет Академии квартиру, одежду и питание. Вольнослушатели, дети горожан, также занимаются там, и в настоящее время их числится около 30. Если эта Гимназия будет обеспечена более хорошими преподавателями и приведена в лучшее

состояние, то гимназисты, // **Л. 20** как в немецких гимназиях, окажутся настолько продвинутыми в языках и в основах наук, что их можно будет посылать с достаточной подготовкой в заграничные университеты или же хотя бы в Московский университет к преподавателям более высокого порядка, и ожидать от них соответствующих достижений.

Вновь созданная при Академии низшая школа на 30 мальчиков не входит в штат Академии [39]; ее величество наметила особые школы с необходимыми для этого средствами. Она берет из академических сумм до 8—10 000 рублей, что было бы весьма чувствительно для Академии, если бы она была вновь приведена в надлежащее состояние. Нельзя в то же время отрицать, что из этой школы могут выйти хорошо подготовленные и воспитанные юноши, которые смогут продолжать учение в Гимназии, а затем и готовиться далее к академическим занятиям.

Департаменты искусств [40] в сущности были образованы и поддерживались с самого начала как подсобные к основной, т. е. научной, работе Академии. Последней нужны для ее деятельности искусные чертежники, граверы, картографы, мастера, изготовляющие математические и другие приборы, а для печатания ее трудов — изготовители шрифта и клише, форм из меди и стали, из дерева, резчики по камню, словолитчики и переплетчики. Из этих департаментов была наконец учреждена в 1746 г., под руководством Штелина, первая, правда, маленькая, Академия художеств [41], в которой были организованы 3 класса рисования и класс перспективного рисования, а также отдел живописи, скульптуры и архитектуры, и помещавшаяся в трех комнатах гравировальная мастерская наряду с отдельной // **Л. 20 об.** ной чертежной для изготовления надписей, планов и ландкарт. Таким путем было создано много гравюр всякого рода, а кроме того были воспитаны искусные мастера в области упомянутых выше искусств, которые отчасти остались при Академии, отчасти в других департаментах вне Академии, а кроме того были с успехом использованы при начале организации большой или особой Академии художеств. Упомянутая малая Академия художеств все время поддерживала себя сама сбытом своих работ, в особенности гравюр, и печатанием на меди, выполнявшихся ее мастерами, помощниками и учениками, так что на нее ежегодно тратилось из академических фондов весьма немного.

Географический департамент, который частично занят исправлением карт Атласа Российской империи [42], частично изготовлением новых, состоит из двух географов, Трускотта [43] и Шмидта [44], и 6 учеников, работающих под их руководством. Он подчинен собственно и единственно Академии наук, но Канцелярия до сих пор вмешивалась и в его работу, а покойный Ломоносов всегда тянул его только к себе, так что там происходят постоянные разногласия, а потому за 6 и более лет из него не было выпущено ни одной новой карты. Если он не попадет вскоре в ведение и под руководство академической Конференции, то от него можно будет ожидать весьма мало или вовсе ничего [45].

После того как в 1764 году была учреждена особая большая Академия художеств [46], Канцелярия под этим предлогом сделала весьма большие расходы из академического бюджета на новое устройство Кунсткамеры и уволила многих воспитанных при Академии // **Л. 21** учеников в области упомянутых искусств. Живопись, архитектура и скульптура совершенно замерли. По скульптуре был оставлен лишь талантливый мастер Павлов [47], который получил образование в Академии и затем несколько лет работал в Париже, для постоянной работы в Библиотеке и Кунстка-

мере, а также для обучения лепке учеников рисовальных классов. Таким образом, от Академии художеств в настоящее время осталась только рисовальная школа, мастерская по изготовлению каменных, стальных и деревянных форм и Граверная мастерская. В этой последней под началом очень скучного французского гравера Радига [48], выписанного Таубертом, работают несколько учеников, два подмастера, Виноградов [49] и Греков [50], которые в сущности привлечены для гравирования портретов, и с полдюжины учеников; последние находятся на академической службе по 15 лет и более, но несмотря на постоянные представления директора, получают от всемогущей Канцелярии столь скудное жалование, что работают с величайшей неохотой и мечтают лишь о том, как бы поскорее избавиться от академии.

В Инструментальной мастерской имеется талантливый мастер Чижов [51], который в свое время учился здесь у знаменитого механика Скотта [52], а после этого в течение некоторого времени усовершенствовался в Лондоне. Под его руководством находятся несколько русских подмастерьев и учеников. В этой мастерской изготавливаются очень чисто и аккуратно все математические и астрономические приборы, как для самой Академии, так и по заказам извне за наличный расчет. Наблюдение за нею должен был бы // **Л. 21 об.** всегда осуществлять профессор механики. Однако Канцелярия в последнее время никогда не допускала этого. Поэтому там работают исключительно по приказам Канцелярии, но что делают, как и для кого, не знает ни профессор, ни прочие члены Академии. Между тем приобретение материалов и содержание механиков, изготавливающих приборы, стоит в год весьма немало. То же имеет место в шлифовальной и в мастерской, где изготавливаются барометры и термометры, работа которых всегда скрыта от академиков.

Еще большие суммы из академического бюджета берет ежегодно академическая переплетная [53], которая состоит из немецкого мастера и нескольких русских подмастерьев и учеников.

Все они вместе тратят ежегодно значительные средства на материалы, а для кого — кроме Канцелярии не знает никто в Академии. Правда, всегда говорится, что они тратятся на Библиотеку; однако из года в год не замечается никакого ощутительного расширения последней, во всяком случае, если говорить о настоящих книгах, нужных и необходимых для общественной Библиотеки.

Их все еще нет в Библиотеке, которая вот уже 40 лет пребывает в величайшем беспорядке, и так оно и остается. Причина этого, конечно, в том, что она управляется довольно-таки невежественными библиотекарями, которые, с одной стороны, не владеют языками и не имеют представления о самых нужных и необходимых книгах по каждой отрасли науки, а с другой — так заняты Канцелярией и делами по управлению всеми департаментами Академии, что для пополнения Библиотеки им почти не остается времени. Поэтому они постоянно держат там вместо библиотекаря какого-нибудь студента, который совершенно не подготовлен к этой работе // **Л. 22** и может только разыскать имеющуюся книгу, но менее всего знает, чего недостает Библиотеке и каким образом можно мало-помалу привести ее в должное состояние. К этому присоединяется еще и то, что по личным причинам у профессоров и академиков не требуется, как это практиковалось когда-то, представление годовых списков от каждого по его специальности, с указанием, чего именно нет в Библиотеке и что он советует приобрести.

С естественноисторическими коллекциями и Кунсткамерой дело обстоит так же. Опять истрачены большие суммы на их внешний вид, но мало, или вовсе ниче-

го, на их внутреннее содержание, т. е. на их пополнение путем приобретения еще недостающих предметов. Но как можно делать такие приобретения, если руководители не имеют никакого представления об этих вещах. Рюйшевская коллекция [54] анатомических препаратов — единственная в мире, и неоценима. Однако в ней недостает еще многих существенных предметов, которые <нрзб.> уже давно и без труда могли бы быть приобретены. Например, наклеенная система нервов, артерий, вен и т. п. Кроме того, из этого сокровища еще до сих пор не делается должного применения, для которого оно, в сущности, служит. А именно, следовало бы каждый год читать публичный курс или семинар для хирургов, студентов и других интересующихся анатомией, и демонстрировать им все эти предметы, которые они вряд ли где в мире увидят собранными все вместе. Точно так же нужно было бы поступать с собраниями, хотя и очень неполными, по естественной истории: животных, птиц, змей, насекомых, // **Л. 22 об.** растений, минералов, ископаемых и т. п., чтобы преподавать естественную историю, и именно при этом выявилось бы, как неполон естественноисторический кабинет и что именно нужно приобрести хотя бы на первых порах для его пополнения. В нем отсутствует даже коллекция *Simplicium* для изучения *Materiae medicae*⁵. Из искусственных предметов, хотя бы моделей важнейших машин, там нет почти совсем ничего.

Монетный кабинет [55], который в своем роде гораздо богаче упомянутых собраний естественноисторических предметов, представляет собою драгоценную коллекцию, к которой, как и к хранилищу остальных золотых и вообще ценных вещей, ключ имеется лишь у одного библиотекаря Тауберта⁶; этот кабинет также мог бы принести большую пользу, если бы летом какой-либо профессор древностей и истории провел бы соответствующий семинар с демонстрацией предметов.

Прекрасную добавку к содержанию всех академических департаментов сверх ассигнованной годовой суммы могла бы дать —

Академическая типография [56]. Она состоит из двух основных отделений, именно, русской типографии и немецкой, или иностранной. В первой имеется 12 работающих станков, и она могла бы служить как вообще для пользы государства, так в частности к выгоде Академии, ибо даст годовой доход в 10 000 рублей, если бы она была // **Л. 23** занята тем, что нужно, а не тем, что вздумается, необходимыми вещами, а не романами. Однако об этом никогда не спрашивают собственно Академию наук, или профессоров. Господин статский советник Тауберт один велит печатать и перепечатывать, что он желает и что считает нужным, и командует всеми и 30 наборщиками и печатниками. В немецкой типографии, где печатаются книги и по латыни, и на других языках, имеется 4 станка, которые также никогда не простаивают без дела; там печатаются латинские *Commentarii* Академии и другие труды профессоров, если г-н Тауберт разрешает их выпуск.

Все академики и профессора уже давно решили на своем собрании, а конференц-секретарь сделал об этом письменное представление Канцелярии, что было

⁵ Коллекция *Simplicium* — простая коллекция (*лат.*); *Materia medica* — фармакология (*лат.*).

⁶ Такие кабинеты монет и редкостей в других местах хранятся обычно под двумя или тремя различными замками, для чего 2 или 3 лица, обязанные присутствовать при открытии [хранилища], имеют каждый свой ключ, как это делается в Лейпциге, Вене, Гарлеме и т. п. — *Примеч. со звездочкой в оригинале рукописи.*

бы крайне нужно и полезно напечатать при Академии по латыни труды главнейших и необходимых для школы 12 классических авторов, чтобы России не приходилось постоянно выписывать их за наличный расчет из Германии и других стран, и чтобы их можно было получать здесь по более дешевой цене [57]. Однако дело так и не пошло дальше этого представления, а г-н Тауберт не нашел на него никакой другой резолюции, как: хорошо, он посмотрит.

И так обстоит обычно и с другими книгами, которые, как необходимейшие, следовало бы в первую очередь перевести на русский язык и напечатать. Целая масса наборщиков и 17–20 станков находятся по- // **Л. 23 об.** стоянно в работе и дают немало печатного материала, но очень мало из того, что должно бы быть напечатано в первую очередь. При этом не без основания раздаются жалобы на то, что нет переводов таких трудов, потому что при огромной массе так называемых трансляторов имеется крайне мало переводчиков, которые были бы в состоянии перевести книгу. Этому горю легко было бы помочь, если бы вновь учредить Российское собрание [58], основанное когда-то прежним президентом бароном Корфом, и вообще привлечь к этому делу способных людей из Гимназии и так называемого Университета. Цели этого Собрания, в которое среди других входили также тайные советники Ададуров [59] и Эмме [60], состояли, между прочим, по образцу Французской академии, в усовершенствовании русского языка и выработке его грамматики. Там переводились книги и прочитывались на обсуждение других членов, там рассматривали другие русские работы, там начали составлять русский словарь, которого нет и до настоящего времени.

От упомянутой типографии зависит и академическая книжная лавка, и ее чистая прибыль. Она дает от продаж русских книг, ландкарт и других гравюр годовой доход в 12 000 рублей, иной год больше, иной год меньше, и могла бы приносить значительно больший капитал, если бы типография, кроме упомянутого, давала ей еще добавочную продукцию. Эти доходы находятся в ведении только книжного комиссара и канцелярии. Они шли до сих пор частично на // **Л. 24** приобретение многочисленных материалов, как-то бумаги и прочего, для чего содержится собственный склад; частью на оплату многих необходимых сверх положенного штата, состоящих на службе Академии художников, рабочих, учеников. Наряду с этой русской книжной лавкой имеется еще другая отдельная, которая располагает чрезмерным запасом иностранных книг. Здесь заложен большой мертвый капитал, из которого даже половина не оборачивается и таким образом лежит втуне, ибо из Лейпцига и Амстердама ежегодно выписываются книги целыми тюками, а сбыт в городе идет поодиночке, в другие же места империи — в лучшем случае пакетами. Поэтому необходимо получается так, что чем дальше, тем больше книг остаются лежать в лавке, так что запас книг растет чем дальше, тем больше, являясь бременем для академического бюджета. К тому же среди академиков нет никого, кто понимал бы разницу в книгах и кому были бы поручены руководство и внешний надзор за выпиской книг и этой внешней книготорговлей, как это было когда-то, и даже еще несколько лет назад. Эта торговля, как и русская книжная лавка, подчинены Канцелярии, то есть одному господину Тауберту, и книготорговец или фактор может выписывать, что желает, в меру своего понимания, или же довольствоваться тем, что ему шлет иностранный книготорговец; поэтому не приходится удивляться, что чаще всего там нельзя найти самых ходовых книг, самые новые также встречаются редко, и за все нужно пла- // **Л. 24 об.** тить очень дорого. Уже и из этого ясно, что невозможно по-

ручать одному г-ну Тауберту надзор и соответствующее руководство столь многими разнородными департаментами, и, следовательно, насколько необходимо распределить этот надзор и управление различными департаментами между различными академиками сообразно особым склонностям и способностям каждого из них. Они могли бы выполнять эти обязанности наряду со своей научной деятельностью, как побочную работу, раз в неделю встречаться в Канцелярии, совещаться о текущих нуждах, и таким образом *in corpore*⁷ лучше управлять Академией и приносить государству безмерно больше пользы, чем если они, как это имеет место сейчас, исключены из всех дел по управлению. Сейчас они только втайне вздыхают, наблюдая явное падение Академии под управлением руководителя, предоставленного самому себе и не понимающего и половины того, что делает, или зря тратят свое усердие и рвение к общему благу, живут с оглядкой и подвергаются преследованиям.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 934. Оп. 1. Д. 307. Л. 16–24 об.

Примечания

1. Актуариус — в России XVIII в. канцелярский служащий в государственных учреждениях, регистрирующий акты или их составляющий.
2. Тауберт Иоганн Каспар (Иван Иванович) (Taubert Johann Caspar; 1717–1771) — историк и библиотекарь, адъюнкт по истории в АН с 1738 г., советник академической Канцелярии, зять И.Д. Шумахера.
3. Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) — физик, химик, астроном, специалист в области горного дела, географ, историк, филолог, поэт, адъюнкт физического класса в АН с 1742 г., профессор химии с 1745 г.
4. Штелин Якоб (Stählin Jacob von; 1709–1785) — литератор и историк искусств, член нескольких Академий наук.
5. Миллер Герард Фридрих (Федор Иванович) (Müller Gerhard Friedrich; 1705–1783) — историк, археограф; в России с 1725 г.; адъюнкт с 1725 г., профессор истории в АН с 1730 г.; конференц-секретарь АН в 1728–1730 и 1754–1765 гг.; участник академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743); надзиратель Московского воспитательного дома с 1765 г., начальник Московского архива Коллегии иностранных дел с 1766 г.
6. Шумахер Иоганн Даниил (Schumacher Johann Daniel; 1690–1761) — в России с 1714 г.; секретарь Аптекарской (Медицинской) канцелярии, смотритель библиотеки и кабинета редкостей Петра I (1714–1724); секретарь с 1724 г., советник с 1747 г. Канцелярии АН, руководитель Библиотеки и Кунсткамеры АН (1724–1761).
7. Разумовский Кирилл Григорьевич (1728–1803) — граф, государственный деятель, последний гетман Малороссии с 1750 г., президент АН с 1746 по 1798 г.
8. Речь идет о событиях весны — лета 1763 г. 2 мая Екатерина II подписала указ об отставке М.В. Ломоносова, а 13 мая отменила свой указ, но поскольку новых распоряжений не последовало, то положение Ломоносова оставалось неопределенным. С середины мая по 7 августа он не присутствовал в Канцелярии. Этим и воспользовался И.И. Тауберт.
9. По Уставу Академии 1747 г. ежегодный бюджет составлял 53 298 руб.
10. Корф Иоганн Альбрехт фон (Korff Johann Albrecht von; 1697–1766) — барон, дипломат, президент АН с 1734 по 1740 г.

⁷ В полном составе (лат.).

11. Делиль Жозеф Никола (Delisle Joseph Nicolas; 1688–1768) — астроном, географ, профессор астрономии в АН (1725–1747), иностранный почетный член АН (1747–1748).
12. Вейтбрехт Иосия (Weitbrecht Josias; 1702–1747) — анатом, физиолог, врач; адъюнкт по физиологии с 1725 г., профессор физиологии Академии наук с 1731 г.
13. Амман Иоганн (Amman Johann; 1707–1741) — ботаник и медик, член Лондонского королевского общества (1731), профессор ботаники и натуральной истории в АН с 1733 по 1741 г.
14. Крафт Георг Вольфганг (Krafft Georg Wolfgang; 1701–1754) — математик, астроном, физик; адъюнкт по астрономии с 1727 г., профессор математики и физики с 1731 по 1744 г., конференц-секретарь АН с 1730 по 1733 г., иностранный почетный член с 1745 г.
15. Я.Я. Штелин исполнял обязанности конференц-секретаря с 7 марта 1765 г. по 22 февраля 1769 г.
16. *Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae* (Комментарии Санкт-Петербургской Императорской Академии наук), первое научное периодическое издание Академии наук, выходили на латинском языке в 1728–1751 гг., было издано 14 больших томов. Это издание в XVIII в. продолжили: *Novi Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae* (Novi Comm.), 1750–1776, 20 томов; *Acta Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae* (Acta), 1778–1786, 12 томов; *Nova Acta Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae* (Nova Acta), 1787–1806, 15 томов.
17. Фишер Иоганн Эбергард (Fischer Johann Eberhard; 1697–1771) — филолог, адъюнкт по истории и древностям в АН с 1732 г., профессор с 1747 г., ректор Академической гимназии с февраля 1767 г.
18. Шлёцер Август Людвиг (Schloezer August Ludwig; 1735–1809) — историк, адъюнкт по истории в АН с 1762 г., профессор истории и статистики с 1765 г., иностранный почетный член с 1769 г.
19. Г.Ф. Миллер весной 1765 г. переехал из Петербурга в Москву.
20. Браун Иосиф Адам (Braun Joseph Adam; 1712–1768) — физик, метеоролог, профессор философии в АН с 1748 г.
21. Попов Никита Иванович (1720–1782) — астроном, переводчик, адъюнкт по астрономии, в АН с 1748 г., профессор с 1751 по 1768 г.
22. Румовский Степан Яковлевич (1734–1812) — астроном и математик, адъюнкт по астрономии в АН с 1753 г., экстраординарный профессор с 1763 г., ординарный профессор с 1767 по 1803 г., вице-президент АН с 1800 по 1803 г.
23. Леман Иоганн Готтлоб (Lehmann Johann Gottlob; 1719–1767) — химик, геолог, профессор химии в АН с 1761 г. Погиб в химической лаборатории 22 января 1767 г. от отравления соединениями мышьяка.
24. Эпинус Франц Ульрих Теодор (Aepinus Franz Ulrich Theodor; 1724–1802) — астроном Берлинской АН с 1755 г., профессор физики в Петербургской АН с 1756 по 1798 г.
25. Об особом положении Ф.У.Т. Эпинуса см. во вступительной статье.
26. Котельников Семен Кириллович (1723–1806) — математик; адъюнкт по математике в АН с 1751 г., экстраординарный академик по высшей математике с 1756 г., ординарный академик с 1760 по 1797 г., почетный член с 1797 г.
27. Протасов Алексей Протасьевич (1724–1796) — медик, писатель, переводчик. адъюнкт по анатомии в АН с 1751 г., профессор с 1763 г.
28. Эйлер Леонард (Euler Leonard; 1707–1783) — математик, механик, физик. Адъюнкт по физике с 1726 г., академик по физике с 1731 г., по высшей математике с 1733 по 1741 г., вторично академик с 1766 г.
29. Л. Эйлер покинул Академию наук в Петербурге в 1741 г. (вернулся в 1766 г.).
30. Цейгер Иоганн Эрнст (Zeiger (Zeiher) Johann Ernst; 1725–1784), физик, механик, профессор физики в Виттенберге, профессор механики в Петербургской АН с 1756 г., иностранный почетный член АН с 1764 г.

31. Кёльрейтер Йозеф (Иосиф) Готтлиб (Kölreuter Joseph Gottlib; 1733–1806) — ботаник, адъюнкт АН с 1755 по 1761 г., иностранный почетный член АН с 1765 г.
32. Каау-Бургаве Авраам (Абрахам) (Kaau-Boerhaave Abraham; 1715–1758) — медик, иностранный почетный член АН с 1744 г., профессор анатомии и физиологии с 1746 г., ординарный академик с 1747 г.
33. Карстен Венцеслав Иоганн Густав (Karsten Wenceslaus Johann Gustav; 1732–1787) — немецкий математик, профессор логики в Ростке и Бютцове, затем профессор физики в Галле.
34. Университет при Академии наук — учебное заведение, создание которого было предусмотрено проектом «Положения об Академии наук» Петра I от 22 января 1724 г. О начале занятий было объявлено 14 января 1726 г. После утверждения в 1747 г. «Регламента и штата Академии наук» Университет был реформирован. В 1758–1765 гг. Университет находился в ведении М.В. Ломоносова, после кончины которого стал приходить в упадок.
35. Федорович Георг Фридрих (Fedorowicz Georg Friedrich; даты рождения и смерти неизвестны) — юрист, профессор юриспруденции АН с 22 февраля по 1 марта 1770 г.
36. В Гёттинген были отправлены четверо студентов: В. Венедиктов, И.Б. Иноходцев, В.П. Светов и И. Юдин.
37. В Страсбурге обучение проходил А.П. Протасов.
38. Академическая гимназия была создана как подготовительное учебное заведение при Академическом университете. Начала работать в январе 1726 г. Предполагалось прежде всего обучать гимназистов языкам: латинскому, немецкому, французскому и др., а также математике, физике, географии и другим предметам. В 1803 г. Академия наук приняла новый устав, в котором отказалась от подготовки отечественных кадров, в связи с чем в 1805 г. Академическая гимназия была упразднена.
39. Видимо, речь идет о Воспитательной школе, или Воспитательном училище при Академии наук, открытом весной 1765 г. Это было сделано в рамках проводимой Екатериной II и известным деятелем отечественной культуры и образования И.И. Бецким (1704–1795) реформы образования. В результате реформы было создано несколько учебных заведений закрытого типа, например, воспитательные дома, Смольный институт, Воспитательное училище при Академии художеств и др. Училище при Академии наук во всем должно было походить на училище при Академии художеств. В училище при Академии наук должны были набрать 30 детей 5–6-летнего возраста для воспитания и обучения.
40. Департамент искусств. Для удовлетворения практических потребностей Академии наук в ее состав с момента основания входили художественные мастерские, именовавшиеся в то время палатами, а именно: Переpletная, Словолитная, Пунсонная (пунсон — вырезанное на стали выпуклое изображение, которым на меди выдавливали матрицу для отливки шрифта), Гравировальная, Фигурная («Типография гравированных фигур»), Ландкартная, Резная, Столярная, Оптическая, Токарная, Слесарная, Инструментальная и Рисовальная. В 1747 г. Елизавета Петровна утвердила первый Регламент Академии наук, в сопроводительных документах к которому художественный комплекс Академии именовался Академией художеств. Автор Записки ошибся во времени создания Академии художеств.
41. Первая Академия художеств была образована в 1747 г.
42. Атлас Российский, подготовлен Академией наук и выпущен в 1745 г. Атлас состоит из 19 карт губерний Российской империи и одной Генеральной карты страны.
43. Трускотт Иоганн (Иван Фомич) (Truscott Johann; 1721–1786) — географ, картограф; адъюнкт по Географическому департаменту Академии наук с 1742 г.
44. Шмидт Якоб Фридрих (Schmidt Jakob Friedrich; ?–1786), географ, картограф, адъюнкт по Географическому департаменту с 11 июля 1757 г.
45. Географический департамент — картографическое учреждение Академии наук. Департамент был основан в 1739 г. для ускорения картографических работ по составлению атласа России (хотя картографическими работами занимались уже с основания Академии

- наук). Руководителями Географического департамента в разные годы были Ж. Делиль, Л. Эйлер, Г.Ф. Миллер, М.В. Ломоносов и др.
46. Академия художеств была учреждена решением Сената 6 ноября 1757 г. в Петербурге в царствование императрицы Елизаветы Петровны. В 1764 г. Екатерина II, утвердив Устав и штаты, преобразовала ее в Императорскую Академию художеств.
 47. Павлов Михаил Павлович (1733/1734 — после 1784) — скульптор, архитектор, воспитанник Рисовальной и Резной палат АН. С 1769 г. в течение 14 лет был главным инспектором академических строений, исполняя также и должность скульптора; принимал участие в строительстве и ремонте академических зданий и домов академиков, а также в строительстве нового здания Академии наук, возведенного по проекту архитектора Дж. Кваренги на берегу Невы.
 48. Радиг Антуан-Христофор (Антон Яковлевич) (Radigue Antoine-Christophor; 1721—1809) французский гравер на меди, с 1764 г. работал в Российской империи в Академии наук и в Академии художеств.
 49. Виноградов Ефим Григорьевич (между 1725 и 1728—1769), рисовальщик и гравер. В 1740 г. зачислен в штат Академии «рисовального искусства» учеником; в 1754 г. переведен в Гравировальную палату как подмастерье, позднее — гравер.
 50. Греков Алексей Ангилеевич (между 1723 и 1726 — после 1770) — рисовальщик, гравер; обучался в Рисовальной и Гравировальной палатах Академии наук. С 1756 г. — подмастерье гравировального искусства Академии наук, с начала 1760-х руководил Гравировальной палатой (вместе с Е.Г. Виноградовым), в 1770 г. уволен из АН.
 51. Чижов Николай Галактионович (1731—1767) — мастер Инструментальной палаты АН.
 52. Скотт Бенджамин (Scott Benjamin; до 1690—1751) — английский мастер инструментального дела при Академии наук с 1747 г., механик, починил Большой Готторпский глобус.
 53. Переплетная палата была создана при Академии наук для обслуживания нужд Библиотеки, Конференции, Книжной палаты (лавки) и входила в комплекс Художественных мастерских Академии наук. Штампы и литеры для переплетов отливались в Пунсонной палате, гравированные и иллюминированные иллюстрации для книг, предназначенных к переплету, поступали из Гравировальной и Рисовальной палат и т. д. Помимо переплетов, в палате изготавливались футляры для инструментов, ларцов и даже фляг. Задачи палаты не были только утилитарными. Помимо обеспечения сохранности, художественно оформленные переплеты позволяли использовать книги и инструменты в качестве наград, поощрений, подношений и дипломатических даров. Палата также выполняла заказы Императорского Двора.
 54. Рюйшевская коллекция — коллекция анатомических препаратов, приготовленных знаменитым нидерландским анатомом Фредериком Рюйшем (Ruysch Frederik; 1638—1731) и купленных Петром I в 1717 г. во время второго заграничного путешествия за 50 000 флоринов. Находящиеся в Кунсткамере в Петербурге препараты превосходно сохранились до настоящего времени.
 55. Монетный кабинет, или Мюнцкабинет, создан при Петре I (кабинет Петра Великого): тогда для Кунсткамеры в 1721 г. в Гамбурге был приобретен «Ледеров медальный кабинет», а также 150 серебряных вызолоченных медалей «маянского монетных дел назирателя Лауфета».
 56. Типография, или Книгопечатня, — одно из подразделений Академии наук. Была открыта в октябре 1727 г. в Петербурге во дворце царицы Прасковьи Федоровны (ныне на этом месте находится Зоологический институт РАН); состояла из двух отделений — русского и иностранного.
 57. На заседании академической Конференции 10 июня 1765 г. обсуждался вопрос о нехватке книг античных авторов для студентов Университета и гимназистов. Покупать эти книги в Лейпциге очень дорого и очень долго. Академики решили обратиться в Канцелярию к советнику И.И. Тауберту, чтобы напечатать эти книги в типографии АН.

-
-
58. Российское собрание было учреждено в 1735 г., оно было собранием переводчиков АН.
 59. Адодуров (Ададуров) Василий Евдокимович (1709–1780) — адъюнкт по высшей математике с 1733 по 1741 г., литератор, почетный член АН с 1778 г.
 60. Эмме Федор Иванович (1699–1767) — государственный деятель, тайный советник.

Юлия Борисовна Евдокименкова

кандидат химических наук,
ведущий научный сотрудник
Библиотеки по естественным наукам
Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: library.ioc@mail.ru

Наталья Олеговна Соболева

кандидат химических наук,
ведущий научный сотрудник
Библиотеки по естественным наукам
Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: library.ioc@mail.ru

Роль Отделения химических наук АН СССР в научном книгоиздании в годы Великой Отечественной войны

УДК: 001.32+655.59

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-27-36

В годы Великой Отечественной войны Академия наук СССР являлась направляющей силой в организации научных исследований в стране. Благодаря ее деятельности были обеспечены потребности обороны в промышленных разработках и сохранен научный потенциал нашего общества. Академия также взяла на себя ведущую роль в научном книгоиздании, сумев сохранить выпуск всех журналов, учредителем которых она являлась. Уже в 1946 г. число публикаций в журналах превысило довоенный уровень, вышли из печати вновь созданные периодические издания, сборники трудов конференций, монографии. В военные годы академические журналы, помимо своей основной функции, стали источником информации о важнейших событиях в научной жизни Академии и ее отдельных институтов, средством поддержания патриотического настроения и консолидации научного сообщества перед лицом врага. Издания военных лет являются объектами научного наследия России, носителями исторической памяти нашего народа. Бережное хранение, повышение их доступности для современных поколений путем цифровизации представляет собой важную задачу в работе библиотек Академии наук на современном этапе их деятельности.

Ключевые слова: Академия наук, Отделение химических наук, Великая Отечественная война, химические журналы, научное наследие, книгоиздание.

Российская химическая наука начала особенно интенсивно развиваться во второй половине XIX в. В 1868 г. было основано Русское химическое общество «с целью содействовать успехам всех частей химии и распространять химические знания». Благодаря многочисленным открытиям отечественные ученые заняли видное место в мировом профессиональном сообществе. Этот фактор в сочетании с курсом на индустриализацию страны позволил уже в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. вывести научный потенциал на высокий уровень, позволяющий самостоятельно решать проблемы социально-экономического развития СССР. Анализируя ситуацию с развитием химии в европейских странах, Э. Крейн, главный редактор реферативного издания по химии “Chemical Abstracts” (CA) Американского химического общества, отмечал, что «раннее признание ценности науки при новом режиме в России и ее быстрое развитие при нем стали для многих неожиданностью. <...> Очевидно, России суждено сыграть большую роль в химии в предстоящие годы» [Crane, 1944, p. 1481]. К началу Великой Отечественной войны Отделение химических наук АН СССР включало девять институтов, филиалы АН союзных республик насчитывали три научных института химического профиля. Все они имели немногочисленный, но высококвалифицированный состав сотрудников и были снабжены современным для того времени оборудованием [Страницы героического..., 1989].

Развитие науки повлекло за собой развитие научного книгоиздания. В первое послереволюционное десятилетие основным химическим журналом оставался основанный в 1869 г. Журнал Русского физико-химического общества (ЖРФХО). Этого было недостаточно. В начале 1930-х гг. появляются новые научные журналы, учредителем которых являлась АН СССР. В 1931 г. преемником ЖРФХО становится «Журнал общей химии». Кроме того, Отделением химических наук были учреждены «Журнал прикладной химии» (1928), «Журнал физической химии» (1930), «Успехи химии» (1932), “Acta physicochimica URSS” (1934), «Известия Академии наук СССР. Отделение химических наук» (1936). Статьи химической тематики печатались в мультидисциплинарных журналах «Доклады АН СССР», «Вестник АН СССР», научно-популярных изданиях «Природа» и «Наука и жизнь». Наркоматы промышленности начали выпуск журналов «Заводская лаборатория» (1932), «Каучук и резина» (1927), «Коллоидный журнал» (1935), «Пластические массы» (1931), «Промышленность органической химии» (1936), «Химия твердого топлива» (1930) и др.

Научная книга в 1922 г. составляла 13,4% от общего объема книгоиздания, 11% приходилось на научно-популярные издания. В дисциплинарном разрезе преобладали книги в области социальных наук, прикладные науки следовали за ними. В типологическом отношении приоритет отдавался периодической литературе. Печать монографий была снижена, причины этого — текущие экономические и политические проблемы [Долгова, 2019].

В 1941 г. Академией наук СССР издавалось 33 журнала, 6 из которых выпускало Отделение химических наук (ОХН). Вступление нашей страны в войну отразилось на научном книгоиздании. Химические журналы, выпускаемые наркоматами промышленности («Заводская лаборатория», «Коллоидный журнал» и др.) приостановили свой выпуск. Но ОХН сохранило выпуск всех изданий. Редакции журналов

были эвакуированы в Казань. Несмотря на нехватку сотрудников, дефицит бумаги, новые номера регулярно выходили из печати. Количество публикаций в журналах в 1942 г. сократилось почти в 2,5 раза (рис. 1), и это имело свои объективные причины.

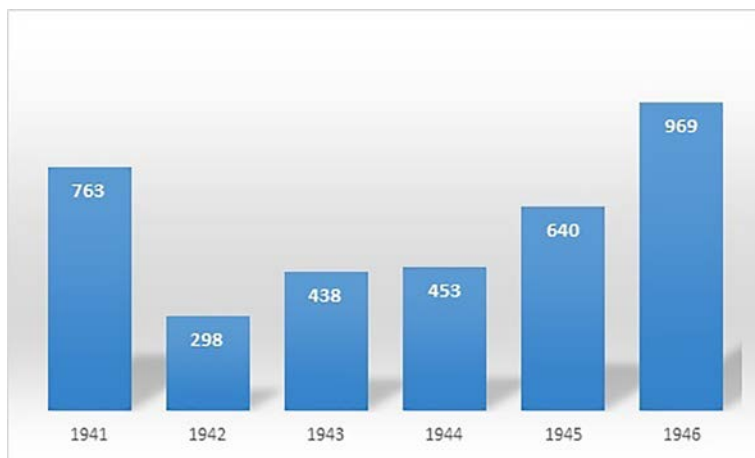

Рис. 1. Изменение количества публикаций по химии в 1941–1946 гг.

Fig. 1. Change in the number of publications in chemistry, 1941–1946

Планы научных исследований были приведены в соответствие с нуждами военного времени, много разработок велось по специальным направлениям, публикация результатов которых была невозможна. Ученые работали в тесной связи с промышленниками, времени для подготовки статей к печати катастрофически не хватало. Например, академик И.Л. Кнунянц, работавший в Институте органической химии АН СССР, на время войны был переведен в Академию химзащиты. За это время он не опубликовал ни одной статьи в журналах, но являлся автором книги «Отравляющие вещества и борьба с ними» (1941) [Рубинштейн, 1995].

Журналы АН стали в этот сложный период не только площадкой для публикации результатов научных исследований, но и источником информации о ситуации в Академии и ее отделениях, средством поддержания патриотического настроения и консолидации научного сообщества перед лицом врага.

«Вестник Академии наук СССР», как официальный печатный орган, публикациями «Выступление по радио В.М. Молотова от 22 июня» и «Выступление по радио И.В. Сталина от 3 июля 1941 г.» сообщил о нападении Германии на СССР и начале войны. В этом же номере с обращением к ученым всех стран «Против фашистских палачей» выступили академики АН СССР, а также вышли публикации академиков Ем. Ярославского «Великая Отечественная война советского народа» и А.Н. Толстого «Я призываю к ненависти». Журнал «Природа», № 1–2 1942 г., начинается публикацией «К передовым людям всех стран мира», в которой советские ученые обращаются с жгучим протестом против вандализма гитлеровских захватчиков, разрушающих святыни русской культуры. Многие публикации этого журнала были посвящены проблемам науки в военное время: «Учение Павлова и война» Л.А. Орбели, «Ботаника и война» М.М. Ильина и Е.М. Лавренко, «Падение био-

логической науки в фашистской Германии» А.Н. Студитского, «Геология и война» Н.А. Быховера и др. [Евдокименкова, Соболева, 2020].

Каждый номер журнала «Известия АН СССР. Отделение химических наук» содержал раздел «Хроника», в котором публиковалась информация о наиболее важных мероприятиях в АН СССР, ОХН, институтах и лабораториях — собраниях, торжественных заседаниях, сессиях, докладах, заслушанных на этих мероприятиях. Регулярно публиковались итоги деятельности Отделения и его институтов за отчетные периоды, сообщения об избрании новых членов АН СССР, присуждении премий и наград, о международном сотрудничестве и издательской деятельности.

В издании научных монографий в годы войны наблюдается резкий спад. В 1942–1943 гг. их печаталось крайне мало. Во-первых, монография представляет собой крупное произведение, требующее серьезной подготовки к изданию. Во-вторых, в этот период приоритет отдавался печати патриотической и научно-популярной литературы. Тематика научных изданий соответствовала потребностям того времени: преобладала химия топлива, лекарственных средств, взрывчатых веществ. Приведем названия некоторых из них: «Очерки по химии моторных топлив и смазочных масел» (А.Д. Петров, 1941), «Хлоратные и перхлоратные взрывчатые вещества» (И.Ф. Блинов, 1941), «Практикум по синтетическим лекарственным и душистым веществам и фотореактивам» (А.М. Беркенгейм, 1942), «Пути развития органического синтеза» (А.Д. Петрова, 1943), «Военный англо-русский словарь» (А.М. Таубе, 1942), «Жидкое топливо и война» (Я.Т. Эйдуз, 1943) «Химия отравляющих веществ» (В.Г. Немец, Е.Г. Социлин, 1941), «Термография» (Л.Г. Берг и др., 1944), «Очерк развития русского противогаса во время Империалистической войны 1914–1918 гг.» (Н.А. Фигуровский, 1942), «Уголь, как средство борьбы с удушающими и ядовитыми газами» (Н.Д. Зелинский, 1941) и др.

Анализ ключевых слов, встречающихся в журнальных статьях этого периода, приведен в таблице 1¹. Он показывает, что в публикациях журнала «Доклады АН СССР» преобладали исследования производительных сил страны, ее природных богатств — полезных ископаемых, водных и растительных ресурсов, почв. В химических журналах основной тематикой являлся катализ, реакции (де)гидрирования, окисления, углеводороды, термодинамические процессы — все это так или иначе связано с топливом, созданием взрывчатых веществ, полимеров.

За военный период наибольшее количество статей в ОХН было опубликовано акад. А.А. Баландиным (табл. 2).

В рамках ОХН создавались специальные комиссии. В 1944 г. в Отделении работало шесть комиссий: по высокомолекулярным соединениям, аналитической химии, изотопам, минеральным водам, разработке и изданию наследия Д.И. Менделеева, истории химии. Одной из составляющих их деятельности являлась подготовка и выпуск специальных изданий. Аналитической комиссией был подготовлен сборник трудов по аналитической химии (1944), обоснована необходимость выпуска специального журнала по этой дисциплине. Первый выпуск «Журнала аналитической химии» выйдет из печати уже в 1946 г. Комиссией по минеральным водам была возобновлена подготовка справочника минеральных вод СССР. В 1944 г. Комиссия по изданию трудов Д.И. Менделеева усилила работу по подготовке к печати очередных томов.

¹ Данные получены из реферативной базы данных *Chemical Abstracts*.

Табл. 1. Ключевые слова, наиболее часто встречающиеся в публикациях по химии (1941–1946)

Table 1. Keywords most commonly found in publications on chemistry (1941–1946)

Доклады АН СССР	Журнал общей химии	Журнал прикладной химии	Журнал физической химии	Успехи химии	Acta physico- chimica URSS	Известия Академии наук СССР. ОХН
минералы	катализ	катализ	энергия активации	биография	молекулы	катализатор
вода	спирт	окисление	энергия	история	спектр	углеводороды
растения	кислота	уголь	окисление	Периодическая система	энергия	гидрирование
почвы	изомеризация	полимеризация	адсорбция	химия	кристаллическая структура	кристаллическая структура
кристаллы	углеводороды	дегидрирование	кристаллическая структура	молекулы	энергия активации	окисление
молекулы	гидрирование	углеводороды	термодинамика	некролог	связь	изомеризация
спектр	кетоны	коррозия	катализ	атомное ядро	реакция	спирт
кристаллическая структура	амины	красители	спектр	катализ	катализатор	алкены
нефть	эфир	растворитель	катализатор	углеводороды	адсорбция	реакция Гриньяра
окисление	полимеризация	адсорбция	энтропия	реакция	кристаллы	катализ

Табл. 2. Наиболее продуктивные авторы (1941–1946)

Table 2. The most productive authors (1941–1946)

	Проиндексировано в СА	Всего в журналах ОХН
Баландин А.А.	75	80
Зелинский Н.Д.	35	52
Назаров И.Н.	29	49
Несмеянов А.Н.	27	38
Наметкин С.С.	16	32

В 1944 г. в публикации И.И. Заславского, посвященной роли русских ученых в создании мировой химии, было отмечено, что работ по истории химии нашими учеными опубликовано крайне мало, и даже среди того небольшого количества часть приходится на переводы зарубежных исследователей, некрологи, почти отсутствуют широкие обзоры [Заславский, 1943]. В связи с этим в 1944 г. была создана Комиссия по истории химии АН СССР, ее возглавил акад. А.Е. Арбузов. Были определены основные задачи в ее работе — разработка истории русской и советской химии, составление исторической библиографии, собрание соответствующей документации и привлечение внимания советских химиков к вопросам истории химии. К печати были подготовлены обзоры С.А. Погодина «История физико-химического анализа в России и СССР», А.Ф. Капустинского «История неорганической химии в СССР» и А.Е. Арбузова «История органической химии в СССР». Последние два были дополнены, и в 1948 г. вышла в свет монография А.Е. Арбузова «Краткий очерк развития органической химии в России», а в 1949 г. «Очерки по истории неорганической и физической химии в России» А.Ф. Капустинского. В 1945 г. было основано сериальное издание «Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия химических наук»; первая книга, посвященная Н.Д. Зелинскому, вышла в 1946 г.

Несмотря на военное время в институтах ОХН проводились конференции, например, в 1944 г. их было пять, публиковались тезисы докладов, но многие сборники трудов конференций и совещаний вышли из печати только после окончания войны.

При ОХН состояло Всесоюзное химическое общество им. Д.И. Менделеева. Общество имело 28 отделений в разных городах страны, а также Университет физико-химии и химической технологии имени акад. Зелинского, который проводил работу по повышению квалификации лиц, готовящихся к защите диссертаций на степень кандидата химических наук и выполняющих научно-исследовательскую работу. Общество также осуществляло издательскую деятельность. В годы войны было выпущено несколько сборников статей, посвященных высокомолекулярным соединениям, подготовлена монография по истории Химического общества за 75 лет его деятельности, вышедшая из печати в 1947 г. [75 лет, 1947].

В 1944 г. была закончена эвакуация институтов ОХН в Москву и Ленинград. Повзрослел тонус научной жизни, оживилась деятельность отделения. В состав ОХН на тот момент входило семь научных организаций (Институт общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова, Институт органической химии, Институт химической физики, Коллоидно-электрохимический институт, Радиевый институт, Гидрохимический институт и Лаборатория геохимических проблем им В.И. Вернадского). Кадровый состав насчитывал свыше 900 сотрудников, из них 18 академиков и 25 членов-корреспондентов, 523 составлял научный персонал, 39 докторантов и 60 аспирантов. В этом году было защищено 7 докторских и 21 кандидатская диссертация, опубликовано 442 печатных работы [Работа Институтов..., 1945]. Тематика исследований получает сдвиг в сторону теоретических и перспективных проблем. После резкого спада публикационной активности в 1942 г. количество статей в журналах в последующие годы постепенно увеличивалось, довоенного уровня оно достигло в 1946 г. На рисунке 2 отражена динамика количества публикаций в отдельных журналах ОХН в 1941–1946 гг.

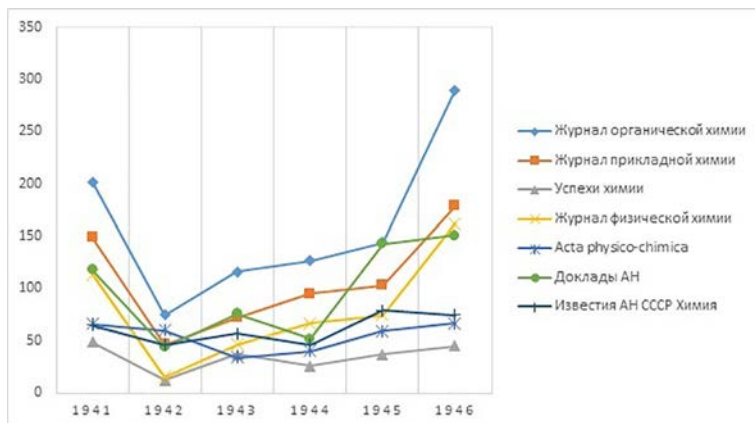

Рис. 2. Изменение количества публикаций в журналах ОХН АН СССР в 1941–1946 гг.

Fig. 2. Changes in the number of publications in the journals of the Division of Chemical Sciences of the USSR Academy of Sciences (1941–1946)

Одно из собраний ОХН было проведено по инициативе А.Е. Порай-Кошица и посвящено развитию высшего химико-технического образования в СССР. На собрании постановили усилить подготовку инженеров в существующих втузах. Одним из обязательных условий этого было пополнение библиотек за счет регулярного поступления отечественной литературы и закупки зарубежной.

В план изданий на 1945 г. уже вносилась расширенная печать монографий, трудов институтов и научных организаций ОХН, брошюр по научным школам. Увеличился выпуск научно-популярной литературы (всего АН СССР в 1944 г. было опубликовано 8 изданий, в 1945 — 25). В 1945 г. в свет вышло много работ, приуроченных к 220-летию Академии наук. В рамках празднования юбилея крупными библиотеками Академии наук была организована выставка наиболее значимых печатных трудов российских и советских ученых, в том числе на одной из экспозиций были представлены работы выдающихся химиков.

За годы войны большая работа была проделана в сфере укрепления международных научных связей. В журнале «Успехи химии» регулярно печатались обзорные статьи зарубежных ученых, переведенные на русский язык. Через Антифашистский комитет советских ученых, Совинформбюро и Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) в первой половине 1945 г. более 115 научных статей русских авторов было опубликовано в зарубежных журналах, среди них и статьи химиков. Л. Данн в публикации «Научный обмен между США и Советской Россией» сообщал о возобновлении и расширении научных связей с СССР за последние два года и об учреждении специального Научного комитета для обмена научными публикациями. Комитет получал от ВОКС и Советского посольства русские научные журналы, книги. Со стороны США была организована отправка литературы в советские библиотеки [Dunn, 1945].

Таким образом, в 1941–1945 гг., преодолевая все тяготы военного времени, Академия наук взяла на себя ведущую роль в научном книгоиздании. В то время как периодические издания, выпускаемые наркоматами промышленности, приостановили свою работу, академические издательства сумели сохранить выпуск всех

журналов, а также основать новые уже в первые послевоенные годы. Резкий спад наблюдался в издании научных монографий, приоритет отдавался оборонной, патриотической и научно-популярной литературе, но и в этом случае учеными были подготовлены многочисленные новые работы, сборники статей и трудов конференций, которые вышли из печати в 1946–1948 гг. Объемы редакторских портфелей превысили довоенный уровень уже в 1946 г. Издания АН СССР стали важнейшими источниками научно-технической пропаганды, осуществляя широкое освещение достижений наших ученых на протяжении всего существования российского и советского государства. Со страниц журналов сотрудники институтов и лабораторий узнавали обо всех событиях, происходящих в научной жизни, знакомились с итогами деятельности АН. Отсюда звучали многочисленные обращения известных ученых и политических деятелей, призывавших сплотить усилия общества перед лицом опасности и обличавших сущность нашего врага.

Литература военного периода хранится в фондах библиотек РАН. Она не утратила своей научно-информационной значимости. Культурно-историческое значение этих изданий невозможно переоценить. Они являются источниками по истории науки, истории АН СССР и организации научно-исследовательского процесса в сложный период для нашей страны, свидетельством героического труда ученых. Информация об этих публикациях доступна мировому научному сообществу. В реферативной Базе данных Американского химического общества *Chemical Abstracts* проиндексировано около 70% наиболее значимых работ советских химиков военного периода. В настоящее время Библиотека по естественным наукам осуществляет оцифровку журналов, изданных Академией наук в ранние годы; полностью переведен в цифровой формат журнал «Доклады Академии наук» (1922–2019). Возможность свободного чтения публикаций российских журналов повысит доступность нашего научного наследия.

Литература

Долгова Е.А. Научное знание в революцию: Издательства и книги на рубеже 1920-х гг. // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 3. С. 29–43.

Евдокименкова Ю.Б., Соболева Н.О. Комплектование библиотек Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны: на примере библиотеки Института органической химии им. Н.Д. Зелинского РАН // «Румянцевские чтения — 2020»: Материалы Международной научно-практической конференции (21–24 апреля 2020). М.: Пашков дом, 2020. С. 249–253.

Заславский И.И. Роль русских ученых в создании мировой химии // Успехи химии. 1943. Т. XIII. № 4. С. 328–335.

Работа Институтов и лабораторий отделения химических наук Академии наук за 1944 г. // Известия АН СССР. Отделение химических наук. 1945. № 4. С. 394–398.

Рубинштейн А.М. Институт органической химии имени Н.Д. Зелинского: исторический очерк. М.: Наука, 1995. 348 с.

75 лет периодического закона Д.И. Менделеева и Русского химического общества: Сборник статей / Отв. ред. С.И. Вольфович, В.С. Киселев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 268 с.

Страницы героического труда химиков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / Отв. ред. Н.М. Жаворонков. М.: Наука, 1989. 287 с.

Crane E.J. Growth of Chemical Literature. Contributions of Certain Nations and the Effects of War // Chemical and Engineering News. 1944. Vol. 22. No. 17. P. 1478–1481. DOI: 10.1021/cen-v022n017.p1478.

Dunn L.C. Scientific Interchange between the United States and Soviet Russia // Science. 1945. Vol. 101. No. 2617. C. 200–201. DOI: 10.1126/science.101.2617.200.b.

The Role of the Division of Chemical Sciences of the USSR Academy of Sciences in Scientific Book Publishing During the Great Patriotic War

YULIA B. EVDOKIMENKOVA

Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: library.ioc@mail.ru

NATALIA O. SOBOLEVA

Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: library.ioc@mail.ru

During the Great Patriotic War, the Academy of Sciences of the USSR was a guiding force in the organization of scientific research in the country. Thanks to its activities, the needs of defense for industrial developments were met and the scientific potential of our society was preserved. The Academy also took on a leading role in scientific book publishing, managing to maintain the publication of all the journals of which it was the founder. Already in 1946, the number of publications in journals exceeded the pre-war level, newly created periodicals, collections of conference proceedings, monographs went out of print. During the war years, the journals of the Academy of Sciences, in addition to their main function, became a source of information about the most important events in the scientific life of the Academy and its individual institutes, a means of maintaining a patriotic mood and consolidating the scientific community in the face of the enemy. Publications of the war years are objects of the scientific heritage of Russia, bearers of the historical memory of our people. Careful storage, increasing their accessibility for modern generations through digitalization is an important task in the work of the libraries of the Academy of Sciences at the present stage of their activities.

Keywords: Academy of Sciences, Division of Chemical Sciences, the Great Patriotic War, chemical journals, scientific heritage, book publishing.

References

Crane, E.J. (1944). Growth of Chemical Literature. Contributions of Certain Nations and the Effects of War, *Chemical & Engineering News*, 22 (17), 1478–1481. DOI: 10.1021/cen-v022n017.p1478.

Dolgova, E.A. (2019). Nauchnoye znaniye v revolyutsiyu: Izdatel'stva i knigi na rubezhe 1920-kh gg. [Scientific knowledge in the revolution: Books and publishers at the turn of the 1920s], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 10 (3), 29–43 (in Russian).

Dunn, L.C. (1945). Scientific Interchange between the United States and Soviet Russia, *Science*, 101 (2617), 200–201. DOI: 10.1126/science.101.2617.200.b.

Evdokimenkova, Yu.B., Soboleva, N.O. (2020). Komplektovaniye bibliotek Akademii nauk SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: na primere biblioteki Instituta organicheskoy khimii im. N.D. Zelinskogo RAN [Acquisition of libraries of the Academy of sciences of the USSR during the Great Patriotic War: by the example of the library of the N.D. Zelinsky Institute of organic chemistry RAS], in *“Rumyantsevskie chteniya — 2020”: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (21–24 aprelya 2020)* (pp. 249–253), Moskva: Pashkov dom (in Russian).

Rabota (1945) Institutov i laboratoriy otdeleniya khimicheskikh nauk Akademii nauk za 1944 g. [The work of institutes and laboratories of the Department of chemical sciences of the Academy of sciences in 1944], *Izvestiya AN SSSR. Otdeleniye khimicheskikh nauk*, no. 4, 394–398 (in Russian).

Rubinshtein, A.M. (1995). *Institut organicheskoy khimii imeni N.D. Zelinskogo: istoricheskiy ocherk* [N.D. Zelinsky Institute of Organic Chemistry: Historical essay], Moskva: Nauka (in Russian).

Vol'fkovich, S.I., Kiselev, V.S. (Eds.) (1947). *75 let periodicheskogo zakona D.I. Mendeleeva i Russkogo khimicheskogo obshchestva: Sbornik statey* [75 years of the periodic law of D.I. Mendeleev and the Russian Chemical Society], Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Zaslavskiy, I.I. (1943). Rol' russkikh uchenykh v sozdanii mirovoy khimii [The role of Russian scientists in the creation of world chemistry], *Uspekhi khimii*, 8 (4), 328–335 (in Russian).

Zhavoronkov, N.M. (Ed.) (1989). *Stranitsy geroicheskogo truda khimikov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945* [Pages of heroic work of chemists during the Great Patriotic War 1941–1945], Moskva: Nauka (in Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ СЕРГЕЕВ

кандидат филологических наук,
научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: librorumcustos@gmail.com

Аспекты самопрезентации ученого в XVI веке (на материале посвятительных писем к ранним публикациям Конрада Гесснера)

УДК: 159.923:001.32"17"

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-37-57

В статье рассматривается проблема самоидентификации ученого-полимата XVI в. и ее выражения в научных публикациях. Материалом исследования послужили посвятительные письма (*epistolae nuncupatoriae*) к ранним сочинениям швейцарского филолога и натуралиста Конрада Гесснера (1516–1565). Из всех паратекстов для посвящений и предисловий наиболее характерно выражение авторской индивидуальности через автобиографические экскурсы: Гесснер активно использовал эту возможность для самопрезентации и установления научных связей. Учитывая то обстоятельство, что Гесснер не вел дневников, не писал воспоминаний, а его сохранившаяся переписка охватывает преимущественно более поздний период, автобиографические свидетельства в паратекстах оказываются важнейшими эго-документами, позволяющими реконструировать ранний этап биографии Гесснера и изучить опыт его профессионального самоопределения. В статье комментируются посвящения к работам медицинского и ботанического содержания, написанным в конце 1530-х гг. и изданным несколькими годами позже: “*Historia plantarum et vires*” (1541); “*Actuarii. De differentiis urinarum*” (1541); “*Apparatus et delectus simplicium medicamentorum*” (1542); “*Catalogus plantarum*” (1542). Их публикация пришлась на период, когда Гесснер оставил преподавание греческого языка в Лозанне и, вернувшись в Цюрих, активно занялся медициной и естественными науками. Как показал анализ посвятительных писем, для самопрезентации Гесснера уже в эти годы был характерен синтез идентичностей врача и грамматика. С одной стороны, их автор демонстрировал начитанность, владение древними языками, приверженность гуманистическим идеа-

лам, которые он собирался перенести в изучение медицинских вопросов. С другой стороны, он ссылался на опыт практического изучения ботаники, утверждая, что тот необходим для занятия естественными науками. Основной круг ученых знакомств Гесснера составляли на тот момент его школьные и университетские учителя — к ним он обращался за поддержкой, выражая готовность следовать их советам и соблюдать правила общения, принятые в республике ученых.

Ключевые слова: история науки, XVI в., ботаника, медицина, филология, самопрезентация, автобиографии, ученые-полиматы, ученый на раннем этапе карьеры, научное сообщество.

Признательность

Это эссе я с благодарностью посвящаю академику Николаю Николаевичу Казанскому, поддерживавшему и ободрявшему меня в первых филологических опытах.

1

Паратексты¹ печатных книг раннего Нового времени выполняли множество функций: легитимировали сам факт публикации и сообщали ей точные библиографические параметры (титульный лист, издательская привилегия), облегчали информационный поиск (пагинация и фолиация, колонтитулы, типографские маргиналии, указатели), связывали сочинение с научной традицией (предисловия, библиографические сноски и списки)². Кроме того, с помощью них публикуемый труд помещался в актуальный научный, общественный, а часто и политический контекст. Помимо представления замысла и достоинств книги, в паратекстах осуществлялась самопрезентация автора, иногда шаблонная, избоблюющая топосами и риторическими фигурами, но иногда — более индивидуализированная, включающая фрагменты автобиографического нарратива.

Состав и содержание вступительной части в научных изданиях XVI в. отличались большой вариативностью и, как правило, отвечали потребностям двух основных действующих лиц: с одной стороны, автора (в том числе переводчика, составителя комментариев и т. п.), обосновывавшего полезность своего сочинения и стремившегося найти покровителя для продолжения ученых занятий; с другой стороны, издателя, рекламировавшего новую публикацию (а заодно и другие продукты собственной типографии) возможно широкому кругу читающей публики.

В данной статье будут рассмотрены посвятительные письма, написанные автором-гуманистом, который только начинал свой путь в науке. Речь пойдет о швейцарском полимате Конраде Гесснере (1516–1565) и его публикациях 1541–1542 гг. К началу их издания он уже участвовал в нескольких печатных трудах (в первую

¹ То есть все то, что сопровождает в издании самый текст книги, — от титульного листа до списка “Errata” и колофона. Об истории термина, предложенного Жераром Женеттом, см. на русском языке: [Титова, 2019].

² См. подробнее, с библиографией: [Lewis, 2008]. Ср. также на материале предисловий в русских изданиях XVIII в. [Кочеткова, 2020].

очередь, в редактировании греческо-латинского словаря), однако ему только предстояло получить докторскую степень (в 1541 г.³).

2

Интерес исследователей к посвячительным письмам и предисловиям “Ad lectorem” в сочинениях Гесснера имеет давнюю историю. Действительно, они привлекали к себе внимание как его биографов, так и историков науки и книги XVI в., однако это внимание могло быть обусловлено тремя различными причинами.

Во-первых, содержащиеся в таких паратекстах автобиографические свидетельства часто являются единственным источником сведений о тех или иных событиях жизни автора. Особенно это справедливо применительно к начальному периоду научных занятий Гесснера (до публикации первого тома «Универсальной библиотеки» в 1545 г.)⁴. Дело в том, что от этих лет почти не сохранилась переписка⁵; дневников, насколько известно, Гесснер не вел; “Liber amicorum” (альбом с автографами гостей Гесснера) охватывает лишь 1555–1565 гг.⁶ Автобиография Гесснера, предвещающая рассказ о его собственных сочинениях в “Bibliotheca universalis” [Gessner, 1545, f. 179b–180b], посвящена преимущественно годам учебы. Важно заметить, что в этом очерке Гесснер не повторяет автобиографических сюжетов, изложенных им в предисловиях к уже вышедшим на момент ее публикации книгам.

Во-вторых, паратексты Гесснера представляют интерес для социологии науки — как источник по истории развития социальных форм научной деятельности, формальных и неформальных научных институтов XVI в. В них содержатся примечательные сведения о создании научных сетей обмена информацией, правилах и механизме такого обмена⁷; о деятельности образовательных учреждений (университетов, академий, школ) и их роли в развитии научных исследований; об отношениях между учеными и меценатами, условиях и возможностях для покровительства наукам⁸.

В-третьих, как и Эразм Роттердамский (ок. 1466–1536) несколькими десятилетиями ранее⁹, Гесснер, начиная с первых своих публикаций, придавал большое значение форме печатных изданий, что отвечало важнейшей для его научного творчества задаче — поискам оптимального способа представления научного знания¹⁰. Значительную роль в этом играли паратексты, позволявшие организовать публикуемый материал и помочь читателю ориентироваться в нем. По подсчетам Энн

³ См. ниже.

⁴ См.: [Leu, 2016, S. 50–174].

⁵ См. хронологический обзор сохранившихся писем и данные о числе корреспондентов Гесснера: [Delisle, 2008, p. 48–50].

⁶ [Durling, 1965].

⁷ См. также указатель корреспондентов Гесснера, составленный У. Леем: [Leu, 2016].

⁸ См., например: [Blair, 2017; Goeing, 2013; Grafton, 2019]. Ср. также о поиске Гесснером покровительства у английских правителей: [Nutton, 2018, p. 17–18].

⁹ См.: [Vanautgaerden, 2012; Blair, Patton, 2021].

¹⁰ Ср.: [Сергеев, 2018, с. 106–107].

Блэр, общее число предисловий, посвянительных писем, оглавлений и указателей в прижизненных изданиях трудов Гесснера достигает двух сотен. Иными словами, Гесснер с помощью паратекстов активным образом формировал облик собственных книг¹¹.

Кроме названных аспектов, паратексты Гесснера явным образом выражают его индивидуальность — не только на уровне формы (оказывающейся объектом рефлексии и экспериментов), но и в самом содержании: в них регулярно включаются воспоминания, отсылки к личному опыту. Таким образом, они представляют интерес также для исследований автобиографического нарратива и личности автора в эпоху Ренессанса¹².

3

Среди паратекстов проявление автобиографизма наиболее свойственно посвящениям, имевшим обычно форму письма (*epistola nuncupatoria*) и, таким образом, представлявшим заочный диалог автора с его адресатом. Впрочем, отнесение таких текстов к эпистолярному жанру¹³, как и в случае с научными *письмами* того же периода¹⁴, вовсе не означало, что публикуемый текст носил частный, закрытый характер. Напротив, они изначально предназначались для широкой публики, однако формальные рамки письма, заданные обращением к адресату и завершающими формулами, в какой-то мере легитимировали доверительные, интимные интонации и/или автобиографические отступления, отсылки к общим для автора и адресата «письма» воспоминаниям. Впрочем, и специальные автобиографические тексты, написанные в ту же эпоху, подразумевали акт коммуникации и определенную публичность, отсюда их продуманное риторическое устройство¹⁵.

В своей новой работе Карл Эненкель выделил 11 аспектов самопрезентации гуманистов, проявляющихся в автобиографиях [Enenkel, 2022]. Большинство из них (в том числе, идентификация с тем или иным античным автором или жанром классической литературы) действительны и для автобиографических нарративов, включенных в научные публикации. Однако наибольшее значение для авторов-ученых, вероятно, имели три момента: языковая идентичность — использование новой латыни или, наоборот, одного из новых европейских языков¹⁶; взаимодействие с определенными институтами и меценатами; а также групповая идентичность — принадлежность к «республике ученых» (*respublica literaria*)¹⁷. В связи с этим следует иметь в виду наблюдение Стивена Гринблатта о том, что ренессансный автобиографический нарратив, наряду с «высвобождением» авторского «я», также отчетливо де-

¹¹ См.: [Blair, 2016].

¹² См., в первую очередь: [Enenkel, 2008].

¹³ О значении эпистолярной практики для культуры гуманистов см.: [Papy, 2015].

¹⁴ Ср.: [Delisle, 2004].

¹⁵ Ср.: [Enenkel, 2008, S. 34].

¹⁶ О культурном аспекте языкового выбора и новых требованиях, предъявлявшихся к латинской речи в эпоху Ренессанса, см.: [Leonhardt, 2011, S. 186–244; Баксандалл, 2023].

¹⁷ О принципах ее организации см.: [Bots, 2018].

монстрировал подчинение: речь идет о принятии определенных правил поведения и письма [Гринблатт, 1999]. Разумеется, посвящение своего труда определенному лицу или институту подразумевало соблюдение некоторых условий и — в известной мере — демонстрацию покорности¹⁸: этот аспект будет учитываться далее при разборе паратекстов Гесснера, при этом я буду обращать внимание на варьирование авторской идентичности.

Выбор адресата посвящения¹⁹ и степень индивидуализированности текста — преобладание рефлексии, автобиографизмов или, напротив, общих мест, — несомненно, были для начинающего автора способом преподнести себя ученому миру, определить границы своей компетенции и своих претензий. Статус новичка, ограниченный круг знакомств обуславливали обращение (адресацию в буквальном смысле или упоминание) к учителям, школам, университетским друзьям и коллегам. Некоторые из них могли оказать непосредственную поддержку в научных занятиях, другие помогали своим именем, позволяя получить протекцию со стороны влиятельных персон, научных институтов и органов власти²⁰. Для демонстрации познаний в классических текстах и языках недостаточно было ссылки на школу и учителей — лучше всего они проявлялись *на деле* (“hic Rhodus, hic salta”): в выборе слов и выстраивании периодов, переключении языковых кодов, подборе цитат, прочтении сложных мест из текстов, объяснении терминов, описании литературной традиции и т. п. Существенное значение имела также апелляция к собственному читательскому и авторскому опыту, требовавшая, впрочем, проявления скромности и даже известного самоуничижения.

4

Среди публикаций Конрада Гесснера, предшествующих выходу его первого *opus magnum* — «Универсальной библиотеки» (1545), принесшей ему европейскую известность, — можно выделить две приблизительно равные по количеству и значимости группы работ: соответственно, филологические и медицинские труды. К первой группе относятся греческо-латинские словари (1537, 1541, 1543 и 1545 гг.), латинский «Ономастикон» к словарю Калепино (1544), переводы схолий к Аристотелю Михаила Эфесского (1541) и «О пещере нимф» Порфирия (1542), издания «Сентенций» Стобея (1543) и эпиграмм Марциала (1544); ко второй — перечни заместительных лекарственных средств (1540), а также рвотных и слабительных препаратов (1543), “*Historia plantarum et vires*” (1541), компендий из трудов Актуария и Галена по уриноскопии и составлению лекарств (1541), книга о молоке и молочных

¹⁸ О групповой идентичности и социальных аспектах «открытия Я» см.: [Зарецкий, 2022, с. 32–43].

¹⁹ Важность этого выбора учитывала библиография XVI в.: например, в «Большой французской библиотеке» Лакруа дю Мэна библиографические описания должны были включать следующие сведения о книгах: «у кого они напечатаны, в какую величину, в котором году, сколько в них листов, а главное, имена тех мужей либо дам, кому они посвящены, не упустив всех их титулов» (см.: [Шартье, 2006, с. 59]).

²⁰ О социальных ролях писателей и ученых в раннее Новое время и институтах, покровительствовавших им, см., например: [Живов, 1997].

продуктах²¹ (1541), “Apparatus et delectus simplicium medicamentorum” (1542) и четырехязычный словарь названий растений “Catalogus plantarum” (1542)²². Жанр словаря и практика перевода востребованы в обеих группах изданий; однако для медицинских работ, хотя они также опираются на античную традицию, помимо специальной тематики, характерна практическая направленность.

Как известно из разных источников, Гесснер в 1536 г. начал изучать медицину в Базеле, однако затем переехал в Лозанну, где несколько лет (в 1537–1540 гг.) преподавал греческий язык в только что основанной протестантской академии [Olivier, 1951; Crousaz, 2012]. Профессорскую должность он смог получить после выхода в 1537 г. нового издания «Греческо-латинского лексикона», в котором он принимал деятельное участие. Однако в течение лозаннского периода Гесснер также проявлял заметный интерес к медицине и естественным наукам — так, например, он читал со студентами “Theriaca” (поэму об укусах ядовитых животных и их лечении) Никандра из Колофона, причем этот текст определенно не входил в обязательную программу изучения греческого. Кроме того, именно в Лозанне, как следует из сообщения в автобиографии (“omnes vero Lausannae mihi conscripti sunt”²³), он подготовил большинство из только что упомянутых трудов медицинского и ботанического содержания²⁴, однако вышли они несколькими годами позже.

Как видно, преподавая грамматику, Гесснер думал о том, чтобы заняться медициной. Однако осуществление этих планов началось только в 1540 г., когда цюрихский городской врач Кристоф Клаузер (?–1552) убедил его оставить выгодное профессорское место в Лозанне (в автобиографическом очерке Гесснер отдельно упоминает «щедрое жалованье»²⁵, которое он получал) и продолжить медицинское образование. Именно этим временем (летом 1540 г.) датирован колофон первого из изданий лозаннских трудов. В 1540–1541 гг. последовали учебные поездки в Монпелье и Базель, получение степени доктора медицины и устройство в Цюрихе — на должность преподавателя (*lector*) философии, математики, естественных наук и этики в *Schola Tigurina* (место *professor physicae* он получил в 1546 г.). Гесснер также начал вести медицинскую практику, однако об этой стороне его деятельности вплоть до 1554 г. (когда он занял должность городского врача) почти не сохранилось свидетельств²⁶.

Таким образом, если основной текст гесснеровских работ по медицине, вышедших в 1541–1542 гг., был полностью или большей частью написан еще в спокойные лозаннские годы (о которых Гесснер восклицает: “dulcissime vixi”²⁷), то посвящения

²¹ “Opera lactaria” — ср. истолкование этого термина в тексте: “cibarium est quod ex lacte conficitur” («пища, изготавливаемая из молока») [Gessner, 1541b, p. 8–9].

²² Библиографические описания этих изданий см.: [Wellish, 1975, p. 177–187].

²³ [Gessner, 1545, f. 181b].

²⁴ В порядке их перечисления в «Библиотеке»: *Historia plantarum et vires*. Basel, 1541; *Apparatus et delectus simplicium medicamentorum*. Lyon, 1542; *Actuarii. De differentiis urinarum*. Galenus. *de compositione pharmacorum secundum locos affectos*. Zürich, [s. a.]; “*Succidorum medicaminum tabula*” в кн.: *Actuarii. De medicamentorum compositione*. Basel, 1540; *Catalogus plantarum*. Zürich, 1542 [Gessner, 1545, f. 180b–181b].

²⁵ “*Liberale stipendium*”: [Gessner, 1545, p. 180b].

²⁶ [Leu, 2016, S. 83–84, 97]; о медицинских сочинениях Гесснера см.: [Müller, 2016].

²⁷ [Gessner, 1545, p. 180b].

к ним, традиционно сочинявшиеся при публикации книги, запечатлели уже события и настроения Гесснера периода перемен. И если отразившиеся в этих публикациях общие представления о принципах издания и перевода античных авторов, о необходимости создания новых учебных и справочных пособий, наконец, о взаимоотношении филологии²⁸ и естественных наук и т. д. складывались у Гесснера на протяжении многих лет, то образ автора, который он создает в посвящениях к этим книгам, должен был соответствовать его новому статусу и насущным потребностям. Именно в этих паратекстах, как будет показано, проявилась идентичность Гесснера-врача и одновременно определилось ее отношение к роли филолога-гуманиста, которая была привычна Гесснеру в предшествующие годы.

5

Обзор посвяtitельных писем я начну по хронологии с компендия “**Historia plantarum et vires**” (Basel: R. Winter, 1541), содержащего сведения о целебных свойствах растений и составленного Гесснером на основе трудов Феофраста, Диоскорида, Плиния Старшего, Павла Эгинского и «позднейших» греческих авторов [Gessner, 1541b]. Посвяtitельное письмо, датированное 9 августа [1540] г., было написано еще в Лозанне, непосредственно перед отъездом. Оно адресовано Генриху Биллингу (?–1541), юноше знатного происхождения, с которым Гесснер учился в Базеле²⁹. Раздел, посвященный обоснованию замысла сочинения (“nostrae plantarum historiae ratio”), включает примечательное автобиографическое отступление:

«Посетив несколько месяцев тому назад мой родной и любимый Цюрих³⁰, я пару раз заходил поприветствовать Христофа Клаузера, главного врача нашего города. С ним мы вели разные беседы, и он, между прочим, упомянул, что для студентов-врачей будет чрезвычайно полезно, если кто-нибудь составит свод описаний простых лекарственных средств, по Диоскороду, и сведений о целебных свойствах [растений] — по [трудам] Павла Эгинского. Этот совет пришелся мне по душе, тем более что и прежде я сам об этом подумывал»³¹ [Gessner, 1541b, f. α3a/b].

Речь идет о поездке в Цюрих, происходившей поздней весной или в начале лета 1540 г. Результатом ее стало не только составление медицинского справочника, но и решение вернуться в родной город, испытывавший потребность в профессиональных врачах. Как мы узнаем из приведенного текста, идея составления «Истории растений»³² принадлежала самому Гесснеру; тем не менее он посчитал необхо-

²⁸ О роли филологии в истории наук раннего Нового времени см., например: [Эспань, 2006].

²⁹ Ср.: [Leu, 2016, S. 59].

³⁰ См. рис. 1.

³¹ Здесь и далее переводы принадлежат автору статьи.

³² Этот краткий справочник не следует путать с одноименным трудом по ботанике, составлению которого Гесснер посвятил большую часть своей жизни, но который так и остался незавершенным.

Рис. 1. План Цюриха из атласа Георга Брауна «Примечательные города всего мира» [Braun, 1593, f. 44].

Fig. 1. Plan of Zurich from “Urbium praecipuarum totius mundi Lib. 3.” by Georg Braun [Braun, 1593, f. 44]

димым опереться на мнение авторитетного лица. Это позволило ему решить сразу две задачи: с одной стороны, представить традиционное «оправдание публикации» в глазах адресата и читателя; с другой, выразить признательность Христофу Клаузеру, поддерживавшему Гесснера в изучении медицины³³, и заручиться его поддержкой на будущее. Клаузер получил основательное медицинское образование в Павии, Венеции, Падуе, Кракове и Ферраре и собрал большую домашнюю библиотеку; должность городского врача Цюриха он занимал с 1531 по 1552 г.: [Müller, 2016, S. 99–102]. Достоверность рассказу Гесснера и отдельным его деталям придает то обстоятельство, что Гесснер был знаком с Клаузером со школьных лет: в частности, они вместе участвовали в постановке аристофановского «Плутоса» в *Schola Tigurina* в 1531 г.³⁴ Круг лиц, к которым отсылает текст посвящения, весьма показателен — это университетский приятель и потенциальный работодатель Гесснера; связи автора внутри республики ученых пока немногочисленны, и он демонстрирует свою лояльность им.

³³ Ср.: [Müller, 2016, S. 103, 117].

³⁴ [Fischer, 1967, S. 220–223].

6

Христофу Клаузеру Гесснер посвятил публикацию, вышедшую в 1542 г., — “*Apparatus et delectus simplicium medicamentorum*” (Lyon: I. et F. Frellon, 1542) [Gessner, 1542a]. Книга представляет собой фармацевтический справочник на основе трудов Галена и Павла Эгинского. Посвятительное письмо датировано январскими идами (т. е. 13 января) 1541 г. и написано из Лиона, куда Гесснер приехал на книжную ярмарку. Сразу после этого он отправился в Базель, где получил докторскую степень по медицине [Leu, 2016, S. 69–82].

Как и в посвящении Биллингу, в тексте *epistola nuncupatoria* Гесснер называет, кроме себя и адресата, третье лицо, знакомое им обоим, — Альбера Бельфора, знающего медицины и философии, с которым Гесснер, по его собственным словам, только что виделся; более того, общение с ним называется в качестве дополнительной причины для посвящения книги Клаузеру:

«К тебе, высокообразованный Христоф, я испытываю величайшее почтение и тебе я в первую очередь захотел посвятить этот труд (каким бы он ни был), имея для этого прекрасное основание: ведь прославленному Цюриху — общей родине для нас обоих — посчастливилось видеть тебя своим архиатром³⁵. Кроме того, господин Альбер Бельфор, ретиец³⁶, в совершенстве образованный во всех науках и очень сведущий в медицине и философии, дружеским расположением которого я пользовался здесь (в Лионе. — *Прим. авт.*) на протяжении нескольких дней (такое он проявил великодушие); так вот, благодаря тому, что мы ежедневно и со всевозможным почтением упоминали тебя в разговорах, я тем более не мог забыть о тебе» [Gessner, 1542a, f. a4b].

В предисловии к еще одной публикации 1541 г. (“*Sylvula experimentorum Galeni*”³⁷), посвященной лионскому врачу Клоду Милле, Гесснер также называет имя Бельфора и еще одного врача — некоего итальянца Бартоломео [Gessner, 1541c, f. 159a]: с ними обоими он «завтракал» в компании Милле. По-видимому, упоминание знакомств было удобным для новичка способом вписать себя в число «граждан» *respublica literaria* и заручиться доверием со стороны адресата и читателей книги. В рассмотренном пассаже следует отметить и проявление Гесснером патриотизма, которое, несомненно, выражало его искренние чувства, но также должно было расположить его земляков и особенно городской совет к возвращающемуся на родину ученому.

Рассказывая о замысле книги, Гесснер ссылается на две другие свои работы на смежные темы (вероятно, еще не опубликованные к тому времени): в приведенных им описаниях можно узнать только что рассмотренную книгу “*Historia plantarum et vires*” (1541), а также “*Catalogus plantarum Latine, Graece, Germanice & Gallice*” (1542), о котором речь пойдет ниже. Таким образом, Гесснер представляет себя не только младшим собеседником уже состоявшихся ученых, но и автором, имеющим

³⁵ В оригинале по-гречески *ἀρχιατρός*.

³⁶ То есть происходящий из Ретии, Восточной Швейцарии.

³⁷ Вышла в приложении к “*Compendium ex Actuarii Zacharii...*” (см. ниже).

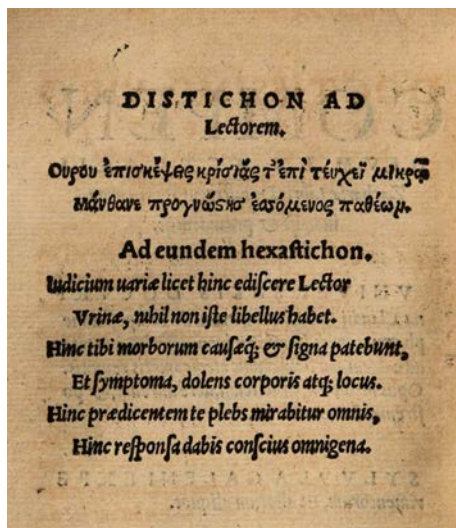

Рис. 2. “Compendium ex Actuarii Zachariae libris de differentiis urinarum” К. Гесснера [Gessner, 1541c], оборот тит. л.

Fig. 2. “Compendium ex Actuarii Zachariae libris de differentiis urinarum” by Conrad Gessner [Gessner, 1541c], title-page verso

собственную программу исследований и публикаций, в которых один и тот же предмет — лекарственные растения — представлен с разных сторон³⁸.

«В другом сочинении я представил только названия [растений] на разных языках, а именно, на латинском, греческом, немецком и французском. А еще в одной книжечке я описал растения-заместители, которые имеют одинаковые и равно полезные свойства: все эти работы подготовлены для того, чтобы приносить пользу фармацевтам, снабжая их сведениями о названиях, истории³⁹ лекарственных растений, возможности заменить одно другим, отборе и приготвлении [лекарств]» [Gessner, 1542a, f. a3a].

7

Еще один медицинский компендий, составленный Гесснером, — “**Compendium ex Actuarii Zachariae libris de differentiis urinarum**” (Zürich: Ch. Froschauer, 1541) — был посвящен уроскопии и опирался на сочинение Иоанна Актуария, византийского придворного врача, жившего на рубеже XIII–XIV вв. Издание включало также выдержки из сочинений Галена (“De compositione pharmacorum”, “Sylvula experimentorum”) [Gessner, 1541c]. Титульный лист и посвящение книги, к сожалению,

³⁸ Такой подход будет характерен и для более поздних публикаций Гесснера — по библиографии и зоологии.

³⁹ То есть, об особенностях отдельных видов.

нию, не датированы, колофона в книге нет; год издания не указан и в «Универсальной библиотеке» Гесснера. В датировке публикации я следую за Х. Веллишем [Wellish, 1975, p. 180], а также за сводным каталогом немецких изданий XVI в. (VD16 A 164).

Для самопрезентации Гесснера в паратекстах “Compendium” в равной мере характерна демонстрация своих познаний и навыков в области филологии и медицины. И то, и другое делается не напрямую и как бы *ad hoc*.

Об активном владении автором книги обоими учеными языками должны были свидетельствовать, прежде всего, написанные им эпиграммы на греческом и латинском языках, выступающие в роли краткого предисловия «К читателю»⁴⁰. Они напечатаны на обороте титульного листа: по-гречески — дистих, по-латыни — шестистишие. В обоих сообщается о пользе публикуемого сочинения, но латинский текст подробнее, что можно объяснить практическими соображениями: лишь небольшое число практикующих врачей в первой половине XVI в. хорошо владели греческим [Macleane, 2002, p. 19–20], поэтому рекламный текст разумнее было сочинять на латыни. Замечу также, что начиная со школьных лет и вплоть до конца своей жизни Гесснер поддерживал навык письма на греческом языке — сохранились его окказиональные стихотворения и письма⁴¹. Ниже я привожу русский перевод обеих эпиграмм.

«Будущий врач, исследуй мочу в маленьком сосуде⁴² и узнавай о кризисах болезней».

«По этой книжечке читатель сможет научиться определять различия мочи, здесь сказано об этом все. Из нее ты узнаешь о причинах и признаках болезней, симптомах и пораженных болезнью частях тела. В результате, люди будут восхищаться твоими диагнозами, а ты будешь со знанием дела давать им советы любого рода» [Gessner, 1541c, f. A1b].

Владение обоими языками, с одной стороны, позволяло надежнее интерпретировать труды классических авторов, обращаясь к оригиналам. С другой стороны, демонстрация поэтических способностей была способом заявить о своей принадлежности не только к профессиональному кругу врачей, но и к среде гуманистов, для которой была важной ориентация на классические поэтические формы и образцы стиля⁴³.

⁴⁰ См. рис. 2.

⁴¹ Некоторые из них привлекли внимание исследователей в недавнее время: [Vogel, 2019; Berhard, Müller, 2022]. Одной из первых публикаций Гесснера была греческая эпиграмма, предваряющая учебное издание “Medicorum schola, hoc est Claudii Galeni Isagoge” (Basel: T. Platter; V. Lasius, 1537) [Galenus, 1537, f. α3a/b]:

«Если кому-нибудь угодно изучить метод врачевания, все его аксиомы и подлинное искусство, различия болезней и всеисцеляющих лекарств, мельчайшие части и устройство человеческого тела, тогда пусть он поспешит купить эту книгу под названием “Введение” и т. д.»

⁴² См. рис. 3.

⁴³ Совершенствование стиля специально отмечается в автобиографии Эразма, замаскированной под рассказ о судьбе его друга Флоренция: [Enenkel, 2008, S. 484].

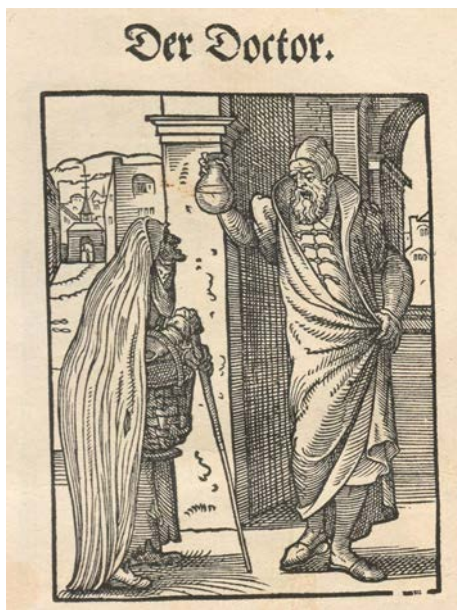

Рис. 3. Изображение врача с сосудом для мочи из «Описания всех сословий» Ганса Сакса:
[Sachs, 1568, f. D3a]

Fig. 3. An image of a doctor with a urine vessel from the “Description of all estates on earth”
by Hans Sachs [Sachs, 1568, f. D3a]

Кроме того, в этом посвящении Гесснер показывает навык критического прочтения древних текстов. В частности, он упоминает о недостатках латинского перевода⁴⁴, по которому ему пришлось составлять компендий, из-за отсутствия греческого оригинала сочинения Акуария (“Graeco exemplari destitutus”), и тут же приводит пример неудачной латинской формулировки. Далее он отмечает невозможность ограничиться классической латинской лексикой при переводе текстов об уроскопии с греческого, «поскольку древние римляне не охватили в своих сочинениях этот раздел медицины»⁴⁵. Таким образом, противоречие между терминологической точностью и стилистическими требованиями классицизма решалось в пользу точности и научной достоверности (Гесснер поясняет: «Не следует требовать от этого текста отделанной речи»⁴⁶). Заметим, что интерес гуманистов к греческому литературному наследию, в отличие от римского, не ограничивался классическим или эллинистическим периодом, но охватывал также византийских авторов, таких как Фотий или Акуарий⁴⁷.

Описывая обстоятельства биографии, связывающие автора с адресатом посвящения (о котором нам ничего не известно, кроме имени — Petrus Iacobus

⁴⁴ «Полагаю, что его переводчик или недостаточно владел греческим языком, или пользовался испорченной рукописью» [Gessner, 1541c, f. A2a].

⁴⁵ “Neque enim omnino licuisset ubique receptis vocibus uti, cum veteres Latini hanc medicinae partem scriptis non excoluerunt” [Gessner, 1541c, f. A2b].

⁴⁶ “Non etiam ullus hic requirendus est orationis cultus” [Там же].

⁴⁷ Ср.: [De La Garanderie, 1995, p. 19–25].

Stephanus — и того, что он был испанцем⁴⁸), Гесснер упоминает об интересе обоих к травопознанию и о занятиях местной флорой в Монпелье, где Гесснер недолгое время изучал медицину⁴⁹.

«Я хотел бы иным образом, с большим великолепием, засвидетельствовать тебе свою признательность; но надеюсь, что и то, что оказалось мне по силам, ты примешь с радостью и благосклонностью. Вновь и вновь напоминаю о данном тобой в Монпелье обещании, что ты пришлешь мне семена растений, которыми в особенности богата ваша Испания. Я же позабочусь о том, чтобы и ты получил что-нибудь от меня в ответ. Ты ведь знаешь, как я увлечен этой наукой и [помнишь,] с каким интересом я расспрашивал у тебя в Монпелье об отдельных [растениях], в полях и на побережье, ты же всякий раз охотно и с легкостью удовлетворял мое любопытство» [Gessner, 1541c, f. A3a].

В этом пассаже Гесснер напоминает адресату обстоятельства их знакомства, а также дает понять читателю, что имеет опытные познания не только в швейцарских, но и в средиземноморских растениях. Кроме того, он говорит о продолжении занятий ботаникой: для этого ему необходимы семена. Заметно, что Гесснер общается со своим знакомым на равных: вероятно, они имеют одинаковый статус в республике ученых; географическая удаленность, в свою очередь, придает дополнительный интерес обмену информацией и образцами натуралий.

8

Последнее посвящение, о котором здесь пойдет речь, предваряет словарь названий растений на латинском, греческом, немецком и французском языках — “*Catalogus plantarum*” (Zürich: Ch. Froschauer, 1542). Словарь составлен по классическим источникам (в первую очередь, по Феофрасту и Диоскориду), а также учитывает новейшие труды французских и немецких ботаников — Жана Руэля, Иеронима Бока (Трага), Леонарда Фукса. В некотором отношении “*Catalogus*” мог быть ответом на словарь Отто Брунфельса “*Onomastikon medicinae*” (1534), включавший ботаническую номенклатуру. Это издание Гесснер критиковал позднее, в предисловии к латинскому изданию “*De stirpium historia*” (1552) И. Бока⁵⁰.

Книга посвящена Иоганну Якобу Амману (1500–1573), директору цюрихской школы (в 1537–1560 гг.), в которой учился Гесснер. Амман получил гуманистическое образование в Париже, Базеле и Милане; в Цюрихе он преподавал латинский язык, риторику и диалектику [Stucki, 2001]. В письме Гесснер вспоминает историю их знакомства и наставления, полученные от учителя в разные годы. Как и в некоторых других рассмотренных паратекстах, но гораздо более подробно, он вводит

⁴⁸ Ср.: [Blair, 2017; Leu, 2016, S. 60].

⁴⁹ [Leu, 2016, S. 65–68].

⁵⁰ «Также в своем Ономастиконе, или Медицинском словаре, он (Брунфельс. — М.С.) перечисляет и толкует названия простых лекарств и множество других терминов. Однако этот том наполнен несуразницей и ошибками в терминах и объяснениях в большей мере, чем это приемлемо для ученых людей» [Bock, 1552, f. c4a].

третьего персонажа — своего деда Иоганна Фрика, цюрихского священника, получившего образование на факультете искусств в Тюбингенском университете; у него Гесснер жил и воспитывался с малых лет [Leu, 2016, S. 14–17].

«Не удивляйся, высокоученый наставник Амман, что тебе, занимающемуся более высокими науками, я посвящаю номенклатуру трав, которая многим, вероятно, покажется занятием детским или, наоборот, старческим. Но всякий раз в юные годы, когда ты милостиво привечал меня в своем доме, я замечал, что ты придерживаешься другого, более здравого мнения на этот счет. В особенности же, когда ты рекомендовал мне, направляющемуся во Францию, заняться медицинской наукой, которая, по твоему предположению, более всего подходит для моего ума. С того дня, следуя твоему совету (хотя еще не освоив другие науки, которые необходимы каждому, кто хочет продвинуться в какой-нибудь области знания, я, вопреки собственному желанию, полагал неразумным полностью отдалиться изучению медицины), где бы ни появлялась такая возможность, я с величайшей охотой слушал и читал как о других разделах рациональной медицины, так и, в особенности, о том, который занимается описанием и изучением свойств растений.

Думаю, ты помнишь превосходного и достойного мужа, блаженной памяти [μαχαρίτης] Иоганна Фрика, моего дедушку, — сколь сведущ был он в растениях. В детском возрасте забрав меня от отца, он воспитывал меня в своем доме и часто водил в деревню, объясняя при этом, как заниматься огородом, который был у него хоть и небольшой, но замечательно возделанный. Там были самые разные виды растений, и дедушка говорил мне их названия, усвоив которые, я мог уже сам, по его просьбе, приносить растения из огорода или из поля. Некоторые из них он часто использовал, заботясь о своем здоровье или о здоровье друзей. И потому, оставаясь в добром здравии, не жалуясь ни на какие болезни, благодаря правильному образу жизни и полезному действию трав, а также, как говорят, пользуясь покровительством богов, он продлил свой безупречный век, если не ошибаюсь, до восьмидесяти лет. Я часто думал о добром старце, никогда не выходившем за пределы отцовского поля — о нем говорится в оракуле о счастье, который дал Аполлон. Подобно ему, мой дедушка почти никуда не отправлялся дальше своего дома и огорода, если только не на церковные службы или иногда, но очень редко, на мост через наш Лиммат в Цюрихе⁵¹, что приносило ему радость и пользу для здоровья» [Gessner, 1542, f. α2a/b].

В этом пространном вступлении Гесснер показывает истоки своего интереса к медицине и лекарственным растениям. Как видно, еще до Кристофа Клаузера к занятиям *materia medica* его побуждали Якоб Амман и Иоганн Фрик (оба — весьма уважаемые люди, связавшие свою жизнь с Цюрихом, что Гесснер не забывает отметить), причем от последнего он получил непосредственные наставления в этой области. Ссылаясь на свои практические навыки в идентификации растений, Гесснер не забывает демонстрировать свое пристрастие к гречестике: греческим шрифтом, помимо μαχαρίτης (вместо лат. *riae metogiae*), в посвящении набрано слово πολύχρητος («многополезный») и одна пословица. Сразу после посвячительного

⁵¹ См. рис. 1.

письма, в качестве эпиграфа к книге, по-гречески напечатана обширная цитата из 7-й песни «Одиссеи» (ст. 112–133) — описание сада Алкиноя [Gessner, 1542b, f. 1a]:

«Был за широким двором четырехдесятинный богатый
Сад, обведенный отвсюду высокой оградой; росло там
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих...»
(пер. В.А. Жуковского)

9

Изучая становление Гесснера-ученого, развитие его научного метода, можно было бы предположить, что его путь пролегал *κατ' ἐξοχήν* от филологии — к медицине: символическим началом этого пути оказался бы отказ от преподавания греческого языка в Лозанне ради медицинских занятий в Цюрихе. Однако анализ всего корпуса гесснеровских публикаций показывает, что, например, занятия лексикографией, начатые им еще в конце 1530-х гг., он продолжал и после выхода «Истории животных», равно как и перевод и подготовку к изданию античных и новолатинских сочинений⁵². Наоборот, исследования, воплотившиеся в незавершенной «Истории растений», несомненно, начались еще в 1540-е гг., при работе над одноименной публикацией и ботаническим словарем.

Все рассмотренные в этой статье ранние медицинские сочинения Гесснера объединяет то, что они еще не имели характера самостоятельных исследований, но представляли собой компиляции и переводы практического или учебного свойства. Гесснер предстает в них начинающим врачом и сильно зависит от литературной традиции: у него не было собственного медицинского опыта, на который он мог бы опереться. Поэтому в паратекстах к этим изданиям для него оказалось важным продемонстрировать уже полученные, преимущественно филологические знания и навыки, которые позволяли ему квалифицированно работать с медицинскими источниками: во-первых, знание древних и современных языков, умение переводить как с греческого языка, так и на греческий; во-вторых, владение филологической критикой, понимание необходимости обращаться к текстам в оригинале и сопоставлять суждения авторов по одному и тому же вопросу.

Но не меньшее значение, как было показано, имели заявления Гесснера, в которых он представлял себя в новой роли, готовя свои дальнейшие шаги в качестве врача и натуралиста. Он выражал признательность и демонстрировал лояльность коллегам и учителям, сообщал о готовности прислушиваться к их советам, принимать правила игры, задаваемые институтами, в первую очередь *respublica literaria*. Кроме того, он заявлял о своих патриотических чувствах, идентифицируя себя с родным Цюрихом, где знали и почитали его учителей и предков. Наконец, он утверждал, что у него есть опытные познания в ботанике и в целом — склонность к получению

⁵² Избранную библиографию филологических трудов Гесснера см.: [Сергеев, 2018, с. 87–108].

такого рода сведений, что должно было позволить ему при изучении медицины и естественных наук не ограничиваться книжными источниками, но открывать новое и критиковать авторов с разных позиций.

Таким образом, в посвяжительных письмах Гесснера мы наблюдаем сосуществование идентичностей врача и грамматика. Этот синтез замечательно сформулирован им в заглавии другого сочинения этих лет — книги «О молоке и молочных продуктах»: “libellus philologus pariter ac medicus” («книжечка в равной степени филологическая и медицинская») [Gessner, 1541a]. Поиск равновесия между книжным и опытным знанием, критика текстов на основе опыта и вместе с тем экстраполяция филологических приемов в другие области науки будут характерны для Гесснера на протяжении всей его жизни.

Источники

Bock H. De stirpium, maxime earum, quae in Germania nostra nascuntur usitatis nomenclaturis propriisque differentiis ... Commentariorum libri tres. Straßburg: W. Rihel, 1552. [34] f., 1200 p., [32] f.

Braun G. Urbium praecipuarum totius mundi Lib. 3. Köln: B. Buchholtz; Antwerpen: Ph. Galle, 1593. [10] f., 59 tab., [8] f.

Galenus. Medicorum Schola, Hoc est, Claudii Galeni Isagoge, sive Medicus. Eiusdem Definitionum medicinalium liber. Basel: T. Platter, B. Lasius, 1537. [14] f., 316 p., [12] f.

Gessner C. De lacte et operibus lactariis. Zürich: Ch. Froschauer, 1541a. 51 f.

Gessner C. Historia plantarum et vires. Basel: R. Winter, 1541b. [4] f., 281, [1] p., [7] f.

Gessner C. Compendium ex Actuarii Zachariae libris de differentiis urinarum. Zürich: Ch. Froschauer, 1541c. [8], 183 f.

Gessner C. Apparatus et delectus simplicium medicamentorum. Lyon: I. et F. Frellon, 1542a. [20], 275, [1] p.

Gessner C. Catalogus plantarum Latine, Graece, Germanice, & Gallice. Zürich: Ch. Froschauer, 1542b. [4], 162 f.

Gessner C. Bibliotheca universalis. Zürich: Ch. Froschauer, 1545. [18], 631 f.

Sachs H. Eygentliche Beschreibung Aller Stände auff Erden. Franckfurt am Mayn: Feyerabents, 1568. [119] Bl.

Литература

Гринблатт С. Формирование «Я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира / Пер. Г. Дашевского // Новое литературное обозрение. 1999. № 1 (35). С. 34–77.

Живов В.М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 24–83.

Зарецкий Ю.П. Автобиографическое «Я» в Средние века и раннее Новое время. М.; СПб.: Петроглиф; Центр гуманитарных инициатив, 2022. 484 с.

Кочеткова Н.Д. Посвящения в русских изданиях XVIII века: исследование, тексты, библиографический указатель. М.; СПб.: Альянс-архео, 2020. 584 с.

Сергеев М.Л. Сопоставление языков в XVI веке (на примере «Митридата» (1555) Конрада Гесснера): дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 234 с.

Титова Е.В. Драматургический паратекст: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. С. 30–40.

Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. И. Стаф. М.: Новое изд-во, 2006. 272 с.

Эспань М. Межкультурная история филологии / Пер. С. Козлова // Новое литературное обозрение. 2006. № 6 (82). С. 13–31.

Bernhard J.-A., Müller C. Der Gelehrte, der Schüler und ein Gimpelpaar: Ein vergessener griechischer Brief von Conrad Gessner an Johannes Pontisella III // *Zwingliana*. 2021. Bd. 48. S. 129–175.

Blair A. Too Much to Know: Managing Scholarly Information before the Modern Age. New Haven, London: Yale University Press, 2010. xvi, 397 p.

Blair A. Conrad Gessner's Paratexts // *Gesnerus*. 2016. Vol. 73. Pt. 1. P. 73–122.

Blair A. The Dedication Strategies of Conrad Gessner // *Professors, Physicians and Practices in the History of Medicine: Essays in Honor of Nancy Siraisi* / Ed. by G. Manning, C. Klestinec. Cham: Springer, 2017. P. 169–209. DOI: 10.1007/978-3-319-56514-9_10.

Blair A., Patton M. A Quantitative Study of the Paratexts in Erasmus-Froben Imprints // *Erasmus Studies*. 2021. Vol. 41. P. 99–181. DOI: 10.1163/18749275-04102003.

Bots H. De republiek der letteren. De Europese intellectuele wereld, 1500–1760. Nijmegen: Vantilt, 2018. 224 p.

Crousaz C. L'Académie de Lausanne entre Humanisme et Réforme (ca. 1537–1560). Leiden: Brill, 2012. 628 p.

De La Garanderie M.M. Christianisme et lettres profanes: Essai sur l'Humanisme français (1515–1535) et sur la pensée de Guillaume Budé. 2. éd. Paris: Honoré Champion, 1995. 443 p.

Delisle C. Establishing the Facts: Conrad Gessner's Epistolae Medicinales between the Particular and the General: [Diss. PhD]. London, 2008. 407 p.

Delisle C. The Letter: Private Text or Public Place? The Mattioli-Gesner Controversy about the Aconitum Primum // *Gesnerus*. 2004. Bd. 61. P. 161–176.

Durling R.J. Conrad Gessner's Liber amicorum // *Gesnerus*. 1965. Bd. 22. P. 134–159.

Enenkel K. Die Erfindung des Menschen. Die Autobiographik des frühneuzeitlichen Humanismus von Petrarca bis Lipsius. Berlin; New York: De Gruyter, 2008. XVII, 939 S.

Enenkel K. "Identities" in Humanist Autobiographies and Related Self-Presentations // *Memory and Identity in the Learned World: Community Formation in the Early Modern World of Learning and Science* / Ed. by K. Scholten [et al.]. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 31–80.

Fischer H. [et al.] Conrad Gessner 1516–1565: Universalgelehrter, Naturforscher, Arzt. Zürich: Orell Füssli Verl., 1967. 234, [6] S.

Friedrich U. Naturgeschichte zwischen artes liberales und frühneuzeitlicher Wissenschaft: Conrad Gessners "Historia animalium" und ihre volkssprachliche Rezeption. Tübingen: Max Niemeyer Verl., 1995. X, 276 S.

Goeing A.-S. Storing to Know: Konrad Gessner's De Anima and the Relationship between Textbooks and Citation Collections in Sixteenth-Century Europe // *Collectors' Knowledge: What Is Kept, What Is Discarded* / Ed. by A.-S. Goeing [et al.]. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 207–242.

Grafton A. Conrad Gessner and John Caius: The Meanings of Learned Friendship in Renaissance Europe // *Conrad Gessner (1516–1565): Die Renaissance der Wissenschaften* / Hrsg. von U.B. Leu, P. Opitz. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 355–376.

Leonhardt J. Latein: Geschichte einer Weltsprache. 2. Aufl. München: Verl. C.H. Beck, 2011. IX, 339 S.

Leu U.B. Conrad Gessner (1516–1565): Universalgelehrter und Naturforscher der Renaissance. Zürich: NZZ, 2016. 464 S.

Lewis M.S. Introduction. The Dedication as Paratext // *Cui dono lepidum novum libellum?: Dedicating Latin Works and Motets in the Sixteenth Century* / Ed. by I. Bossuyt [et al.]. Leuven: Leuven University Press, 2008. P. 1–11.

Maclean I. Logic, Signs and Nature in the Renaissance: The Case of Learned Medicine. Cambridge: CUP, 2002. XVI, 407 p.

Müller C. Conrad Gessner, seine Kollegen und die Reformation des Gesundheitswesens in Zürich // Facetten eines Universums: Conrad Gessner 1516–2016 / Hrsg. von U.B. Leu, M. Ruoss. Zürich: Neue Zürcher Zeitung, 2016. S. 99–118.

Nutton V. An Autobiography by John Caius / Ed. V. Nutton. London; New York: Routledge, 2018. 163 p.

Olivier E. Les années Lausannoises (1537–40) de Conrad Gesner // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1951. Bd. 1. H. 3. P. 369–428.

Papy J. Letters // The Oxford Handbook of Neo-Latin / Ed. by S. Knight, S. Tilg. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 167–182.

Stucki H. Johann Jakob Ammann // Historisches Lexikon der Schweiz. 2001. Available at: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/010502/2001-06-29/> (date accessed: 24.05.2023).

Vanautgaerden A. Érasme typographe: Humanisme et imprimerie au début du XVIe siècle. Genève: Librairie Droz, 2012. XIII, 632 p.

Vogel K. Thrinodiae herois Huldrychi Zwinglii — Conrad Gessners dichterischer Nachruf auf Huldrych Zwingli // Conrad Gessner (1516–1565): Die Renaissance der Wissenschaften / The Renaissance of Learning / Hrsg. von U.B. Leu, P. Opitz. Berlin: De Gruyter, 2019. S. 465–484. DOI: 10.1515/9783110499056-025.

Wellish H. Conrad Gessner: a Bio-Bibliography // Journal of the Society for the Bibliography of Natural History. 1975. Vol. 7. Pt. 2. P. 151–247.

Various Aspects of the Self-Presentation of 16th-Century Polymath (as They Are Expressed in the Dedicatory Letters to the Early Works by Conrad Gessner)

MIKHAIL L. SERGEEV

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: librorumcustos@gmail.com

The article deals with the problem of self-identification of the 16th century polymath and its expression in scientific publications. The study was based on the dedicatory letters (“epistolae nuncupatoriae”) to the early works of the Swiss philologist and naturalist Conrad Gessner (1516–1565). Of all the paratexts the dedications and prefaces are particularly prone to express the author’s individuality through autobiographical narrative, and Gessner actively used this opportunity for self-presentation and the establishment of connections within scientific community. Given the fact that Gessner did not keep diaries or write memoirs, and his extant correspondence covers mainly the later period, the autobiographical accounts in paratexts prove to be the most important ego-documents, allowing us to reconstruct the early stage of Gessner’s biography and to reveal various aspects of his professional self-identification. The article comments on dedications to several works of medical and botanical content written in the late 1530s and published a few years later: “Historia plantarum et vires” (1541); “Actuarii. De differentiis urinarum” (1541); “Apparatus et delectus simplicium medicamentorum” (1542); “Catalogus plantarum” (1542). Their publication coincided with the period when Gessner left teaching Greek in Lausanne and, returning to Zurich, became actively engaged in medicine and the natural sciences. As analysis of the dedicatory letters has shown, Gessner’s self-presentation during these years was already characterized by a synthesis of the identities of doctor (“medicus”) and

philologist (“grammaticus”). On the one hand, he demonstrated his extensive reading, his mastery of ancient languages, and his commitment to humanistic ideals, he also intended to transfer them to the study of medical questions. On the other hand, he invoked his practical experience of studying plants, arguing that it was necessary to master natural sciences. His main circle of scholarly acquaintances was so far his school and university teachers, to whom he addressed for support, expressing his readiness to follow their advice and to observe the rules of communication accepted in the “*respublica literaria*”.

Keywords: history of science, 16th century, botany, medicine, philology, self-presentation, autobiography, polymath, early-career scholar, scientific community.

Acknowledgment

I dedicate this essay with gratitude to Academician Nikolai Nikolaevich Kazansky, who supported and encouraged me in my early philological endeavors.

References

- Bernhard, J.A., Müller, C. (2021). Der Gelehrte, der Schüler und ein Gimpelpaar: Ein vergessener griechischer Brief von Conrad Gessner an Johannes Pontisella III, *Zwingliana*, Bd. 48, 129–175 (in German).
- Blair, A. (2010). *Too Much to Know: Managing Scholarly Information before the Modern Age*, New Haven, London: Yale University Press.
- Blair, A. (2016). Conrad Gessner’s Paratexts, *Gesnerus*, 73 (1), 73–122.
- Blair, A. (2017). The Dedication Strategies of Conrad Gessner, in G. Manning, C. Klestinec (Eds.), *Professors, Physicians and Practices in the History of Medicine: Essays in Honor of Nancy Siraisi* (pp. 169–209). Cham: Springer.
- Blair, A., Patton, M. (2021). A Quantitative Study of the Paratexts in Erasmus-Froben Imprints, *Erasmus Studies*, no. 41, 99–181.
- Bock, H. (1552). *De stirpium, maxime earum, quae in Germania nostra nascuntur usitatis nomenclaturis propriisque differentiis... Commentariorum libri tres*, Straßburg: W. Rihel (in Latin).
- Bots, H. (2018). *De republiek der letteren. De Europese intellectuele wereld, 1500–1760*, Nijmegen: Vantilt (in Dutch).
- Braun, G. (1593). *Urbium praecipuarum totius mundi Lib. 3*, Köln: B. Buchholtz; Antwerpen: Ph. Galle (in Latin).
- Crousaz, C. (2012). *L’Académie de Lausanne entre Humanisme et Réforme (ca. 1537–1560)*, Leiden: Brill (in French).
- De La Garanderie, M.M. (1995). *Christianisme et lettres profanes: Essai sur l’Humanisme français (1515–1535) et sur la pensée de Guillaume Budé*, 2 éd., Paris: Honoré Champion (in French).
- Delisle, C. (2004). The Letter: Private Text or Public Place? The Mattioli-Gesner Controversy about the Aconitum Primum, *Gesnerus*, no. 61, 161–176.
- Delisle, C. (2008). *Establishing the Facts: Conrad Gessner’s Epistolae Medicinales between the Particular and the General*: [PhD thesis], London.
- Durling, R.J. (1965). Conrad Gessner’s Liber amicorum, *Gesnerus*, no. 22, 134–159.
- Enenkel, K. (2008). *Die Erfindung des Menschen. Die Autobiographik des frühneuzeitlichen Humanismus von Petrarca bis Lipsius*, Berlin; New York: De Gruyter (in German).
- Enenkel, K. (2022). “Identities” in Humanist Autobiographies and Related Self-Presentations, in K. Scholten [et al.] (Eds.), *Memory and Identity in the Learned World: Community Formation in the Early Modern World of Learning and Science* (pp. 31–80), Leiden; Boston: Brill.

Espagne, M. (2006). Mezkhul'turnaya istoriya filologii [A cross-cultural history of philology], *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 6 (82), 13–31 (in Russian).

Fischer, H. [et al.] (1967). *Conrad Gessner 1516–1565: Universalgelehrter, Naturforscher, Arzt*, Zürich: Orell Füssli Verlag (in German).

Friedrich, U. (1995). Naturgeschichte zwischen artes liberales und frühneuzeitlicher Wissenschaft: Conrad Gessners “Historia animalium” und ihre volkssprachliche Rezeption, Tübingen: Max Niemeyer Verl. (in German).

Galenus (1537). *Medicorum Schola, Hoc est, Claudii Galeni Isagoge, sive Medicus. Eiusdem Definitionum medicinalium liber*, Basel: T. Platter, B. Lasius (in Latin).

Gessner, C. (1541a). *De lacte et operibus lactariis*, Zürich: Ch. Froschauer (in Latin).

Gessner, C. (1541b). *Historia plantarum et vires*, Basel: R. Winter (in Latin).

Gessner, C. (1541c). *Compendium ex Actuarii Zachariae libris de differentiis urinarum*, Zürich: Ch. Froschauer (in Latin).

Gessner, C. (1542a). *Apparatus et delectus simplicium medicamentorum*, Lyon: I. et F. Frellon (in Latin).

Gessner, C. (1542b). *Catalogus plantarum Latine, Graece, Germanice, & Gallice*, Zürich: Ch. Froschauer (in Latin).

Gessner, C. (1545). *Bibliotheca universalis*, Zürich: Ch. Froschauer (in Latin).

Goeing, A.-S. (2013). Storing to Know: Konrad Gessner's De Anima and the Relationship between Textbooks and Citation Collections in Sixteenth-Century Europe, in A.-S. Goeing [et al.] (Eds.), *Collectors' Knowledge: What Is Kept, What Is Discarded* (pp. 207–242), Leiden; Boston: Brill.

Grafton, A. (2019). Conrad Gessner and John Caius: The Meanings of Learned Friendship in Renaissance Europe, in U.B. Leu, P. Opitz (Hrsg.), *Conrad Gessner (1516–1565): Die Renaissance der Wissenschaften* (pp. 355–376), Berlin: De Gruyter.

Greenblatt, S. (1999). Formirovaniye “Ya” v epokhu Renessansa: ot Mora do Shekspira [The formation of “(My)self” in the Renaissance epoch], *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 1 (35), 34–77 (in Russian).

Kochetkova, N.D. (2020). *Posvyashcheniya v russkikh izdaniyakh XVIII veka: issledovaniye, teksty, bibliograficheskiy ukazatel'* [Dedications in Russian editions of XVIII century: research, texts, bibliography], Moskva, S.-Peterburg: Al'yans-arkheo (in Russian).

Leonhardt, J. (2011). *Latein: Geschichte einer Weltsprache*, 2. Aufl., München: Verl. C.H. Beck (in German).

Leu, U.B. (2016). *Conrad Gessner (1516–1565): Universalgelehrter und Naturforscher der Renaissance*, Zürich: NZZ (in German).

Lewis, M.S. (2008). Introduction. The Dedication as Paratext, in I. Bossuyt [et al.] (Eds.), *Cui dono lepidum novum libellum?: Dedicating Latin Works and Motets in the Sixteenth Century* (pp. 1–11). Leuven: Leuven University Press.

Maclea, I. (2002). *Logic, Signs and Nature in the Renaissance: The Case of Learned Medicine*, Cambridge: CUP.

Müller, C. (2016). Conrad Gessner, seine Kollegen und die Reformation des Gesundheitswesens in Zürich, in U.B. Leu, M. Ruoss (Hrsg.), *Facetten eines Universums: Conrad Gessner 1516–2016* (S. 99–118), Zürich: Neue Zürcher Zeitung (in German).

Nutton, V. (Ed.) (2018). *An Autobiography by John Caius*, London; New York: Routledge.

Olivier, E. (1951). Les années Lausannoises (1537–40) de Conrad Gesner, *Schweizerische Zeitschrift für Geschichte*, 1 (3), 369–428 (in French).

Papy, J. (2015). Letters, in S. Knight, S. Tilg (Eds.), *The Oxford Handbook of Neo-Latin* (pp. 167–182), Oxford: Oxford University Press.

Sachs, H. (1568). *Eygentliche Beschreibung Aller Stände auff Erden*, Franckfurt am Mayn: Feyerabents (in German).

Sergeev, M.L. (2018). *Sopostavleniye yazykov v XVI veke (na primere “Mitridata” (1555) Konrada Gessnera)*: diss. kand. filol. nauk [Language comparison in the 16th century: on the example of Conrad Gessner's “Mithridates” (1555): PhD thesis], S.-Peterburg (in Russian).

Shart'ye, R. (2006). *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [The written culture and the society], Moskva: Novoye izdatel'stvo (in Russian).

Stucki, H. (2001). Johann Jakob Ammann, in *Historisches Lexikon der Schweiz*. Available at: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/010502/2001-06-29/> (date accessed: 24.05.2023).

Titova, E.V. (2019). Dramaturgicheskiy paratekst: k postanovke problemy [Dramaturgical paratekst: to the statement of the problem], *Vestnik RGGU, ser. "Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul'turologiya"*, no. 2, 30–40 (in Russian).

Vanautgaerden, A. (2012). Érasme typographe: Humanisme et imprimerie au début du XVIe siècle, Genève: Librairie Droz (in French).

Vogel, K. (2019). Thrinodiae herois Huldrychi Zwinglii — Conrad Gessners dichterischer Nachruf auf Huldrych Zwingli, in U.B. Leu, P. Opitz (Hrsg.), *Conrad Gessner (1516–1565): Die Renaissance der Wissenschaften* (S. 465–484), Berlin: De Gruyter (in German).

Wellish, H. (1975). Conrad Gessner: a Bio-Bibliography, *Journal of the Society for the Bibliography of Natural History*, 7 (2), 151–247.

Zaretskiĭ, Yu.P. (2022). *Avtobiograficheskoye "Ya" v Sredniye veka i ranneye Novoye vremya* [The autobiographical "(My)self" in the Middle Ages and early modern times], Moskva, S.-Peterburg: Petroglif; Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Zhivov, V.M. (1997). Pervyye russkiye literaturnyye biografii kak sotsial'noye yavleniye: Trediakovskiy, Lomonosov, Sumarokov [The first Russian literary biographies as a social phenomenon: Trediakovsky, Lomonosov, Sumarokov], *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 25, 24–83 (in Russian).

СВЕТЛАНА БОРИСОВНА УЛЬЯНОВА

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия;
профессор Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: oulianova@mail.spbstu.ru

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ АЛАДЫШКИН

кандидат исторических наук,
доцент Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: i-bez@yandex.ru

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА БЕСЕДИНА

кандидат исторических наук,
доцент Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: besedina70@mail.ru

**Индустриальный прагматизм в реформировании высшей
школы в России в конце XIX — первой трети XX в.:
исторический опыт Петербургского — Ленинградского
политехнического института**

УДК: 378(091)+94(47)

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-58-76

В настоящей статье на примере одного из ведущих технических вузов России — Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого — рассматривается процесс

© Ульянова С.Б., Аладышкин И.В., Беседина Е.А., 2023

подчинения работы высшей школы в дореволюционный и раннесоветский период концепции «индустриального прагматизма».

Индустриальный прагматизм во многом определял тематику научных исследований, создание образовательных программ, кадровую политику вуза, систему аттестации кадров и пр. Изменение ориентиров индустриальной политики отражалось и на внутренней структуре вуза.

Основание Санкт-Петербургского политехнического института было частью проекта форсированной индустриализации России на рубеже XIX–XX вв. Новые принципы инженерной подготовки, сформулированные в рамках правительственной программы, успешно дополнялись разнообразными академическими инициативами. Усилия представителей политехнического сообщества сосредотачивались в направлении создания новой образовательной инфраструктуры и обоснования необходимости соответствующих финансовых затрат во имя подготовки инженерного корпуса для отечественной промышленности.

Политика большевиков в области технического образования в первые послереволюционные десятилетия отличалась сочетанием крайнего утопизма с крайней прагматичностью. На рубеже 1920–1930-х гг. выбор был сделан в пользу самых радикальных шагов. Началась бесконечная череда экспериментов. Идея развития высшего технического образования на основе узкоспециализированных технических институтов привела в 1930 г. к разделению Ленинградского политехнического института на несколько отраслевых учебных заведений. Их короткая история ярко иллюстрирует одно из основных противоречий сталинской модели модернизации между амбициозностью индустриальных проектов и недостаточностью их ресурсного обеспечения.

Задачи «большого скачка» требовали более эффективных управленческих решений, и в 1934 г. Ленинградский политехнический институт восстанавливают из «осколков» с подчинением его Народному комиссариату тяжелой промышленности. Новая организационная структура института в значительной степени отражала задачи этого ведомства и была ориентирована на определенные отрасли промышленного производства. Основной задачей преподавателей института стало обслуживание практических нужд промышленности.

Ключевые слова: история России, научно-техническая политика, высшее образование, политехнические институты, Санкт-Петербургский политехнический университет, структура, индустриальный прагматизм, научно-производственные связи.

Благодарность

Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете при поддержке Государственного задания на тему «Государственное управление научными исследованиями в СССР: исторический опыт и современные оценки», FSZG-2023-0011, регистрационный № 1023031000045-1-6.1.1.

Введение

В России последних десятилетий высшее техническое образование вновь рассматривается как один из важнейших факторов экономического и социально-культурного развития страны. Традиционный интерес к проблеме соответствия профессионального образования структуре и динамике производства в настоящее время дополняется анализом перспектив развития передовых технологий и грядущей промышленной революции 4.0, а также актуальной проблемой технологической неза-

висимости России. «Подвижностью» реалий и прогнозов оправдывается затянувшееся реформирование системы подготовки студентов технических университетов. Бесспорной представляется прямая связь между наращиванием инновационно-технологического потенциала национальной промышленности, обеспечением безопасности страны и соответствующей подготовкой кадров, в первую очередь, технического профиля, с актуальными профессиональными компетенциями [Бурковская, Кленина, 2018, с. 9]. Сомнения множатся далее, когда поднимается вопрос — а каким должно быть российское инженерное образование и сам технический вуз XXI в.?

Конечно, российский научно-образовательный ландшафт на протяжении последних нескольких десятилетий претерпел колоссальные изменения [Ащеулова, Сорокин, 2020, с. 70]. Смена образовательной парадигмы с утверждением принципов динамизма, разнообразия форм и методов обучения, гибкого реагирования на перемены в экономике, равно как и внедрение менеджериального подхода к управлению, реализация программ академического превосходства, к сожалению, не смогли решить проблему разрыва в развитии промышленности и высшего технического образования.

Попытки найти оптимальную образовательную модель, отвечающую социально-экономическим вызовам сегодняшнего дня, на поверку оказываются лишь попытками, порой весьма неоднозначными. Остаются открытыми вопросы об ориентирах реновации высшей технической школы и характере заимствования зарубежного опыта, о развитии научно-инновационной деятельности и предпринимательской корпоративной культуры, отвечающей условиям реального рынка труда и технологий, о поощрении или ограничении самостоятельности вузов и роли федерального органа управления образованием [Wadhvani et al., 2017, p. 175–198].

Стоит согласиться с теми авторами, которые признают, что в настоящее время в отношении оценки инженерного образования диапазон мнений и реальных действий колеблется в широких пределах соотношения «традиции — инновации» [Журавовский и др., 2017, с. 87]. Среди ключевых факторов успешного развития высшей технической школы особая роль неизменно отводится достижению эффективной взаимосвязи с реальным сектором экономики. В этом плане может быть востребован и отечественный исторический опыт.

Многоаспектная историография российской высшей школы насчитывает сотни изданий. Исследователи сравнивают советскую и западные модели, анализируют различные аспекты государственной научно-технической политики, изучают связи высшей школы с промышленностью и т. д. [Беляев, 1968; Alston, 1969; Бастракова, 1973; Чанбарисов, 1988; Высшее образование в России, 1995; Грэхэм, 1998; Смык, 2015; Балакин, 2017; Ивановский, 2018; Ендовицкий и др., 2020].

Особую группу исследований составляют работы, посвященные истории подготовки инженерных кадров [Параул, 1969; Аутов, 1983; Рудской и др., 2017; Ahlström, 1978; Pettersson, 1985; Segerholm, 2020]. В 1990-е гг. на волне переосмысления дореволюционного наследия преобладал интерес к начальным этапам развития российской высшей школы. В 2000-е гг. стал очевиден рост внимания к советскому опыту, особенно периоду 1950–1980-х гг., когда СССР ценой огромных усилий сумел восстановить и развить мощный промышленный и научно-технический потенциал, создать научные школы мирового уровня [Макаренко, 2001; Гусарова, 2010; Боровков и др., 2012]. Между тем исследовательского внимания заслуживает и более ранний

период, когда знаменитая триада «наука — техника — производство» присутствовала лишь в некоторых высших учебных заведениях. Именно к числу таких вузов относится и Санкт-Петербургский политехнический университет.

История основания этого института¹ напрямую связана с форсированной индустриализацией России рубежа XIX–XX вв. В годы первой пятилетки (1928–1932) Политех стал площадкой для радикальной попытки проведения в жизнь индустриально-утилитарного подхода к развитию высшей школы.

В настоящей статье рассматривается процесс подчинения работы высшей школы в дореволюционный и раннесоветский период концепции «индустриального прагматизма».

Индустриальный прагматизм, а то и более того — индустриальный фетишизм, представлял, по мнению Е.А. Осокиной, одну из основных характеристик сталинского режима [Осокина, 1997, с. 89]. Однако, на наш взгляд, признание главенства промышленного развития над другими целями и идеями было характерно как для более раннего периода, так и для позднего СССР.

Индустриальный прагматизм во многом определял тематику научных исследований, создание образовательных программ, кадровую политику вузов, систему аттестации кадров и пр. Не менее значимым, на наш взгляд, представляется анализ того, как изменение ориентиров индустриальной политики отражалось на внутренней структуре вуза. Каким образом институт — этот живой организм — реагировал на действия других акторов научной политики? Можно ли говорить о складывании определенной политехнической «бизнес-модели» как составной части развития отечественной высшей школы? Как шел поиск возможного согласования таких базовых составляющих, как промышленность, наука и образование?

Разработка институциональной модели Петербургского политехнического института в 1899–1918 гг.

Создание в 1899 г. Петербургского политехнического института стало частью программы преобразований, известной как «система Витте». С.Ю. Витте (министр финансов в 1892–1903 гг.) последовательно выступал защитником промышленных приоритетов в экономической и научно-технической политике страны.

Строительство столичного Политеха велось с размахом. На открытии декан Экономического отделения А.С. Посников сказал: «Можно удивляться, что наша страна затрачивает такую огромную сумму в 5 миллионов золотых рублей на постройку этого Института²; но если сопоставить, что затраты на постройку одного броненосца доходят до 7 миллионов рублей, то эта затрата не покажется чрезмер-

¹ Университет был основан в 1899 г. как Петербургский (в 1914–1924 гг. — Петроградский) политехнический институт. В 1924–1930 гг. он назывался: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина. В 1930 г. институт был расформирован и в 1934 г. воссоздан как Ленинградский индустриальный институт. С 1940 по 1990 г. имел наименование: Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина. Современное название — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

² Смета на строительство института была превышена и общая стоимость работ составила более 7,6 млн руб. (Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 4. Д. 661. Л. 22).

ной, но оправдываемой насущной необходимостью»³. При этом численность преподавательского корпуса была небольшой: к началу занятий насчитывалось 85 преподавателей (в том числе 38 профессоров) и 30 человек административного персонала⁴. Ежегодный набор студентов не превышал 250 человек.

Многие преподаватели были известны не только своими академическими достижениями, но и опытом практической работы в промышленности: «Курс паровых котлов» читал профессор А.С. Ломшаков — инженер-технолог, служивший на Охтинских пороховых заводах; Л.З. Ратновский, начальник технической конторы по подъемным механизмам Путиловского завода, преподавал «Подъемные механизмы»; горный инженер В.Е. Грум-Гржимайло, имевший большой опыт работы на Урале, читал курс металлургии чугуна и стали. В формировании учебной политики института большую роль играло Русское техническое общество⁵.

Система занятий носила практико-ориентированный характер: в институте устраивались экскурсии на заводы, шахты и верфи; обязательной частью подготовки были производственные практики и дипломное проектирование.

Значительным нововведением стало создание при новом учебном заведении университетского городка, где должны были разместиться как студенты, так и преподаватели, образуя единую политехническую корпорацию⁶.

Реализованные в Политехническом институте новые принципы инженерной подготовки оправдывали высокий уровень государственных расходов на его строительство и функционирование. Финансировался институт из казны, и при необходимости ученый совет вуза запрашивал дополнительные средства.

Разработанная в Учебном отделе Министерства финансов первоначальная структура Политехнического института включала в себя четыре отделения — электромеханическое, кораблестроительное, металлургическое, экономическое. Однако вскоре по инициативе Совета института и отдельных профессоров она стала дополняться новыми подразделениями. Эти новации находились в общем русле политики Министерства торговли и промышленности, но от руководства института требовались большие усилия по обоснованию необходимости тех или иных преобразований и соответствующих затрат.

Рассмотрим на двух примерах, какими возможностями обладали политехники как агенты институциональных изменений.

В 1907 г. Министерство торговли и промышленности решило отменить правило об обязательном проживании студентов на территории института и закрыть обще-

³ Санкт-Петербургский Политехнический Институт Императора Петра Великого. 1902–1952. Юбилейный сборник / Под ред. А.А. Стаховича, Е.А. Вечорина. Париж, 1952. С. 84.

⁴ Штат С.-Петербургского политехнического института // РГА ВМФ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 26. Л. 19.

⁵ Санкт-Петербургский Политехнический Институт. Сборник № 2. Париж, Нью-Йорк, 1958. С. 23

⁶ Записка министра финансов С.Ю. Витте о необходимости учреждения Политехнического института, о его задачах и примерной смете расходов на устройство института. 25 ноября 1900 г. // Санкт-Петербургский политехнический институт в 1899–1902 гг.: сборник документов / Под ред. Ю.С. Васильева, С.Б. Ульяновой. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. С. 68.

жития⁷. Группа профессоров-политехников во главе с деканом электромеханического отделения М.А. Шателеном сразу же предложила воспользоваться этим обстоятельством и ходатайствовать перед властями об открытии новых отделений — механического, инженерно-строительного и химического. Свою позицию они аргументировали, во-первых, тем, что число абитуриентов летом 1907 г. оказалось много больше, чем институт мог принять. Во-вторых, в составленной записке указывалось, что «было бы крайне нецелесообразно оставлять незанятыми громадные помещения общежитий, требующие непрерывных расходов на отопление, ремонт, надзор и т. д.»⁸.

Совет института поддержал эту инициативу и уже в сентябре 1907 г., не дожидаясь решения министерства, объявил о наборе 400 студентов на новые отделения⁹. Однако год спустя, летом 1908 г., министр И.П. Шипов поддержал открытие только двух новых отделений — механического и инженерно-строительного. От создания химического отделения было решено отказаться ввиду слишком больших расходов на его оборудование и содержание¹⁰. Окончательно вопрос о новых отделениях был утвержден императором только в 1909 г. Таким образом, Совет Политехнического института два года проводил обучение студентов на новых отделениях, не имея на то законных оснований, и фактически заставил власти пойти на изменение структуры института. Немаловажный момент: для того чтобы финансировать оборудование новых аудиторий и лабораторий, а также оплачивать дополнительно 13 профессорских должностей, Совету института пришлось изыскивать средства самостоятельно (в основном, за счет перераспределения бюджета, но также за счет платы за обучение и доходов от издания учебной литературы).

Безусловно, открытие инженерно-строительного и механического отделений в 1909 г. отвечало тенденциям индустриального развития России и служило примером своего рода академического предпринимательства. Но иногда экономическая логика институциональных изменений, проводившихся по инициативе Политехнического института, не была очевидной. Так было, например, в случае с развитием авиационной программы, ставшей в 1909–1910 гг. предметом острой конкуренции.

В России начала XX в. авиация вызывала большой интерес. В мае 1909 г. Совет института обратился в Совет министров с просьбой о финансировании преподавания воздухоплавания. Декан Кораблестроительного отделения К.П. Боклевский просил одновременно выделить 45 тыс. руб. на постройку и оборудование лабораторного здания и установить ежегодное ассигнование в 12 тыс. руб. для содержания лаборатории и оплаты труда преподавателей¹¹. Премьер-министр П.А. Столыпин направил министру торговли и промышленности В.И. Тимирязеву письмо, в котором поддержал проект К.П. Боклевского. Однако министр предпочел организовать своеобразный конкурс между Петербургским, Киевским, Донским и Варшавским

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 3. Д. 837. Л. 1–6.

⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 478. Оп. 14. Д. 216. Л. 13–23.

⁹ Новое время. 1907. 8 (20) октября. № 11 341. С. 3.

¹⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 755. Л. 1–10.

¹¹ РГИА. Ф. 25. Оп. 5. Д. 14. Л. 13.

политехническими институтами, направив им запрос о возможности организации курсов воздухоплавания и об обосновании необходимых расходов¹².

Учитывая, что другие институты также выразили готовность открыть у себя подготовку по воздухоплаванию (а Киевский политех просил, к тому же, ассигнование всего 14 тыс. руб. плюс 1 тыс. руб. ежегодно¹³), К.П. Боклевский решился снова обратиться к премьер-министру. Теперь он предложил учредить специальную комиссию по воздухоплаванию для выработки основных направлений и принципов его развития¹⁴. Одновременно, не дожидаясь поступления средств из казны, 28 ноября 1909 г. курсы воздухоплавания в Петербургском политехническом институте начали свою работу¹⁵. В декабре 1909 г. К.П. Боклевский прочитал в Академии наук специальный доклад «О преподавании воздухоплавания в высших учебных заведениях»¹⁶. А 15 декабря 1909 г. он выступил на заседании Совета министров, где ему пришлось столкнуться с позицией министра просвещения А.И. Шварца, лоббировавшего интересы Института инженеров путей сообщения.

В результате Политехнический институт добился правительственной поддержки своего проекта. 5 февраля 1910 г. план курсов в Политехническом институте был одобрен императором Николаем II.

Оценивая стратегию создания Петербургского политехнического института, мы видим, что новые принципы инженерной подготовки, сформулированные в рамках правительственной программы индустриальной модернизации, успешно дополнялись разнообразными академическими инициативами. Усилия представителей политехнического сообщества, подкрепляемые их высоким научным авторитетом, сосредотачивались в направлении создания новой образовательной инфраструктуры и обоснования необходимости соответствующих финансовых затрат во имя подготовки инженерного корпуса для отечественной промышленности.

Индустриальный прагматизм сталинской эпохи: «воронка возможностей»

Индустриально-утилитарный подход к развитию высшей школы тесно связан с началом реализации форсированного советского индустриального проекта в годы первой пятилетки (1928–1932). Ключевыми моментами «социалистического строительства» были названы электрификация и энергетическое машиностроение¹⁷. Кроме того, важное место в индустриальной программе отводилось развитию машиностроения в целом. Паровозостроение, судостроение, станкостроение, котло-

¹² Там же. Л. 15–19.

¹³ Там же. Л. 21 об.

¹⁴ Там же. Л. 56–58.

¹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1909. 29 сентября (12 октября). № 217. Раздел «Хроника». С. 5.

¹⁶ Воздухоплавание. 1909. № 2. С. 891.

¹⁷ Резолюция XVI конференции ВКП(б). О пятилетнем плане развития народного хозяйства // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 4. С. 450.

строение и т. п. — их производство требовало огромных капитальных вложений и отвечало экономическим и политическим задачам индустриализации¹⁸.

Уже в 1928 г. началась пропаганда идеи об отмирании многопрофильных вузов в период социалистической реконструкции, так как они якобы «не справляются» с необходимой массовой подготовкой кадров для модернизируемой промышленности и сельского хозяйства.

В июле 1928 г. пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «Об улучшении подготовки новых специалистов (втузы)», потребовав удвоить удельный вес инженерно-технических работников в крупной промышленности к концу пятилетки за счет сокращения сроков обучения во втузах до 3–4 лет, унификации системы технического образования, введения непрерывной производственной практики, обязательного распределения на три года по окончании техникумов и втузов, привлечения хозорганов и профсоюзов к разработке учебных планов и программ и пр.¹⁹ В ноябре 1929 г. на пленуме ЦК ВКП(б) была принята резолюция «О кадрах народного хозяйства», которая фактически представляла собой реформу высшего образования. Пленум постановил расширить сеть высших технических учебных заведений нового типа с резко выраженной специализацией по определенным отраслям промышленности²⁰. В ходе дальнейшей дискуссии о принципах преобразования высшей школы с целью насыщения промышленных предприятий новыми, «советскими», кадрами руководители промышленных ведомств и отдельных предприятий успешно навязали идею индустриального прагматизма как один из ключевых моментов реформы²¹.

Чем эти новые правила игры обернулись для Ленинградского политехнического института? Распадом и несколькими годами хаоса.

Поначалу институт попытался соответствовать новым веяниям и директивам. Зависимость от госбюджетных ассигнований не позволяла развивать собственную лабораторную базу. Выход руководство института попыталось найти в привлечении к учебному процессу сильных кадров из системы Академии наук СССР и отраслевых научно-исследовательских институтов, в использовании лабораторий крупных заводов²².

Одновременно в середине 1920-х гг. был остановлен процесс институционализации кафедр в структуре вуза. В 1925 г. руководство педагогической работой было отдано не профессорам или кафедрам, а предметным комиссиям, в которые входили как преподаватели, так и студенты²³. Именно студенты стали главными проводниками принципов реформы высшей школы 1928–1930 гг., агрессивно навязывая

¹⁸ Постановление СНК СССР от 15 января 1929 г. // КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 176.

¹⁹ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 355–361.

²⁰ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 19–22.

²¹ Стенограмма заседания в «Деловом клубе» по вопросу о типе специалиста. 23 сентября 1929 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 3. Д. 3913. Л. 1–86.

²² Протокол заседания фракции РКП(б) и РКСМ Физико-механического факультета. 3 ноября 1924 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 40. Оп. 1. Д. 21. Л. 35; Наказ партийному комитету ВКП(б). [1930 г.] // Там же. Д. 116. Л. 6–12.

²³ Циркуляр Народного комиссариата просвещения № 44 от 31 марта 1925 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 3121. Оп. 4. Д. 389. Л. 16.

«буржуазным» профессорам свое понимание того, как должна быть организована работа вуза. Они же и пострадали от непродуманной и поспешной ликвидации Ленинградского политехнического института.

В 1930 г. Ленинградский политехнический институт был разделен на ряд отраслевых вузов, подчиненных различным наркоматам: Химический, Строительный, Машиностроительный, Институт котлотурбиностроения, Металлургический, Гидротехнический, Электротехнический, Кораблестроительный, Институт индустриализации сельского хозяйства, Авиационный (в Москве), Плановый, Институт экономики промышленности и труда, Институт обмена и распределения, Институт потребительской кооперации, Финансово-кредитный, Транспортный. Физико-механический факультет был переведен в Академию наук СССР.

Между новыми организациями требовалось разделить здания и имущество ЛПИ, распределить преподавателей и студентов. Ввиду реорганизации была остановлена программа строительства новых зданий и оборудования новых лабораторий²⁴. Ситуация складывалась угрожающая. 7 июня 1930 г. газета «Ленинградская правда» опубликовала открытое письмо организации ВКП(б) ЛПИ под названием «Организация отраслевых вузов угрожающе затягивается». В нем говорилось о том, что с 26 апреля не было сформировано представление о программах, средствах, капитальном строительстве, общежитиях для новых институтов. Не назначен ни один директор, сорван прием абитуриентов на первый курс. У отраслевых вузов нет ни хозяйственной базы, ни административного аппарата, ни учебных зданий. Ситуация описывалась как «полный хаос».

Вузы были разбиты по отраслевой принадлежности, финансировались отраслевыми ведомствами и сосредотачивались на образовательной деятельности. Практически все фундаментальные и прикладные исследования ушли в академические и отраслевые научно-исследовательские институты. Это, вкупе с сильнейшей встряской, которую они пережили в ходе непродуманной реформы 1930–1932 гг., сильно подорвало их материальную базу.

Несмотря на заявленную широкомасштабную программу, все заинтересованные в реформе стороны — представители государства, промышленности и высшей школы — вынуждены были констатировать, что решить сложные проблемы, связанные с научно-образовательным обеспечением индустриализации, путем «кавалерийской атаки» не удалось. С 1934 г. провал «большого скачка» в высшем образовании заставил большевиков пересмотреть принципы подготовки инженеров. Индустриальный прагматизм потребовал возврата к традиционным методам и принципам организации высшей школы. Пора экспериментов закончилась в 1936 г., когда было принято постановление Совета народных комиссаров СССР «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой»²⁵.

Постановлением СНК СССР от 11 января 1934 г. «О дальнейшей реорганизации сети вузов Наркомтяжпрома» на базе отраслевых институтов был образован Ленинградский индустриальный институт (ЛИИ) в составе следующих факультетов: Общетехнический, Металлургический, Электро-сварочный, Механический, Факультет производственного машиностроения, Факультет энергетического машино-

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 11. Д. 1.

²⁵ Собрание законов СССР. 1936 г. № 34. Ст. 308.

строения, Энергетический, Электромеханический, Гидротехнический, Инженерно-физический, Инженерно-экономический²⁶.

Анализ структуры ЛИИ показывает, что для периода 1934–1940 гг. характерна новая институциональная модель вуза. Кафедры становятся главной административной единицей в рамках факультета. Теперь они не просто объединяют преподавателей сходных дисциплин, но и организуют учебный процесс и научные исследования. Так, например, на Электромеханическом факультете были созданы кафедры «Электрические машины», «Электрификация транспорта», «Подвижной состав», «Промышленное использование электрической энергии», «Электроснабжение промпредприятий», «Автоматизация и управление энергетических и промышленных установок», «Электрические сети» и др.²⁷ По перечню кафедр можно понять, какие направления были приоритетными для наркомата тяжелой промышленности, в ведении которого остался ЛИИ. Было определено 50 инженерных специальностей, по которым планировалось организовать подготовку студентов, и 62 специальности аспирантуры.

На 1 ноября 1935 г. ЛИИ насчитывал уже 9 905 студентов, 940 профессоров и преподавателей, 216 аспирантов²⁸. Это был самый крупный технический вуз страны.

Однако эксперименты первой половины 1930-х гг. не прошли для института бесследно. В 1935 г. Государственный инспектор по высшему техническому образованию Н.И. Подвойский направил И.В. Сталину специальную записку о состоянии материально-технической базы Ленинградского индустриального института²⁹. Составленный на основе доклада ректора института и специального обследования документ рисует печальную картину разрушительных итогов бездумного реформирования высшей технической школы: «На 440 групп студентов институт располагает всего 200 аудиториями, многие из которых переделаны из бывших нормальных аудиторий — тесны, неудобны и не отвечают элементарным педагогическим и санитарным требованиям. <...> Начиная с 1902 года — после открытия бывш<его> Политехнического Института, в течение 33 лет не было построено ни одного здания для лабораторий. После же 1930 года хотя и были заложены лабораторный корпус машиностроительных специальностей, высоковольтный корпус и понижающая электростанция, хотя на постройку их истрачено несколько миллионов рублей, дальнейшая стройка их из-за отсутствия средств почти законсервирована»³⁰.

Об уровне материальной базы института свидетельствует и то, что вуз, имевший собственный гидротехнический факультет, не располагал современной канализационной системой и снабжался водой из колодцев.

В докладной записке Н.И. Подвойского наркому С. Орджоникидзе были приведены печальные примеры недостаточности лабораторной базы института: «Студентов обучают на морально и физически изношенных машинах, станках, аппаратах и приборах, так как основное оборудование лабораторий не подвергалось сколько-нибудь существенному обновлению на современной технической базе. Снаб-

²⁶ Архив СПбПУ. Ф. 3121. Приказы по личному составу. 1934. Т. 1. Л. 343.

²⁷ Там же. Л. 325–327.

²⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 146. Оп. 1. Д. 213. Л. 10.

²⁹ Там же. Л. 10–16.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 213. Л. 12а — 14.

жение лабораторий материалами случайно. Средства на проведение научно-исследовательской работы отпускаются по госбюджету ничтожно мало»; многих необходимых лабораторий (химическое, бумажное, текстильное и пр. машиностроение, механика летательных аппаратов, сверхвысотные давления, физика газового разряда и др.) просто нет из-за отсутствия помещений и оборудования. Как сообщал Н.И. Подвойский, «из 59 лабораторий и 64 кабинетов института многие находятся в самых ненормальных условиях. Как, например, лаборатория измерительной техники расположена в б<ывшей> уборной, лаборатория кожевенных машин, лаборатория транспортных устройств и лаборатория деревообделочных станков ютятся в подвалах, где раньше помещалось отопительное и вентиляционное устройство. Лаборатория механической технологии, даже при скудном станочном парке — располагает на один станок площадью 8,5 кв. м, при средней заводской норме в 12 м»³¹.

Не лучше обстояло дело и с оборудованием лабораторий, большая часть которого была закуплена при открытии Политехнического института (а изготовлена еще раньше) и в середине 1930-х гг. представляла собой лишь музейную ценность. Как заметил Н.И. Подвойский, «лаборатория тепловых двигателей имеет, в основном, то же самое оборудование, на котором нач<альник> института по учебной части и теперешний ее заведующий проф<ессор> Гиттис работал, будучи студентом 30 лет назад»³². Заметим, что в подобном положении находились и другие крупнейшие технические вузы страны.

Помимо характерного для советского общества 1930-х гг. дефицита всего и вся, на оснащенность вузовских лабораторий влияло и недостаточное бюджетное финансирование. Так, в 1934—1935 уч. г. на закупку нового оборудования для всех лабораторий Ленинградского индустриального института было отпущено всего 500 тыс. руб. Между тем, по расчетам руководства самого института, для того чтобы произвести реконструкцию лабораторно-технической базы и удовлетворить элементарные санитарно-бытовые нужды студентов и профессуры, требовалось около пяти лет и 120 млн руб. Эти планы так и остались на бумаге. Реконструкция института была проведена уже в послевоенные годы.

Можно ли в столь суровых условиях (особенно с учетом идеологической и политической атмосферы сталинской эпохи) говорить о сохранении каких-либо возможностей для академической инициативы?

Директорам института (а их в 1934—1940 гг. сменилось пятеро), которые несли полную ответственность перед государством за все — от приема и обучения студентов до их культурно-бытового обслуживания, приходилось искать политической поддержки в Москве, апеллировать к чиновникам высокого ранга, чтобы отстоять, прежде всего, многопрофильный характер вуза и большое количество его кафедр.

Инициатива создания узкоспециализированных кафедр (в 1934 г. их насчитывалось 97, а в 1940 г. — 88), ориентированных на отдельные отрасли промышленности («Станки по обработке металлов и дерева», «Ковочно-штамповочное производство», «Текстильные машины», «Кожевенные и обувные машины» и т. д.), исходила от факультетов института.

Другим проявлением академической инициативы можно считать успешную работу по унификации учебных планов, программ, подготовке базовых учебников

³¹ Там же. Л. 3.

³² Там же. Л. 4.

по большинству вузовских дисциплин. Только в 1938 г. в ЛИИ был подготовлен 21 учебник и 58 конспектов лекций (всего в СССР в 1938 г. было издано 450 базовых учебников)³³. Многие из них впоследствии неоднократно переиздавались, составив золотой фонд советской учебной литературы по техническим специальностям.

Наконец, определенное развитие во второй половине 1930-х гг. получают прикладные научные исследования, выполнявшиеся политехниками по договорам с промышленными предприятиями и наркоматами. Например, в 1936 г. группа сотрудников лаборатории металлургии чугуна Металлургического факультета под руководством академика М.А. Павлова провела исследование больших доменных печей на крупнейших металлургических заводах страны — Магнитогорском, Макеевском, Кузнецком. В результате были разработаны проекты новых сверхмощных доменных печей и улучшены технико-экономические показатели работы существующих печей. Общий объем работ в денежном выражении составил около 250 тыс. руб.³⁴ В том же году лаборатория гидравлических машин Энергомашиностроительного факультета под руководством профессора И.Н. Вознесенского реализовала ряд научных разработок по заказам промышленности (различные типы насосов и турбин) на 400 тыс. руб. Очень важные работы по геодезии в Арктике были выполнены лабораторией радиофизики по заказу Академии наук СССР и Главного Управления Северного морского пути³⁵.

Но в целом приходится признать, что межвоенные десятилетия представляли собой сужающуюся «воронку возможностей», связанных с практическим применением академических знаний для развития технологий, индустрии и новых социальных практик, а попытки политехнического сообщества пересечь академические границы и включиться в институциональные инновации за пределами университетской системы носили эпизодический характер.

Заключение

Изначально основание Санкт-Петербургского политехнического института было напрямую связано с форсированной индустриализацией России рубежа XIX—XX вв., укладываясь в логику индустриального прагматизма. Поэтому столь важным оказалось эффективное сочетание фундаментального физико-технического и экономического образования, внедрение производственной практики для студентов, приглашение в качестве преподавателей известных практиков, имевших опыт работы в промышленности. Структура отделений института соответствовала тогдашнему пониманию «точек индустриального роста», а профессорская корпорация ППИ отличалась высокой инициативностью в продвижении новых направлений образовательной и научной деятельности.

Политика большевиков в области технического образования в первые послевоенные десятилетия отличалась сочетанием крайнего утопизма с крайней прагматичностью. В годы первой пятилетки (1928—1932) выбор был сделан в пользу самых радикальных шагов. Началась бесконечная череда экспериментов, провалов

³³ Советская наука. 1939. № 6. С. 122.

³⁴ Архив СПбПУ. Ф. 3121. Приказы по личному составу. 1937. Т. 1. Л. 132—134.

³⁵ Там же. Л. 135—138.

и их выправления. Идея развития высшего технического образования на основе узкоспециализированных институтов привела в 1930 г. к разделению Ленинградского политехнического института на несколько отраслевых учебных заведений. Их короткая история ярко иллюстрирует одно из основных противоречий сталинской модели модернизации между амбициозностью индустриальных проектов и недостаточностью их ресурсного обеспечения.

Задачи «большого скачка» требовали более эффективных управленческих решений, и в 1934 г. Ленинградский политехнический институт восстанавливают из «осколков» с подчинением его Народному комиссариату тяжелой промышленности. Новая организационная структура института в значительной степени отражала задачи этого ведомства и была ориентирована на определенные отрасли промышленного производства. Безусловным приоритетом научной и образовательной деятельности преподавателей института стало обслуживание практических нужд промышленности.

Источники

- Архив СПбПУ. Ф. 3121. Приказы по личному составу. 1934. Т. 1; 1937. Т. 1.
Воздухоплавание. 1909. № 2.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 4. 575 с.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 5. 446 с.
Новое время. 1907. 8 (20) октября. № 11341.
Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 4. Д. 661; Ф. 420. Оп. 1. Д. 26.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 3. Д. 837; Оп. 4. Д. 755; Ф. 25. Оп. 5. Д. 14.
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 146. Оп. 1. Д. 213.
Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 3. Д. 3913.
Санкт-Петербургские ведомости. 1909. 29 сентября (12 октября). № 217.
Санкт-Петербургский политехнический институт в 1899–1902 гг.: сборник документов / Под ред. Ю.С. Васильева, С.Б. Ульяновой. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. 94 с.
Санкт-Петербургский Политехнический Институт Императора Петра Великого. 1902–1952. Юбилейный сборник / Под ред. А.А. Стаховича, Е.А. Вечорина. Париж, 1952. 130 с.
Санкт-Петербургский Политехнический Институт. Сборник № 2. Париж, Нью-Йорк: Изд. Объединения С.-Петербургских политехников, 1958. 215 с.
Собрание законов СССР. 1936 г. № 34. Ст. 308.
Советская наука. 1939. № 6.
Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 3121. Оп. 4. Д. 389; Оп. 11. Д. 1.
Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 40. Оп. 1. Д. 21; Ф. 478. Оп. 14. Д. 216.

Литература

Аитов Н.А. Высшее техническое образование в условиях НТР. М.: Высшая школа, 1983. 256 с.

Ащеулова Н.А., Сорокин А.Н. Представляем исследовательский проект «Человеческое измерение трансформационных процессов в российских университетах: исторический опыт. тенденции и ответы на вызовы современности» (Москва / Санкт-Петербург / Томск / Тюмень) // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 4. С. 69–75.

Балакин В.С. Власть, общество и советская наука: трудный путь от диктата к диалогу (1917–1991 гг.) // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 91–100.

Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки (1917–1922 гг.). М.: Наука, 1973. 294 с.

Беляев Е.А. Организация научных исследований в университетах (на материалах СССР и США) // Организация научной деятельности. М.: Наука, 1968. С. 72–106.

Боровков А.И., Бурдаков С.Ф., Клявин О.И., Мельникова М.П., Пальмов В.А., Силина Е.Н. Современное инженерное образование: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. 80 с.

Бурковская М.А., Клемина Л.И. Программа развития современного общества «Индустрия 4.0» и актуальные требования к компетенциям выпускников технических вузов // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Педагогика. 2018. № 2. С. 8–15.

Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. / Под ред. Г. Кинелева. М.: НИИВО, 1995. 342 с.

Грэхэм Л.Р. Очерки истории российской и советской науки. М.: Янус-К, 1998. 310 с.

Гусарова М.Н. Исторический опыт формирования инженерно-технической интеллигенции в отечественной высшей школе в 30–40-е гг. XX в. // Власть. 2010. № 4. С. 169–173.

Ендовицкий Д.А., Бубнов Ю.А., Гайдар К.М. Современное состояние автономии российских университетов (взгляд со стороны ректорского корпуса) // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 11. С. 21–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-11-21-32.

Журавовский В.М., Барышникова М.Ю., Воров А.Б. Модернизация инженерного образования: Российские традиции и современные инновации // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 87–93.

Ивановский Б.Г. Экономические и социальные проблемы высшего образования в странах Запада // Экономические и социальные проблемы России. 2018. № 2 (38). С. 107–132.

Макаренко Е.И. Высшая техническая школа России в период перехода к рыночной экономике и новому типу общественно-политических отношений, 1991–2001 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 196 с.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1997. 269 с.

Параил В.А. Инженерно-техническое образование в США. М.: Высшая школа, 1969. 247 с.

Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И., Киселева К.Н. Инженерное образование: мировой опыт подготовки интеллектуальной элиты. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. 216 с.

Смык А.Ф. Исторический опыт реформирования инженерного образования в России // Вопросы истории естествознания и техники. 2015. Т. 36. № 3. С. 537–558.

Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М.: Высшая школа, 1988. 256 с.

Ahlström G. Higher Technical Education and the Engineering Profession in France and Germany during the 19th Century // *Economy and History*. 1978. Vol. 21. No. 2. P. 51–88.

Alston P.L. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford: Stanford University Press, 1969. 322 p.

Pettersson L. Engineer Training in Sweden during the Postwar Period in the Context of Technical and Structural Change // *Scandinavian Economic History Review*. 1985. Vol. 33. No. 2. P. 108–121.

Segeholm C. Evaluation Systems and the Pace of Change — The Example of Swedish Higher Education // *Educational Philosophy and Theory*. 2020. Vol. 52. No. 6: Time and Educational (Re)forms. P. 613–624. DOI: 10.1080/00131857.2019.1654372.

Wadhwan D., Galvez-Behar G., Mercelis J., Guagnini A. Academic Entrepreneurship and Institutional Change in Historical Perspective // *Management & Organizational History*. 2017. Vol. 12. No. 3. P. 175–198. DOI: 10.1080/17449359.2017.1359903.

Industrial Pragmatism in the Reform of Higher Education in Russia at the End of the XIX — First Third of the XX Century: Historical Experience of the St. Petersburg — Leningrad Polytechnic Institute

SVETLANA B. ULYANOVA

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia;
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic university,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: oulianova@mail.spbstu.ru

IVAN V. ALADYSHKIN

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic university,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: i-bez@yandex.ru

ELENA A. BESEDINA

Saint Petersburg State university,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: besedina70@mail.ru

The paper deals with the history of one of the leading universities in Russia, St. Petersburg Polytechnic University in the pre-revolutionary and early Soviet period. The conceptual framework of the study covers a broad interpretation of the concept of “industrial pragmatism”.

In the first third of the twentieth century the industrial pragmatism determined areas of scientific researches, educational programs, the policy of the universities, their internal structures, etc.

Initially, the foundation of the St. Petersburg Polytechnic Institute was directly connected with the forced industrialization of Russia at the turn of the XIX–XX centuries. Therefore, it was so important to effectively combine fundamental physical and technical and economic education, introduce practical training for students, and invite well-known practitioners who had experience in industry as teachers. The new principles of engineering training were successfully complemented by various academic initiatives.

The policy of the Bolsheviks in the field of technical education in the first post-revolutionary decades was characterised by a combination of extreme utopianism and extreme pragmatism. The utilitarian approach to the development of higher education is closely related to the beginning of the forced Soviet industrial project during the first five-year plans (1928–1937). In 1930, Leningrad Polytechnic Institute was divided into several industrial institutes subordinated to various people’s commissariats (agencies). They were classified by industry branches, financed by industry agencies, and focused on educational activities. Almost all fundamental and applied research went to academic and industrial research institutes. This, together with the most substantial shock that they had experienced during the ill-considered reform of 1930–1932, severely undermined their material base.

Despite the declared large-scale program, all parties interested in the reform — representatives of the state, industry, and higher education — had to admit that it was not possible to solve complex problems related to scientific and educational support of industrialisation head-on. Since 1934, the failure of the ‘big leap’ in higher education forced the Bolsheviks to revise the principles of training engineers. Industrial pragmatism demanded a return to the traditional methods and principles of higher education organization.

Keywords: history of Russia, scientific and technical policy, higher education, polytechnic institutes, St. Petersburg Polytechnic University, structure, industrial pragmatism, scientific and industrial relations.

Acknowledgment

The research was prepared at the Russian State University for the Humanities and was carried out with support of the State assignment on the topic “State management of scientific research in the USSR: historical experience and modern assessments”, FSZG-2023-0011, registration no. 1023031000045-1-6.1.1.

References

Aitov, N. (1983). *Vyssheye tekhnicheskoye obrazovaniye v usloviyakh NTR* [Higher technical education in the conditions of scientific breakthroughs], Moskva: Vysshaya shkola (in Russian).

- Ahlström, G. (1978). Higher Technical Education and the Engineering Profession in France and Germany during the 19th Century, *Economy and History*, 21 (2), 51–88.
- Arkhiv SPbPU (1934) [Archive of SPbPU], f. 3121, t. 1 (in Russian).
- Arkhiv SPbPU (1937) [Archive of SPbPU], f. 3121, t. 7 (in Russian).
- Ashcheulova, N.A., Sorokin, A.N. (2020). Predstavlyayem issledovatel'skiy proyekt "Chelovecheskoye izmereniye transformatsionnykh protsessov v rossiyskikh universitetakh: istoricheskiy opyt, predlozheniya i otvety na vyzovy sovremennosti" (Moskva / Sankt-Peterburg / Tomsk / Tyumen') [We present the research project "The Human Dimension of Transformation Processes in Russian Universities: Historical Experience. proposals and responses to the challenges of our time" (Moscow / St. Petersburg / Tomsk / Tyumen)], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 11 (4), 69–75 (in Russian).
- Balakin, V.S. (2017) Vlast', obshchestvo i sovetskaya nauka: trudnyy put' ot diktata k dialogu (1917–1991 gg.) [Power, society and Soviet science: the difficult path from diktat to dialogue (1917–1991)], *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, no. 3 (56), 91–100 (in Russian).
- Bastrakova, M. (1973). Stanovleniye sovetskoj sistemy organizatsii nauki (1917–1922 gg.) [Establishment of the Soviet system of science organisation (1917–1922)], Moskva: Nauka (in Russian).
- Belyaev, E. (1968). Organizatsiya nauchnykh issledovaniy v universitetakh (na materialakh SSSR i SShA) [Organisation of scientific research in universities (based on the materials of the USSR and USA)], in *Organizatsiya nauchnoy deyatel'nosti* [Organisation of scientific activity] (pp. 72–106), Moskva: Nauka (in Russian).
- Borovkov, A., Burdakov, S., Klyavin, O., Melnikova, M., Palmov, V., Silina, E. (2012). *Sovremennoye inzhenernoye obrazovaniye* [Modern engineering education: training manual], S.-Peterburg: Izd-vo Politekh. un-ta (in Russian).
- Burkovskaya, M.A., Klenina, L.I. (2018). Programma razvitiya sovremennogo obshchestva "Industriya 4.0" i aktual'nyye trebovaniya k kompetentsiyam vypusknikov tekhnicheskikh vuzov [The program for the development of modern society "Industry 4.0" and current requirements for the competencies of graduates of technical universities], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Pedagogika*, no. 2, 8–15 (in Russian).
- Chanbarisov, Sh. (1988). *Formirovaniye sovetskoj universitetskoy sistemy* [Formation of the Soviet university system], Moskva: Vysshaya Shkola (in Russian).
- Graham, L. (1998). *Ocherki istorii rossiyskoj i sovetskoj nauki* [Science in Russia and the Soviet Union: A short history], Moskva: Yanus-K (in Russian).
- Gusarova, M. (2010). *Istoricheskiy opyt formirovaniya inzhenerno-tekhnicheskoy intelligentsii v otechestvennoy vysshey shkole v 30–40-ye gg. XX v.* [Historical experience of formation of engineering intelligentsia in the national higher school in the 30s–40s, XX century], *Vlast'*, no. 4, 169–173 (in Russian).
- Ivanovskiy, B. (2018). Ekonomicheskiye i sotsial'nyye problemy vysshego obrazovaniya v stranakh Zapada [Economic and social problems of higher education in the countries of the West], *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye problemy Rossii*, no. 2 (38), 107–132 (in Russian).
- Kinelev, G. (Ed.) (1995). *Vyssheye obrazovaniye v Rossii: Ocherk istorii do 1917 g.* [Higher education in Russia: Essay on the history until 1917], Moskva: NIIVO (in Russian).
- KPSS (1984) v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezdov, konferentsiy i plenumov [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee], Moskva: Politizdat, t. 4 (in Russian).
- KPSS (1984) v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezdov, konferentsiy i plenumov [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee], Moskva: Politizdat, t. 5 (in Russian).
- Makarenko, E. (2001). *Vysshaya tekhnicheskaya shkola Rossii v period perekhoda k rynochnoy ekonomike i novomu tipu obshchestvenno-politicheskikh otnosheniy, 1991–2001 gg.* [Higher technical school in Russia in the period of transition to a market economy and a new type of socio-political relations, 1991–2001], PhD thesis in history, Moskva (in Russian).

- Novoye vremya* (1907), October 8, no. 11 341 (in Russian).
- Osokina, Ye.A. (1997). *Za fasadom "stalinskogo izobil'ya": Raspredeleniye i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of "Stalin's abundance": Distribution and the market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941], Moskva: ROSSPEN (in Russian).
- Parail, B. (1969). *Inzhenerno-tekhnicheskoye obrazovaniye v SShA* [Engineering education in the USA], Moskva: Vysshaya shkola (in Russian).
- Pettersson, L. (1985). Engineer Training in Sweden during the Postwar Period in the Context of Technical and Structural Change, *Scandinavian Economic History Review*, 33 (2), 108–121.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota (RGA VMF) [Russian State Archive of the Navy], f. 417, op. 4, d. 661; f. 420, op. 1, d. 26 (in Russian).
- Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive], f. 1276, op. 3, d. 837; op. 4, d. 755; f. 25, op. 5, d. 14 (in Russian).
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 146, op. 1, d. 213 (in Russian).
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of Economics], f. 3429, op. 3, d. 3913 (in Russian).
- Rudskoy, A., Borovkov, A., Romanov, P., Kiseleva, K. (2017). *Inzhenernoye obrazovaniye: mirovoy opyt podgotovki intellektual'noy elity* [Engineering education: world experience in training intellectual elite], S.-Peterburg: Izd-vo Polytekhn. un-ta [in Russian].
- Sankt-Peterburgskiy vedomosti* (1909), September 29, no. 217 (in Russian).
- Sankt-Peterburgskiy* (2012) *politekhnikheskiy institut v 1899–1902 gg.: sbornik dokumentov* [St. Petersburg Polytechnic Institute in 1899–1902: a collection of documents], S.-Peterburg: Izd-vo Politekh. un-ta (in Russian).
- Sankt-Peterburgskiy* (1952) *Politekhnikheskiy Institut Imperatora Petra Velikogo. 1902–1952. Yubileynyy sbornik* [St. Petersburg Polytechnic Institute of Emperor Peter the Great. 1902–1952. Anniversary collection], Paris (in Russian).
- Sankt-Peterburgskiy* (1958) *Politekhnikheskiy Institut. Sbornik № 2*. [St. Petersburg Polytechnic Institute. Collection No. 2], Paris, New York (in Russian).
- Segerholm, C. (2020). Evaluation Systems and the Pace of Change — The Example of Swedish Higher Education, *Educational Philosophy and Theory*, 52 (6), 613–624.
- Smyk, A.F. (2015). Istoricheskiy opyt reformirovaniya inzhenernogo obrazovaniya v Rossii [Historical experience of reforming engineering education in Russia], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, 36 (3), 537–558 (in Russian).
- Sobraniye zakonov SSSR* (1936) [Collection of laws of the USSR], no. 34 (in Russian).
- Sovetskaya nauka* (1939), no. 6 (in Russian).
- Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TSGA SPb) [Central State Archive of St. Petersburg], f. 3121, op. 4, d. 389; op. 11, d. 1 (in Russian).
- Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TSGAIPD SPb) [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. 40, op. 1, d. 21 (in Russian).
- Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga (TSGIA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg], f. 478, op. 14, d. 216 (in Russian).
- Vozdukhoplavaniye* (1909), no. 2 (in Russian).
- Wadhwan, D., Galvez-Behar, G., Mercelis, J., Guagnini, A. (2017). Academic Entrepreneurship and Institutional Change in Historical Perspective, *Management & Organizational History*, 12 (3), 175–198. DOI: 10.1080/17449359.2017.1359903.
- Yendovitskiy, D.A., Bubnov, Yu.A., Gaydar, K.M. (2020). Sovremennoye sostoyaniye avtonomii rossiyskikh universitetov (vzglyad so storony rektorskogo korpusa) [The current state of the autonomy of Russian universities (a view from the rector's corps)], *Vysheye obrazovaniye v Rossii*, 29 (11), 21–32. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-11-21-32 (in Russian).

Zhurakovskiy, V.M., Baryshnikova, M.Yu., Vorov, A.B. (2017). Modernizatsiya inzhenerenogo obrazovaniya: Rossiyskiye traditsii i sovremennyye innovatsii [Modernization of engineering education: Russian traditions and modern innovations], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 416, 87–93 (in Russian).

ВАЛЕРИЯ ВИКТОРОВНА СЛИСКОВА

аспирант исторического факультета, аналитик
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: vvaleriesss@gmail.com

«Недополучение препаратов поставит институт в безвыходное положение»: материально-экономическое обеспечение Государственного центрального бактериологического института в 1920-е годы

УДК: 93/94.57+614

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-77-92

В статье рассматривается история одного из главных научно-практических центров Народного комиссариата здравоохранения РСФСР (Наркомздрава) — Государственного центрального бактериологического института (ГЦБИ). Созданный в 1891 г. в качестве частного химико-бактериологического кабинета доктора Ф.М. Блюменталья, он сначала трансформировался в полноценный институт, разрабатывавший широкий спектр тем в области бактериологии и эпидемиологии, а затем — в 1919 г. — был национализирован и включен в систему Наркомздрава. В 1918—1920-х гг. ГЦБИ выполнял большую часть заказов комиссариата на производство вакцин и сывороток для снабжения ими медицинских учреждений. Однако несмотря на центральное место, отведенное ему в формировавшейся системе здравоохранения, на протяжении длительного времени институт был вынужден самостоятельно обеспечивать сотрудников жалованием, материалами и оборудованием. Этот аспект истории учреждения реконструируется автором на основе документов ГЦБИ, Наркомздрава и других организаций, выявленных в Государственном архиве Российской Федерации и Архиве Российской академии наук.

Ключевые слова: здравоохранение, 1920-е гг., Наркомздрав, Государственный центральный бактериологический институт, Центральный институт эпидемиологии и микробиологии.

Благодарность

Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете при поддержке Государственного задания на тему «Государственное

© Слискова В.В., 2023

управление научными исследованиями в СССР: исторический опыт и современные оценки», FSZG-2023-0011, регистрационный № 1023031000045-1-6.1.1.

В 1918 г. для формировавшейся советской системы здравоохранения одной из наиболее острых проблем являлась тяжелая эпидемиологическая обстановка, сложившаяся в результате военно-политического и социально-экономического кризиса середины — второй половины десятилетия. Глобальный масштаб распространения на территории страны заболеваний, таких как дизентерия, тиф, холера и др., требовал от государственной власти принятия комплекса мер, направленных на их лечение и профилактику¹. Для реализации мероприятий по борьбе с эпидемиями было необходимо наличие сети учреждений, занимавшихся изучением вопросов бактериологии, микробиологии, эпидемиологии и сывороточно-вакцинного дела. Так, в системе Народного комиссариата здравоохранения РСФСР (далее — НКЗ, Наркомздрав), образованного в 1918 г., был учрежден ряд научно-исследовательских и научно-практических институтов и сывороточно-вакцинных станций². Однако наряду с новыми учреждениями в состав НКЗ были включены «старые» институты, обладавшие обширным опытом и материально-технической базой³. Одним из таких институтов стал Частный химико-бактериологический институт доктора Ф.М. Блюменталь в Москве, получивший после национализации название Государственного центрального бактериологического института (далее — ГЦБИ). Ввиду того что основными направлениями деятельности ГЦБИ были аналитическая работа и приготовление вакцин и сывороток, институт стал одним из главных научно-практических центров страны, снабжавших население столь необходимыми бактериальными препаратами. В контексте отведенной ГЦБИ роли в борьбе с эпидемической угрозой интерес представляет изучение таких аспектов его истории, как финансирование затрат на производство вакцин и сывороток, кадровое и материальное обеспечение института. Эти сюжеты из истории учреждения реконструируются на основе анализа делопроизводственных документов ГЦБИ, НКЗ, Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (далее — РКИ) и общих собраний представителей научных институтов, сохранившихся в Государственном архиве Российской Федерации и Архиве Российской академии наук.

Институт начал свою работу в 1891 г. в качестве небольшой диагностической лаборатории, расположившейся в помещении аптеки Келлера на Мясницкой ули-

¹ Васильев Г.К. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М.: Медицина, 2001. С. 58, 90; Миронова Н.А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2020. С. 37, 43.

² Например, в 1918 г. с целью разработки вопросов бактериологии и эпидемиологии и обеспечения контроля качества производимых бактериальных препаратов был учрежден Государственный институт народного здравоохранения (ГИНЗ), в состав которого также вошли ряд новообразованных институтов.

³ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1538. Оп. 3. Д. 65. Отчет о деятельности научных учреждений Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ) за первые годы советской власти. 1925 г.

це⁴: «28 лет назад врачом Ф.М. Блюменталем⁵ был открыт в Москве первый химико-бактериологический (аналитический) кабинет, который постепенно благодаря научно-практической эрудиции и энергии основателя <...> превратился в большой институт»⁶. Со временем в его структуре были выделены бактериологическое, урологическое, гематологическое, химико-техническое отделения. Кроме того, при институте были открыты курсы для врачей и Городское дифтерийное бюро, «сконцентрировавшее в свое время большой материал и опыт в области санитарной бактериологии»⁷. Таким образом, с первых лет работы в задачи учреждения входило выполнение бактериологических и химических анализов, приготовление питательных сред, растворов и реактивов, а также — обучение земских врачей методикам химико-бактериологических и клинических исследований⁸.

В 1904 г. к числу отделений института добавилось новое — сывороточно-вакцинное, в котором сначала производились «предохранительные вакцины, а затем — с 1908 г. — лечебные и аутовакцины (гонококковая, стафилококковая, стрептококковая и др.)»⁹. В дальнейшем были открыты патологоанатомическое отделение с музеем и контрольной станцией для апробации вакцин и сывороток, отделения агрономической бактериологии и изготовления питательных сред, конюшня для иммунизации лошадей и телятник для изготовления оспенной лимфы. Как отмечал заведующий сывороточно-вакцинным отделением Ю.А. Финкельштейн¹⁰, в течение короткого времени производство препаратов стало массовым, и институт начал снабжать ими «значительную часть Земской России и Сибири»¹¹. Наибольшего размаха, по замечанию сотрудников, деятельность учреждения достигла в годы Первой мировой войны (далее — ПМВ) — преимущественно с 1914 по 1916 г.: «...война <...> затормозила работу некоторых отделов <...> но весьма способствовала практическому развитию сывороточно-вакцинного отдела, который был милитаризован и снабжен большими заказами для Военного ведомства»¹². В сборнике, посвященном обзору работы института, опубликованном в 1929 г., о количестве произведенных в

⁴ Беляев Е.Н., Подунова Л.Г., Коростелев И.Б. Истоки санитарного дела в России // Здоровье населения и среда обитания (ЗНиСО). 2007. № 8 (173). С. 9; Вся Москва. Адресная и справочная книга [по годам]. М., 1891. С. 630.

⁵ Блюменталь Ф.М. (1859–1927) — бактериолог, эпидемиолог, основатель Частного химико-бактериологического института в Москве.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-482. Оп. 4. Д. 27. Л. 228. Докладная записка Ю.А. Финкельштейна, заведующего бактериологическим отделением бывшего Института Блюменталья. 1919 г.

⁷ Там же. Л. 228–228 об.

⁸ Там же. Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2057. Л. 103–103 об. Доклад о деятельности ГЦБИ НКЗ.

⁹ Там же. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 27. Л. 228 об.

¹⁰ Финкельштейн Юлий Абрамович (1876–1937) — врач, серолог, с 1908 г. заведовал сывороточно-вакцинным отделением Частного химико-бактериологического института доктора Ф.М. Блюменталья, в 1920-х гг. возглавлял работу Химико-бактериологического института Мосгорздрава, в 1920–1930-х гг. заведовал кафедрой экспериментальной венерологии в Венерологическом институте им. В.М. Броннера.

¹¹ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 27. Л. 228 об.

¹² Там же. Л. 229–229 об.

период ПМВ препаратов и анализов были приведены следующие данные (см. таблицу 1)¹³:

Табл. 1

Table 1

Выпущено	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Вакцин	157 л	147 л	8 172 л	9 623 л
Сывороток	2 007 л	2 046 л	2 575 л	2 712 л
Анализ	29 449	28 457	26 685	33 813

Источник: Работа Государственного Центрального Бактериологического Института за 1926–1927 — 1927–1928 гг. М., 1929.

Менее плодотворным для института с точки зрения производства препаратов и аналитических исследований стал 1917 г., отмеченный снижением производительности ввиду нарушения процессов снабжения. Однако несмотря на тяжелые условия, подготовка вакцин и сывороток продолжилась в указанный и последовавшие годы (см. таблицу 2)¹⁴:

Табл. 2

Table 1

Выпущено	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Вакцин	1 683 л	2 094 л	2 566 л	1 959 л	2 325 л
Сывороток	1 994 л	1 025 л	329 л	568 л	120 л
Анализ	31 113	28 716	—	—	—

Источник: Работа Государственного Центрального Бактериологического Института за 1926–1927 — 1927–1928 гг. М., 1929.

По оценкам Ю.А. Финкельштейна, общее количество выполненной сотрудниками ГЦБИ работы к 1918 г. равнялось следующим цифрам: «...произведенных анализов — около 450 000, <...> полученных сывороток — около 28 000 л, составивших около 5 000 000 лечебных доз, <...> вакцин, как предохранительных, так и лечебных, — несколько десятков тысяч литров»¹⁵. Таким образом, институт представлял собой учреждение, обладавшее ценным опытом и значительным количеством накопленных материалов, которые могли быть рационально использованы для решения эпидемического вопроса.

Деятельность ГЦБИ оказалась востребована в условиях обострившейся эпидемиологической обстановки, которая сложилась во второй половине 1910-х гг., и уже в 1917 г. в институт начали поступать заказы на снабжение государственных учреждений «бактерийными препаратами»: «...в конце 1917 г. институт почти всю свою продукцию сдавал госучреждениям и из них же снабжался фуражом, мясом,

¹³ Работа Государственного Центрального Бактериологического Института за 1926–1927 — 1927–1928 гг. М., 1929. С. 3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 27. Л. 229–230.

пептоном, агаром, стеклом и пр[очими] материалами»¹⁶. В первой половине 1919 г. было принято решение о национализации института и передаче его в ведение Санитарно-эпидемиологической секции Наркомздрава РСФСР¹⁷ под новым названием — Государственный центральный бактериологический институт № 2¹⁸. На должность директора института был назначен Я.В. Левин¹⁹, возглавлявший ранее работу отдела изготовления питательных сред. С этого момента в задачи ГЦБИ входили: 1) приготовление «бактерийных препаратов», в первую очередь — удовлетворение требований Наркомздрава и Главного военно-санитарного управления РККА (Военсанупр), 2) диагностическая (производство анализов), 3) педагогическая и 4) научная работа²⁰. Несмотря на то что параллельно в системе НКЗ действовал Государственный бактериологический институт № 1²¹, место главного учреждения страны, обслуживавшего нужды государства в борьбе с эпидемическими заболеваниями, занял ГЦБИ.

Наиболее приоритетным направлением в первые годы функционирования института в системе НКЗ (1919–1921) оставалось изготовление вакцин и сывороток для снабжения учреждений, заявки от которых поступали через комиссариат. Так, осенью 1918 г. в ГЦБИ поступили заказы на приготовление 10 л противохолерной вакцины для Отдела здравоохранения Московского губернского совдепа, 300 л тифозной вакцины²² и 80 тысяч прививочных доз оспенного детрита²³ для учреждений Наркомздрава²⁴. Кроме того, заказы на производство и приобретение препаратов направлялись в институт не только из столичных, но и из местных отделов здравоохранения. Например, в 1918 г. заказ на получение сывороток и вакцин поступил из Рязани: «Санитарно-эпидемическая секция [НКЗ] просит Вас об отпуске Отделу здравоохранения Рязанского Совдепа: 200 фл<аконов> дизентерийной сыворотки, 1 000 фл<аконов> противотифозной вакцины, 1 000 фл<аконов> дифтерийной вакцины по 1 000 единиц. Заказ выслать Рязанскому Совдепу наложенным

¹⁶ Работа Государственного Центрального Бактериологического Института... С. 3.

¹⁷ ГА РФ. Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2057. Л. 96. Положение и задачи ГЦБИ.

¹⁸ В делопроизводственной документации с одинаковой частотой упоминаются названия: Государственный центральный бактериологический институт, Центральный бактериологический институт, Второй государственный бактериологический институт, Бактериологический институт и др.

¹⁹ Левин Яков Владимирович (1879–1937) — бактериолог, с 1908 г. заведовал отделом изготовления питательных средств бывшего Частного химико-бактериологический института доктора Ф.М. Блюменталю, в 1920-х гг. занимал должности директора Государственного центрального бактериологического института № 2 и заведующего Судебно-медицинской лабораторией НКЗ, организованной при институте.

²⁰ ГА РФ. Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2057. Л. 96. Положение ГЦБИ НКЗ.

²¹ Государственный бактериологический институт № 1 НКЗ, в 1919 г. располагался в здании № 28 в Трубниковском переулке и работал под руководством Е.И. Марциновского. См.: ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 221. Л. 1. Список показательных учреждений НКЗ.

²² Цена 1 л тифозной вакцины равнялась 150 руб., весь заказ был оценен на сумму в 45 000 руб.

²³ Стоимость одной прививочной дозы «в крупной разливке» равнялась 15 коп., прививочная доза «в капиллярах» — 18 коп.

²⁴ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 2. Д. 27. Л. 28–29, 31. Заказы на выдачу препаратов.

платежом»²⁵. В 1919–1921 гг. заявки на вакцины и сыворотки поступали регулярно и выполнялись институтом по мере возможностей, ограниченных условиями военно-политического и экономического кризиса.

Непрерывное производство препаратов требовало от системы здравоохранения комплексного финансирования, покрывавшего закупку химических препаратов, оборудования и лабораторных животных для ГЦБИ. В 1918 г. руководство института регулярно обращалось в Наркомздрав с запросами на получение материалов, необходимых для производства вакцин и сывороток: «Правление института сообщает, что до сего дня (5 сентября. — *Прим. авт.*) институтом не получено нужного количества агара, пептона и, главным образом, поваренной соли. Недополучение вышеуказанных препаратов поставит институт в безвыходное положение по приготовлению холерной вакцины, так как вышеназванные запасы исчерпаны»²⁶. Ввиду особой потребности в производимых институтом препаратах со стороны Наркомздрава, в первую очередь — Санитарно-эпидемиологической секции, предпринимались дальнейшие меры по снабжению его запрашиваемыми компонентами: «НКЗ просит [отпускать] Бактериологическому институту д<окто>ра Блюменталю²⁷ ежемесячно 2 ведра формалинового спирта и 4 ведра денатурата по пониженной расценке, так как упомянутое количество нужно институту для выполнения заказов комиссариата на вакцины и сыворотки»²⁸. В ряде случаев руководство ГЦБИ напрямую направляло запросы в госучреждения: «...правление института, изготовляющего лечебные сыворотки и предохранительные вакцины по заказу НКЗ и Военно-санитарного управления, обращается в Продовольственный комитет с покорнейшей просьбой сделать зависящие распоряжения об отпуске ему в срочном порядке 200 пудов сена, крайне необходимого для <...> лошадей, иммунизируемых для получения лечебных сывороток <...> фураж для которых совершенно иссяк. Кроме того, правление просит отпустить <...> жмыховых для коров и телят, употребляемых для получения оспенного детрита»²⁹. Однако несмотря на предпринятые меры производство сывороток и вакцин институтом оставалось на более низком уровне, чем в период до 1917 г. Нарушенная система снабжения представляла для ГЦБИ и системы здравоохранения один из наиболее острых вопросов, требовавших незамедлительного решения: «...трудности приготовления препаратов в эти годы зависели, главным образом, от крайне недостаточного материального снабжения, от отсутствия фуража, стекла, агара, химических препаратов»³⁰. Таким образом, после национализации актуальной для института стала задача восстановления материально-технической базы, пришедшей в запущенное состояние во второй половине 1910-х гг.

²⁵ Там же. Л. 24. Копия письма НКЗ в Бактериологический институт д-ра Блюменталю. 26 сентября 1918 г.

²⁶ Там же. Л. 1. Письмо Правления института в Наркомздрав. 5 сентября 1918 г.

²⁷ Название института до национализации.

²⁸ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 2. Д. 27. Л. 22. Письмо НКЗ в Московский акцизный комиссариат. 21 сентября 1918 г.

²⁹ Там же. Л. 38. Письмо ГЦБИ в Московский городской продовольственный комитет. 11 октября 1918 г.

³⁰ Работа Государственного Центрального Бактериологического Института... С. 4.

Наравне с получением материалов, необходимых для изготовления сывороток и вакцин, другим вопросом, требовавшим незамедлительного решения, было восстановление здания института, «не ремонтировавшегося с 1913 г., но и до этого не носившего лабораторного характера»³¹. В первую очередь в ремонте нуждались основные отделения ГЦБИ, которые занимали помещения в доме № 3 в Фуркасовском переулке, однако ухода также требовали конюшни, располагавшиеся на Петровско-Разумовском проезде³², в которых содержались лабораторные животные института³³. По замечанию сотрудников ГЦБИ, на массовом производстве вакцин, токсинов и питательных средств негативно сказывалось нерациональное использование помещений ввиду обветшания здания, недостатка топлива и поломки водопроводных и канализационных коммуникаций: «...вся эта работа, а также вся стерилизация вместе с стерилизационным оборудованием и термостатной комнатой помещались в полутемном подвальном помещении, которое периодически, при каждой порче канализации, таянии снега или сильном ливне заливалось водой»³⁴. Вода в здании не подавалась даже на первый этаж, полностью пришло в негодность голландское отопление, водопроводные трубы полопались ввиду нехватки топлива. Также отмечалось значительное повреждение конюшен: «...крыши пришли в ветхость, денники для лошадей осели, питомника для мелких животных не было, не было также и помещения для приготовления оспенного детрита»³⁵, не было водопровода и электрического освещения»³⁶. Для выполнения задач по обустройству помещений ГЦБИ требовалось значительное финансирование со стороны комиссариата, в ведение которого он был отнесен в 1919 г. Однако в условиях экономического кризиса, сопровождавшегося инфляцией и товарным дефицитом³⁷, выделяемые НКЗ суммы не покрывали всех расходов по изготовлению препаратов и проведению ремонтных работ в институте.

В документах о движении денежных средств ГЦБИ за период с 20 июня по 1 декабря 1919 г., представленных в фонде Наркомздрава (№ А-482) в Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГАРФ), приведены следующие сведения.

³¹ Там же.

³² Рядом с Петровским парком.

³³ Вся Москва. Адресная и справочная книга [по годам]. М., 1923. С. 59.

³⁴ Работа Государственного Центрального Бактериологического Института... С. 4.

³⁵ Оспенный детрит — препарат для предохранительного оспопрививания.

³⁶ Работа Государственного Центрального Бактериологического Института... С. 4–5.

³⁷ Об экономической ситуации в период 1918–1921 гг. см.: *Балюкин К.С.* К вопросу об экономической политике большевиков в период «военного коммунизма» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 9. С. 41–45.

Табл. 3. Приход денежных средств ГЦБИ с 20 июня по 1 декабря 1919 г. (в руб.)

Table 3. The Institute's revenue over the period from June 20 to December 1 1919 (in rubles)

	Анализы и препараты	Сыворотки	НКЗ	Производство сыворотки	Прочее ³⁸	Всего
Июнь	22 512	9 380,25	—	—	10 154,26	42 046,51
Июль	62 242,50	29 172,75	—	—	6 398,62	97 813,87
По журналу ³⁹	—	—	—	—	465 097,30	465 097,30
Август	52 937	20 970	—	—	25 572,89	99 479,89
По журналу	—	—	—	—	272 108,95	272 108,95
Сентябрь	62 293	19 841	500 000	—	10 086,43	592 220,43
Октябрь	56 679	25 416,25	300 000	—	4 136,16	386 231,41
Ноябрь	42 880	21 056,50	100 000	1 220	39 576,88	204 733,38
По журналу	—	—	—	—	973,80	973,80
Итого	299 543,50	125 836,75	900 000	1 220	834 104,49	2 160 705,54

Источник: ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 27. Л. 260–260 об.

Одними из наиболее крупных источников дохода денежных средств в указанный период действительно являлись бюджетные поступления через НКЗ, производство анализов, вакцин и сывороток — в общей сложности 1,326 млн руб., что составило более половины от общей суммы. Значительную часть бюджета ГЦБИ составляли прочие доходы, посчитанные в совокупности.

Табл. 4. Расход денежных средств ГЦБИ с 20 июня по 1 декабря 1919 г. (руб.)

Table 4. The Institute's expenditure over the period from June 20 to December 1 1919 (in rubles)

	Жалованье	Производство сывороток	Текущий ремонт	Содержание конюшни	Содержание помещений	Прочее ⁴⁰	Всего
Июнь	580	500	—	—	—	31 714,35	32 794,35
Июль	259	52	15	2 060,39	750	64 530,85	67 667,24
По журналу	194 837,50	—	—	—	—	269 809,80	465 097,30
Август	—	886	—	3 800,96	15 000	104 516,77	124 203,73
По журналу	272 108,95	—	—	—	—	—	272 108,95
Сентябрь	—	787,59	134,20	5 849,65	2 700	109 893,87	119 365,31
Октябрь	—	16 900,60	140	67 061,70	57 983	37 494,71	179 580,01
Ноябрь	647 544,14	12 028	1 865	39 269,16	1 500	31 722,73	733 929,03
По журналу	—	—	200	—	—	773,80	973,80
Итого	1 115 779,59	31 154,19	2 354,20	118 041,86	77 933	650 456,88	1 995 719,72

Источник: ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 27. Л. 260–260 об.

³⁸ В категорию «прочее» были отнесены поступления, записанные в категории: агрономическое отделение, общие (торговые) расходы, дебиторы, движимое имущество, жалованье, текущие счета, подотчет лица.

³⁹ Данные, относящиеся к пункту «по журналу», были позднее вписаны от руки в таблицу о движении средств ГЦБИ.

⁴⁰ В категорию «прочее» были отнесены расходы, записанные в категории: общие и текущие расходы, движимое имущество, дебиторы, аренда и др.

Среди основных расходов за тот же период были указаны выплаты жалования сотрудникам, производство сывороток (сырье и оборудование) и траты на ремонт и содержание помещений института, в том числе — конюшен, составившие в общей сложности 1,345 млн руб. В общем соотношении в первые полгода после национализации бюджет ГЦБИ превышал совокупное количество расходов, однако такая ситуация оказалась возможна при условии использования отделами института некоторых химических препаратов и оборудования, сохранившихся с довоенного периода, что позволило уменьшить расходы в 1919 г. Так, например, ГЦБИ имел возможность выпускать дифтерийную сыворотку благодаря большим запасам долго сохранявшегося сырья⁴¹. Следует отметить, что во второй половине 1920-х гг. для производства достаточного количества вакцин и сывороток руководству и сотрудникам также приходилось прибегать к подобной практике, учитывая потенциальный дефицит материалов: «...институт вынужден для облегчения бесперебойной работы и выполнения срочных заданий всегда иметь у себя минимально полугодовой запас материалов»⁴².

Смета ГЦБИ на 1920 г. была составлена с учетом выполнения таких видов работы, как ежемесячное приготовление 300 л вакцины, «иммунизирование» 50 лошадей для получения дифтерийной сыворотки, приготовление оспенного детрита и диагностических сывороток, а также — необходимого количества лабораторных животных, «подлежавших приобретению»⁴³. Планируемые расходы классифицировались по двум основным категориям: 1) содержание персонала согласно прилагаемым штатам и 2) хозяйственно-оперативные траты. Первая категория включала оплату жалования 52 сотрудникам ГЦБИ за 12 месяцев в 1920 г. в размере 1,658 млн руб.⁴⁴ Категория «хозяйственно-оперативные траты» была расписана более подробно и в общей сложности включала 23 пункта, которые, в свою очередь, также были детализированы и сопровождались приложениями с указанием цен⁴⁵. Общая сумма планируемых хозяйственных расходов составила 18,587 млн руб.⁴⁶ Основное место в этой категории было отведено на оплату мелкого и капитального ремонта помещений института, починку водопровода и канализации, закупку топлива для основного здания и конюшен с лабораторными животными (14 пунктов). Кроме того, сюда же были отнесены траты на приобретение инвентаря и лабораторной посуды, сырья для приготовления сывороток и вакцин, покупку животных и фуража и лекарств для них. Таким образом, обеспечение ГЦБИ соответствующими условиями и средствами производства требовало финансирования в размере 17,458 млн руб. Часть из этих средств было предложено восполнить за счет выполнения институтом клинических исследований «частным образом»: деньги на произведенные в 1920–1921 гг.

⁴¹ Работа Государственного Центрального Бактериологического Института... С. 4.

⁴² Там же. С. 94.

⁴³ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 27. Л. 12. Приложение к смете ГЦБИ № 2.

⁴⁴ Там же. Л. 13. Приложение к смете ГЦБИ № 2.

⁴⁵ Например, в приложении к смете подробно были расписаны цены на фураж для лошадей с расчетом дневной нормы на каждую особь и с указанием стоимости продуктов — овса, сена, соломы, корнеплодов — по актуальным ценам.

⁴⁶ Там же. Л. 11. Смета на содержание ГЦБИ № 2 на 1920 г.

капитальные ремонтно-строительные работы были извлечены из спецсредств института⁴⁷.

Статья «спецсредства» обозначала поступившие в бюджет института деньги в результате выполнения заказов на производство анализов и отпуск препаратов за наличный расчет (не по заявкам НКЗ)⁴⁸. После национализации разрешение на этот вид деятельности было предоставлено Наркомздравом директору института Я.В. Левину. Этот факт был выявлен Отделом охраны труда и народного здоровья (далее — отдел) Рабоче-крестьянской инспекции (далее — РКИ) в ходе ревизионного обследования ГЦБИ в сентябре 1920 г. «Оказалось, что институт, имевший своей основной задачей при национализации исключительно заготовление сывороток и вакцин для Центрального склада⁴⁹, отпускал и отпускает по рецептам врачей за наличный расчет препараты отдельным лицам»⁵⁰. В докладной записке, направленной в Наркомздрав, отдел РКИ высказал критику относительно решения комиссариата о предоставленном ГЦБИ разрешении. «Заведующему институтом доктору Левину было разрешено производить в стенах института частные анализы, чего допускать ни в каком случае не следовало, чтобы не могло бы быть места невольным сомнениям в отношении сохранности казенного материала [бывшего] в употреблении при этих анализах»⁵¹. В условиях дефицита финансирования и отсутствия условий, необходимых для производства препаратов, запрет на получение спецсредств от выполнения частных заказов в значительной мере сказывался на производительности: «...снабжение института <...> для научных нужд и производства и снабжение лечебно-профилактической сети РСФСР — платно и по [бесплатным] нарядам НКЗ <...> выполнялось всегда с большим напряжением»⁵². В то же время в ходе ревизии РКИ были выявлены нарушения в хранении оборудования и антисанитарные условия содержания конюшен: «...отдел признает необходимой немедленную ликвидацию в качестве частной лаборатории квартиры заведующей хозяйством <...> Иванович⁵³, в каковой квартире находились <...> микроскоп, 100 штук центрифуг, спектроскоп и проч<ее>. Отдел нашел в антисанитарном состоянии конюшни <...> коковые следует незамедлительно привести в санитарное состояние и необходимо <...> увеличить штат конюхов»⁵⁴. Однако, несмотря на требование РКИ, спецсредства, поступавшие от выполнения сторонних заказов, составляли важную часть бюджета ГЦБИ и в начале 1920-х гг. В опубликованном обзоре о работе института отмечалось, что ремонтные работы были выполнены именно благодаря спецсредствам⁵⁵. Так, в 1920—1922 гг. в основном здании и конюшнях были переоборудованы лабораторные помещения, приведена в порядок водопроводная и канализационная сеть и

⁴⁷ Работа Государственного Центрального Бактериологического Института... С. 7.

⁴⁸ Заказы поступали не только от частных лиц, но и от городских учреждений.

⁴⁹ Имеется в виду центральный склад препаратов при Наркомздраве РСФСР.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 27. Л. 337. Докладная записка Отдела охраны труда и народного здоровья НК РКИ. Копия.

⁵¹ Там же.

⁵² Работа Государственного Центрального Бактериологического Института... С. 94.

⁵³ Иванович З. — заведующая хозяйственной частью ГЦБИ.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 27. Л. 377.

⁵⁵ Работа Государственного Центрального Бактериологического Института... С. 7.

электрическая проводка, установлено центральное отопление, перекрыты крыши, отремонтировано старое и закуплено новое оборудование, причем вся работа была произведена без прекращения текущей (основной) деятельности⁵⁶.

Со своей стороны, отделом РКИ были предложены меры по улучшению положения рабочих и служащих посредством включения ГЦБИ в ударную группу предприятий. Однако на практике предложение не было реализовано: в 1922 г. председателю Сыворотно-вакцинной комиссии Л.А. Тарасевичу было направлено письмо от руководства института, в котором сообщалось, что никакого обеспечения сотрудники так и не получили: «...никто из нас пайка до сих пор не получает <...> о врачах нашего института, видимо, теперь и забыли»⁵⁷. Также в 1922 г. оставался актуальным вопрос расширения штатов ГЦБИ и оплаты жалования научным работникам, количество которых было немногочисленно ввиду ограниченных финансовых возможностей: «...вследствие крайне ничтожных ассигнований по госбюджету и необходимости затрачивать спецсредства института как на восстановление его, так и на удовлетворение требований НКЗ по бесплатному отпуску [препаратов], штаты института все эти годы были крайне малочисленны»⁵⁸. Отметим, что эпидемическая угроза в ряде регионов страны сохранялась в период 1920-х гг., и деятельность института имела важное значение для здравоохранения⁵⁹. В связи с большим количеством заказов на производство анализов и препаратов ГЦБИ начал выделять из спецсредств суммы на выплату жалования научным работникам, дефицит которых остро ощущался. Так, например, уже в 1923–1924 бюджетном году из спецсредств была оплачена работа девяти сотрудников; в дальнейшем их число возрастало, и в 1927–1928 бюджетном году из спецсредств было выплачено жалование 39 сотрудникам, в то время как на госбюжете состояли только 32⁶⁰. Общее количество штатных и сверхштатных — не оплачиваемых из госбюджета — единиц увеличилось с 48 в 1923 г.⁶¹ до 71 в 1927 г.⁶² и 85 в 1928 г.⁶³ Кроме того, частично спецсредства расходовались на доплаты к заработной плате штатных сотрудников⁶⁴.

⁵⁶ Там же. С. 5–7.

⁵⁷ АРАН. Ф. 1538. Оп. 3. Д. 55. Л. 1. Письмо заведующего ГЦБИ с просьбой помочь в деле обеспечения врачей института продовольственными пайками.

⁵⁸ Работа Государственного Центрального Бактериологического Института... С. 9.

⁵⁹ См.: АРАН. Ф. 1538. Оп. 5. Д. 34. Статистические данные о заболевании сыпным и возвратным тифом, холерой, оспой и другими инфекционными болезнями в СССР за 1920–1922 гг.; Там же. Оп. 3. Д. 82. Краткий отчет о работе сывороточной комиссии НКЗ с 1923 и 1925 г.

⁶⁰ Отметим, что в 1927–1928 бюджетном году, по сведениям НКЗ, ГЦБИ было поставлено 32% от общего оборота препаратов — см.: ГА РФ. Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2057. Л. 115–118. Сравнительная таблица отпуска по плановой разверстке НКЗ (бесплатно) за 1926–1927 и 1927–1928 бюджетные гг.

⁶¹ Работа Государственного Центрального Бактериологического Института... С. 9.

⁶² Там же.

⁶³ ГА РФ. Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2057. Л. 86. Предполагаемые штаты ГЦБИ НКЗ на 1928–1929 бюджетный год.

⁶⁴ Например: Там же. Л. 92. Смета ГЦБИ на 1926–1927 (бюджетный) год. В документе указаны фактические доходы по статье «спецсредства», распределенные на предстоящий

В докладе о работе ГЦБИ, представленном среди материалов повторной проверки РКИ 1929 г., руководство института снова акцентировало внимание на недостаточности государственного финансирования и зависимости учреждения от спецсредств: «...недостаточные госбюджетные ассигнования, не покрывающие даже стоимости (по пониженным ценам) препаратов, отпускаемых бесплатно по нарядам НКЗ <...> таким образом, институт чрезмерно находится в зависимости от спецсредств»⁶⁵. Распределение денежных средств в бюджете ГЦБИ иллюстрирует приложенный к материалам проверки финансовый отчет за 1924–1927 гг.:

Табл. 5. Финансовый отчет ГЦБИ за 1924, 1925, 1926, 1927 гг.

Table 5. The Institute's statement of revenue and expenditure for 1924, 1925, 1926, and 1927

	От НКЗ по госбюджету			По спецсредствам		
	На зарплату	На расходы	Всего:	На зарплату	На расходы	Всего
с 1 января 1924 г. по 1 января 1925 г.						
Получено	23 378,84 руб.	11 124,43 руб.	34 503,27 руб.	—	—	111 256,88 руб.
Израсходовано	23 378,84 руб.	11 124,31 руб.	34 503,27 руб.	21 095,16 руб.	77 875,17 руб.	98 970,33 руб.
с 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г.						
Получено	31 850,19 руб.	5 098,17 руб.	36 948,36 руб.	—	—	152 504 руб.
Израсходовано	31 850,19 руб.	5 098,17 руб.	36 948,36 руб.	22 550 руб.	107 816 руб.	130 366 руб.
с 1 января 1926 г. по 1 января 1927 г.						
Получено	26 091,18 руб.	4 762,75 руб.	30 853,93 руб.	—	—	138 617,60 руб.
Израсходовано	26 091,18 руб.	4 762,75 руб.	30 853,93 руб.	39 321,71 руб.	92 556,66 руб.	131 878,37 руб.

Источник: ГА РФ. Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2057. Л. 94.

В ответ на доклад руководства ГЦБИ со стороны Наркомздрава было предложено увеличить объем финансирования, сохранив при этом за институтом право получения спецсредств: «...отмечая некоторое увеличение госбюджетных ассигнований институту по смете <...> признать необходимым дальнейшее увеличение этих ассигнований с тем, чтобы в бюджете института его спецсредства не играли подавляющей роли и были бы использованы институтом по их прямому назначению»⁶⁶. Вместе с тем было предложено увеличить количество бесплатных заказов по нарядам НКЗ для снабжения препаратами «слабых экономически и пораженных эпидемиями» районов страны, армии и флота и принять меры к удешевлению производства препаратов с одновременным улучшением их качества⁶⁷. Для обеспечения непрерывности работы предполагалось «усилить» штат научных работников ГЦБИ. Однако положение, при котором доходы от выполнения частных заказов

бюджетный год по пунктам «оплата сверхштатного персонала» и «доплата штатному персоналу».

⁶⁵ Там же. Л. 117. Тезисы к докладу о деятельности ГЦБИ за 1927–1928 (бюджетный) год.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2057. Л. 107. Проект резолюции Коллегии Наркомздрава по докладу ГЦБИ. Копия документа была направлена в Социально-культурную инспекцию РКИ, проводившую проверку в 1929 г.

⁶⁷ Там же. Л. 108–109.

значительно превышали бюджетные ассигнования, а штат сотрудников оставался недостаточным для производства запрашиваемого количества препаратов, сохранялось до конца 1930 г.

В результате проведенной Культурно-социальной инспекцией РКИ проверки в 1929 г. были проанализированы направления деятельности бактериологического института и вынесены к обсуждению наиболее актуальные вопросы. Так, на общем совещании представителей РКИ и институтов смежного с ГЦБИ профиля, состоявшемся в апреле 1930 г., инспекцией был выдвинут проект о форматировании сети научных институтов посредством их слияния⁶⁸. Объединение нескольких институтов, занимавшихся научно-исследовательской и практической работой в сфере бактериологии, микробиологии, эпидемиологии и производства бактериальных препаратов⁶⁹, позволило бы ликвидировать параллельные структуры в системе НКЗ и увеличить объем государственного финансирования и количество штатных единиц для единого центра. Первоначально предлагалось объединить ГЦБИ с Центральным оспенным институтом, однако этот проект был признан участниками совещания и представителями НКЗ нерациональным⁷⁰. Итогом длительных обсуждений стало принятие решения о присоединении к ГЦБИ, как главному бактериологическому институту страны, других институтов, деятельность которых была признана недостаточной для самостоятельных учреждений. В 1931 г. к нему были присоединены Микробиологический институт и эпидемиологическое и дезинфекционное отделения Санитарно-гигиенического института, функционировавшего в 1920-х гг. в составе Государственного института народного здравоохранения (ГИНЗ) Наркомздрава РСФСР⁷¹. Так был образован Центральный институт эпидемиологии и микробиологии (ЦИЭМ)⁷², продолживший свою работу в 1930-х гг. в обновленном составе и новом статусе, позволившем улучшить условия для научно-исследовательской и практической работы и расширить спектр его деятельности.

Таким образом, ГЦБИ, являвшийся на протяжении 1917–1930 гг. одним из наиболее значимых для здравоохранения институтов, был вынужден практически самостоятельно обеспечивать собственные расходы на производство столь необходимых для страны препаратов. Приступив в 1917 г. к бесплатному снабжению вакцинами и сыворотками медицинских и научных учреждений Наркомздрава и Военсанупра, он в течение нескольких лет опирался преимущественно на материально-техническую

⁶⁸ Там же. Л. 119–120 об.; Там же. Д. 2058. Л. 64. Докладная записка наркому здравоохранения. Копия документа была направлена в Культурно-социальную инспекцию НК РКИ.

⁶⁹ Так, например, ГЦБИ сотрудничал с Институтом экспериментальной терапии и контроля сывороток и вакцин им. Л.А. Тарасевича (бывш. Контрольного института сывороток и вакцин), и одним из первых был предложен проект их слияния в единый институт. См.: ГА РФ. Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2058. Л. 114–119. Протокол общего собрания сотрудников Института экспериментальной терапии и контроля сывороток и вакцин им. Л.А. Тарасевича совместно с комиссией РКИ. 1930 г.

⁷⁰ Там же. Д. 2058. Л. 64 об. — 65.

⁷¹ В 1930 г. ГИНЗ, состоявший из нескольких научно-исследовательских институтов, был расформирован и ликвидирован как объединяющая структура.

⁷² Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД). Ф. 84. Центральный институт эпидемиологии и микробиологии. В период с 1931 по 1938 г. научным руководителем ЦИЭМ был микробиолог и эпидемиолог Н.Ф. Гамалея.

базу, сформированную в довоенный период. Кроме того, улучшение социально-экономической ситуации в начале 1920-х гг. не привело к полноценному переходу ГЦБИ на государственное обеспечение, и институт продолжил выполнение частных заказов для пополнения бюджетных средств, из которых оплачивалась работа сотрудников, ремонтно-строительные работы, закупка сырья для производства препаратов. Такое положение было изменено только в 1930 г. в результате принятия решения о создании нового центрального института на базе ГЦБИ.

Источники

Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1538. Оп. 3. Д. 55. Письмо заведующего Государственным центральным бактериологическим институтом с просьбой помочь в деле обеспечения врачей института продовольственными пайками.

АРАН. Ф. 1538. Оп. 3. Д. 65. Отчет о деятельности научных учреждений Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ) за первые годы советской власти. 1925 г.

АРАН. Ф. 1538. Оп. 3. Д. 82. Краткий отчет о работе сывороточной комиссии НКЗ с 1923 и 1925 г.

АРАН. Ф. 1538. Оп. 5. Д. 34. Статистические данные о заболевании сыпным и возвратным тифом, холерой, оспой и другими инфекционными болезнями в СССР за 1920–1922 гг.

Вся Москва. Адресная и справочная книга [по годам]. М., 1891. 345 с.

Вся Москва. Адресная и справочная книга [по годам]. М., 1923. 480 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2057. Информационные материалы о создании и деятельности Государственного института народного здравоохранения. Ч. 1.

ГА РФ. Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2058. Информационные материалы о создании и деятельности Государственного института народного здравоохранения. Ч. 2.

ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 221. Списки учреждений, подведомственных Наркомздраву.

ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 27. Штаты Государственного центрального бактериологического института № 2 (бывшего Блюменталь), сметы на содержание института, переписка с институтом о выполнении и отпуске заказов на тифозную вакцину, сыворотку и другие медицинские препараты, с отделами Наркомздрави об отпуске ассигновок, сведения о приходе и расходе денежных сумм.

Работа Государственного Центрального Бактериологического Института за 1926–1927 – 1927–1928 гг. М., 1929. 111 с.

Литература

Балюкин К.С. К вопросу об экономической политике большевиков в период «военного коммунизма» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 9. С. 41–45.

Беляев Е.Н., Подунова Л.Г., Коростелев И.Б. Истоки санитарного дела в России // Здоровье населения и среда обитания (ЗНиСО). 2007. № 8 (173). С. 7–11.

Васильев Г.К. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М.: Медицина, 2001. 256 с.

Миронова Н.А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2020. 320 с.

“Lack of Materials Puts the Institute in a Stalemate Situation”: Economic and Equipment Support for the State Central Institute of Bacteriology in the 1920s

VALERIYA V. SLISOVA

Russian State University for the Humanities;
Moscow, Russia;
e-mail: vvaleriesss@gmail.com

The article deals with the history of the State Central Institute of Bacteriology (Russian abbreviation is GCBI) which was one of the main institutions of the People's Commissariat of Public Health Care (Russian abbreviation is NKZ) in Soviet Russia. The institute was founded as a private laboratory for chemical and bacteriological analysis by doctor F.M. Blumental' in 1891 in Moscow, and later, it was transformed into Private Institute of Chemical and Bacteriological Studies. In 1919, the institute was nationalized by Soviet government and included in the system of the People's Commissariat of Public Health Care. Since 1918, the State Central Institute fulfilled a lot of commissariat's orders for vaccines and serums that would be distributed among hospitals and medical institutions. However, despite the institute's position in the Soviet public health care system, it had to provide all the facilities itself for a long time. Based on the materials stored in the Archive of Russian Academy of Sciences and in the State Archive of the Russian Federation, the author discusses the aspect related to the arrangement of the institute's facilities during 1919–1930.

Keywords: public health service, 1920s, People's Commissariat of Public Health Care, State Central Institute of Bacteriology, Central State Institute of Epidemiology and Microbiology.

Acknowledgment

The research was prepared at the Russian State University for the Humanities and was carried out with support of the State assignment on the topic “State management of scientific research in the USSR: historical experience and modern assessments”, FSZG-2023-0011, registration no. 1023031000045-1-6.1.1.

References

Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk (ARAN), f. 1538, op. 3, d. 55: *Pis'mo zaveduyushchego Gosudarstvennym tsentral'nym bakteriologicheskim institutom s pros'boy pomoch v dele obespecheniya vrachey instituta prodovol'stvennymi paikami* [Letter of the director of the State Central Institute of Bacteriology with request for providing the doctors who worked in the Institute with food rations] (in Russian).

ARAN, f. 1538, op. 3, d. 65: *Otchet o deyatel'nosti nauchnykh uchrezhdeniy Narodnogo komissariata zdravookhraneniya (NKZ) za pervyye gody sovetской vlasti. 1925 g.* [Report on the work of scientific institutions of the People's Commissariat of Public Health Care over first years of Soviet regime, 1925] (in Russian).

ARAN, f. 1538, op. 3, d. 82: *Kratkiy otchet o rabote syvorotochnoy komissii NKZ s 1923 i 1925 g.* [Brief report on the work of the Serum Commission of the People's Commissariat of Public Health Care in 1923–1925] (in Russian).

ARAN, f. 1538, op. 5, d. 34: *Statisticheskiye dannyye o zabolevanii sypnym i vozvratnym tifom, kholeroy, ospoy i drugimi infektsionnymi bolezniami v SSSR za 1920–1922 gg.* [Statistics on typhus and relapsing fever, cholera, smallpox, and other infections in the USSR over the period from 1920 to 1922] (in Russian).

Baliukin, K.S. (2005). K voprosu ob ekonomicheskoy politike bol'shevnikov v period "voyennogo kommunizma" [On the question of the economic policy of the Bolsheviks during the period of War Communism], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*, 9, 41–45 (in Russian).

Beliaev, E.N., Podunova, L.G., Korostelev, I.B. (2007). Istoki sanitarnogo dela v Rossii [The origins of sanitation in Russia], *Zdorov'ye naseleniya i sreda obitaniya*, 8 (173), 7–11 (in Russian).

Vasil'ev G.K. (2001). *Istoriya epidemiy i bor'ba s nimi v Rossii v 20 stoletii* [The history and fight against epidemics in Russia in the 20th century], Moskva: Meditsina (in Russian).

Vsya (1891) *Moskva. Adresnaya i spravochnaya kniga [po godam]* [All Moscow. Address and reference book], Moskva (in Russian).

Vsya (1923) *Moskva. Adresnaya i spravochnaya kniga [po godam]* [All Moscow. Address and reference book], Moskva (in Russian).

Mironova, N.A. (2020). *Velikaya epidemiya: sypnoy tif v Rossii v pervyye gody sovetskoy vlasti* [The great epidemic: Typhus in Russia in the early years of Soviet Government], Moskva: Un-t Dmitriya Pozharskogo. Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF), f. A-406, op. 12, d. 2057: *Informatsionnyye materialy o sozdanii i deyatelnosti Gosudarstvennogo instituta narodnogo zdravookhraneniya, ch. 1* [Information materials on the establishment and work of the State Institute of Public Health Care, part 1] (in Russian).

GA RF, f. A-406, op. 12, d. 2058: *Informatsionnyye materialy o sozdanii i deyatelnosti Gosudarstvennogo instituta narodnogo zdravookhraneniya, ch. 2* [Information materials on the establishment and work of the State Institute of Public Health Care, part 2] (in Russian).

GA RF, f. A-482, op. 1, d. 221: *Spiski uchrezhdeniy, podvedomstvennykh Narkomzdravu* [List of the institutions of the People's Commissariat of Public Health Care] (in Russian).

GA RF, f. A-482, op. 4, d. 27: *Shtaty Gosudarstvennogo tsentral'nogo bakteriologicheskogo instituta № 2 (byvshego Bliumental'), smety na sodержaniye instituta, perepiska s institutom o vypolnenii i otpuske zakazov na tifoznuyu vaktsinu, syvorotku i drugiye meditsinskiye preparaty, s otdelami Narkomzdrava ob otpuske assignovok, svedeniya o prikhode i raskhode denezhnykh summ* [The staff of the State Central Institute of Bacteriology (former Blumenthal), its budget, and letters to the People's Commissariat of Public Health Care about serum, vaccine, and other medicines production and the Institute's revenue and expenditure] (in Russian).

Rabota (1929) *Gosudarstvennogo Tsentral'nogo Bakteriologicheskogo Instituta za 1926–1927 – 1927–1928 gg.* [Work of the State Central Institute of Bacteriology in 1926–1927 and 1927–1928], Moskva (in Russian).

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА СИНЕЛЬНИКОВА

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Научные общества в системе Академии наук СССР (1930–1950-е годы)

УДК: 94(47)+061.22

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-93-117

В статье показаны особенности положения научных обществ в системе АН СССР в 1930–1950-е гг. Автор особое внимание уделил рассмотрению процесса включения научных обществ в систему академических учреждений, анализу нормативно-правовых основ их деятельности и типовых уставов, а также рассмотрению основных результатов деятельности академических научных обществ в 1930–1950-е гг. Исследование основано на различных источниках, в первую очередь архивных материалах, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, Архиве Российской академии наук и его Санкт-Петербургском филиале, Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. В статье отмечается, что научные общества при АН СССР в 1930–1950-е гг. проводили плодотворную работу: регулярно устраивали заседания, а также семинары, конференции, конгрессы и научные чтения, проводили экспедиции, печатали монографии, сборники и журналы. Результаты их деятельности правомерно рассматривать как значительный вклад в развитие отечественной науки. Сделан вывод, что в целом взаимодействие структур Академии наук и научных обществ в 1930–1950-е гг. было вполне успешным, так как руководство Академии наук хорошо понимало формы и методы деятельности и особенности организации и функционирования научных обществ, поэтому не обременяло последние излишним регулированием и контролем. Академический статус позволял научным обществам успешно выполнять свои основные функции, а также укреплять и развивать свой авторитет в общественной и научной жизни страны.

Ключевые слова: научные общества, АН СССР, общественные организации, история науки, научная политика, наука и власть.

Благодарность

Исследование выполнено в Российском государственном гуманитарном университете при поддержке Государственного задания на тему «Государственное управление научными исследованиями в СССР: исторический опыт и современные оценки», FSZG-2023-0011, регистрационный № 1023031000045-1-6.1.1.

Введение

Научные общества являются одной из самых устойчивых институций в отечественной науке. Существенную роль в развитии их деятельности с момента создания первой такой организации в середине XVIII в. играло взаимодействие с Академией наук. Этому в значительной степени способствовало и то обстоятельство, что академики весьма часто возглавляли научные общества, а также входили в состав их руководящих органов.

Особым явлением во взаимоотношениях Академии наук и научных обществ было получение последними академического статуса. Однако такие случаи были единичными, а организационная связь с Академией таких обществ была весьма формальной, так как они продолжали оставаться в ведении соответствующих государственных органов власти и управления и получали от них ассигнования.

Тем не менее в середине 1930-х гг. положение изменилось, когда в систему АН СССР было передано четыре научных общества. Это потребовало от руководства Академии выработки для них специального типового устава, а также оперативного решения возникавших административных, финансовых и хозяйственных проблем. Последовательное увеличение числа научных обществ при Академии наук в последующие годы привело к необходимости дальнейшего регулирования их правового статуса и определения их места в системе организации академической науки.

Однако, к сожалению, несмотря на интерес исследователей к отдельным аспектам деятельности Академии наук СССР [Graham, 1967; Кольцов, 1988, 1997; Сулейманов, 2019; Метель, 2020; Долгова, 2022 и др.], в настоящий момент история существования научных обществ в академической системе остается практически неразработанной. В связи с этим представляется весьма актуальным изучение особенностей взаимодействия научных обществ со структурами АН СССР в 1930–1950-е гг. и проблем организации их деятельности в рамках академической системы.

Научные общества при Академии наук в 1920-е годы

До революции 1917 г. в систему Академии наук входило только одно научное общество — Русское ботаническое общество. Устав общества был утвержден министром просвещения графом П.Н. Игнатьевым 3 марта 1916 г.¹ В § 1 этого устава отмечалось, что Ботаническое общество учреждается при Императорской академии наук «в целях научного объединения русских ботаников», а в § 28 устава указано,

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 889. Оп. 1 (1915). Д. 2. Л. 33.

что в случае ликвидации организации ее имущество будет передано в Академию². В условиях мобилизации науки в годы Первой мировой войны и консолидации отечественного научного сообщества принадлежность к академической системе позволяла Русскому ботаническому обществу рассчитывать на быстрое решение организационных проблем и осуществление проектов, в том числе и издательских. Академический статус давал возможность обществу размещаться в Ботаническом музее Академии наук, куда также поступали все коллекции и материалы, полученные в результате проведенных обществом исследований³. Связь с Академией прослеживалась и на личностном уровне: почетным президентом общества был академик А.С. Фаминцын, а президентом являлся академик И.П. Бородин.

После революции 1917 г. Русское ботаническое общество продолжило свою деятельность в системе Академии наук, но ассигнования получало от Наркомпроса, в ведении которого состояло. Более того, Ботаническое общество было в феврале 1925 г. включено СНК РСФСР в «Список научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного Управления научных и научно-художественных учреждений Народного Комиссариата Просвещения РСФСР и состоящих на государственном бюджете»⁴ и получило статус «государственного».

В 1927 г. Русское ботаническое общество фактически перестало быть связано с Академией наук, так как в новом уставе АН СССР не было указания на возможность существования в ее составе научных обществ. Тем не менее официально общество получило самостоятельность только в начале 1933 г. и, в соответствии со своим новым уставом, стало именоваться Всероссийским ботаническим обществом.

Если создание профессионального научного объединения при Академии наук было изначально выбранной ботаниками стратегией, то для Российского палестинского общества в первые послереволюционные годы обретение академического статуса стало мерой спасения общества от ликвидации. Основанное в 1882 г. общество пользовалось покровительством Русской православной церкви и императорской семьи. Лишившись прежних источников финансирования и поддержки после революции 1917 г., Палестинское общество озабочилось вопросом легитимации своей деятельности и закреплением на правовом уровне взаимоотношений с Академией наук. В его новом уставе, зарегистрированном Отделом управления Петросовета 22 августа 1919 г.⁵, была отражена тесная организационная связь с Академией. Так, в § 23 устава указывалось, что в состав совета общества входит один представитель Российской академии наук «по назначению»⁶, а деятельность общества осуществляется на средства, отпускаемые Академией⁷.

² Там же. Л. 33, 35 об.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2556. Оп. 3. Д. 2. Л. 6.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1925. № 14. Ст. 95. С. 166–176.

⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 9. Д. 1. Л. 17 об.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 411. Л. 38 об.

⁷ Там же. Л. 16.

На личностном уровне Российское палестинское общество также было в тесном контакте с академическим сообществом: в 1918–1921 гг. его возглавлял В.В. Латышев, а затем до своей смерти в 1928 г. академик Ф.И. Успенский, в 1928–1932 гг. академик Н.Я. Марр; академики В.В. Бартольд, Н.И. Вавилов, В.И. Вернадский, С.А. Жебелев, П.К. Коковцов, Н.П. Лихачев, А.В. Никитский, С.Ф. Ольденбург, А.И. Соболевский, Б.А. Тураев, А.Е. Ферсман, А.А. Шахматов являлись членами общества.

Руководители Палестинского общества обращались в Академию в том числе и за разрешением проблем, возникающих во взаимоотношениях с советской властью. В частности, когда в июне 1921 г. после обыска и изъятия документов ЧК были опечатаны помещения общества⁸. Председатель Палестинского общества академик Ф.И. Успенский, опасаясь его возможного закрытия, в октябре 1921 г. направил устав организации в новой редакции в Академию наук, с приложением списков действительных членов и состава совета, а также объяснительной записки о деятельности Палестинского общества, с тем чтобы эти документы были переданы на регистрацию в Главнауку и НКВД⁹. Получив регистрационные документы, Главнаука просила Академию наук «дать заключение относительно Палестинского общества — желательно ли сохранение означенного учреждения при Академии в качестве состоящего при нем общества или комиссии, или же регистрация означенного общества как совершенно самостоятельного, а не входящего в состав учреждений академии наук»¹⁰. В результате было принято решение, что «общество должно быть зарегистрировано при новом уставе как совершенно самостоятельное», так как «исследования, касающиеся Палестины, входят в круг деятельности отделов Академии наук и Академии истории материальной культуры»¹¹. Начался процесс выведения общества из академической системы, а его новый устав, уже утвержденный Главнаукой, был направлен в НКВД в декабре 1922 г.¹² Рассмотрение вопроса заняло полгода, и в июне 1923 г. НКВД принял решение ликвидировать Российское палестинское общество¹³.

Однако в 1925 г. «по инициативе и настоянию» советского правительства деятельность Российского палестинского общества была восстановлена, но как самостоятельной организации. Дело в том, что СССР пытался отсудить земельные участки и имущество, принадлежавшие Палестинскому обществу до революции и находящиеся за границей. К сожалению, правительства государств, на территории которых располагалось спорное имущество, отказались признавать собственником Советскую Россию, а поскольку дипломатическим путем не удалось разрешить эту проблему, то существование общества могло стать аргументом в пользу признания прав СССР. НКВД утвердил новый устав общества 29 октября 1925 г.¹⁴, а Ленин-

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 28.

¹⁰ Там же. Л. 29.

¹¹ Там же. Л. 96.

¹² Там же. Л. 31.

¹³ ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 926. Л. 26.

¹⁴ Там же. Д. 953. Л. 2.

градское отделение Главнауки — 13 июля 1926 г.¹⁵ После возобновления деятельности и до середины 1930-х гг. общество вело достаточно активную научную работу, затем, вплоть до начала 1950-х гг., его деятельность была приостановлена.

Таким образом, в условиях системных трансформаций 1920-х гг. взаимодействие научных обществ с Академией наук приобретало большое значение. Для общественных организаций ученых Академия представлялась гарантом стабильности и безопасности в постоянно и стремительно меняющихся социально-политических и экономических реалиях послереволюционной России. Однако на протяжении 1920-х гг. в системе Академии наук только Русское ботаническое общество существовало на постоянной основе, а Российское палестинское общество недолго пребывало в статусе академического в начале 1920-х гг.

Тем не менее к середине 1930-х гг. при Академии наук уже не состояло ни одного научного общества, а в принятом в 1935 г. новом уставе Академии наук СССР не упоминалось о возможности существования в ее составе научных обществ.

Включение научных обществ в систему академических учреждений

В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г. Общее собрание АН СССР приняло в академическую систему ряд институтов и организаций, находившихся ранее в ведении ликвидированного Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР. В числе переданных организаций было четыре научных общества: Всесоюзное географическое общество, Всесоюзное химическое общество им. Д.И. Менделеева, Всесоюзное общество почвоведов, Всесоюзное астрономо-геодезическое общество¹⁶.

17 мая 1938 г. на заседании Президиума обсуждались вопросы включения научных обществ в структуру Академии. В первую очередь были приняты меры к финансовому обеспечению их деятельности. Руководящие органы переданных обществ должны были в десятидневный срок представить Управлению делами «свои финансовые планы и штатное расписание на 1938 г., а также сведения о выполнении финансового плана и фактическом состоянии штатов»¹⁷.

Следующей мерой по включению научных обществ в систему академических учреждений стало создание комиссии для подготовки постановления «о порядке приема переданных Академии наук обществ». Комиссию возглавил академик А.А. Борисяк, а в ее состав вошли академики А.Н. Бах, Н.И. Вавилов и др. В работе комиссии также принимали участие и представители заинтересованных научных обществ — В.С. Киселев, А.А. Азлецкий (оба — от Всесоюзного химического общества), Д.Г. Виленский (от Всесоюзного общества почвоведов), А.А. Михайлов (от Всесоюзного астрономо-геодезического общества). Согласно подготовленному комиссией постановлению, научные общества принимались в систему АН СССР со всем своим имуществом и сметными ассигнованиями. На время реорганизации для каждого из них создавался организационный комитет, который должен был подготовить проекты новых уставов, в которых были бы отражены условия взаимодей-

¹⁵ Там же. Д. 1012. Л. 1.

¹⁶ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 1-а (1938). Д. 40. Л. 3.

¹⁷ Там же.

ствия с Академией, и проработать с соответствующими академическими структурами вопросы издательства, договорных и иных работ, хозяйственных и штатных единиц обществ¹⁸.

Все общества вошли в состав Отделения математических и естественных наук Академии, кроме Всесоюзного географического общества, которое состояло непосредственно при Президиуме Академии наук. Однако в сентябре 1938 г. Общее собрание АН СССР утвердило изменение структуры отделений Академии, и теперь Всесоюзное общество почвоведов состояло при Отделении биологических наук, Всесоюзное анатомо-геодезическое общество при Отделении физико-математических наук, Всесоюзное химическое общество им. Д.И. Менделеева при Отделении химических наук, а Всесоюзное географическое общество было решено оставить при Президиуме Академии наук¹⁹.

Действительно, особого внимания Президиума Академии наук было удостоено Географическое общество, одно из старейших научных обществ в России. В ноябре 1938 г. Президиум АН СССР принял решение все существующие на территории СССР «разнообразные географические организации», коих было более десяти, объединить во Всесоюзное географическое общество на базе реорганизации существующего уже при Президиуме АН СССР общества²⁰. По мысли академиков, новое общество должно было стать «широкой всесоюзной организацией», а массовость в работе должна была быть обеспечена включением в состав членов, помимо «научных работников в области географии», «преподавателей географии в средних и высших школах, экспедиционных работников всех ведомств, экономистов и плановиков различных ведомств, работающих в области изучения производственных сил и их размещения»²¹. Кроме того, существенным изменением в устройстве нового Всесоюзного географического общества должен был стать перенос его Президиума из Ленинграда в Москву, для чего, помимо выработки нового устава и плана деятельности, также необходима была «вербовка членов в Москве»²². Для проведения подготовительной работы по реорганизации Географического общества был создан оргкомитет, в который вошли: академик В.Л. Комаров (председатель), академики Н.И. Вавилов и О.Ю. Шмидт (заместители председателя), академики А.Е. Ферсман, В.А. Обручев, Л.И. Прасолов; члены-корреспонденты Ю.М. Шокальский, Л.С. Берг, П.П. Ширшов, профессора А.П. Ильинский и А.А. Григорьев и др. По оценке академика В.Л. Комарова, «авторитетный состав оргкомитета свидетельствует о большой политической, научной и организационной важности этого вопроса»²³. Итогом этой работы стало утверждение Президиумом АН в июне 1939 г. проекта устава Всесоюзного географического общества, который был отправлен на рассмотрение СНК СССР²⁴.

¹⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1-а (1938). Д. 40. Л. 5.

¹⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 10. Д. 6. Л. 14–27.

²⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 16. Л. 48–49.

²¹ Там же. Оп. 1а-1938. Д. 43. Л. 26.

²² Там же.

²³ Так же. Л. 24 об.

²⁴ Там же. Оп. 6. Д. 18. Л. 156–157, 206–215.

Несмотря на некоторые трудности организационного характера, которые вызвала адаптация научных обществ в академической системе, они продолжали проводить свою обычную работу, которую необходимо было финансировать. Осенью 1938 г. из резервных фондов Президиума Академии наук СССР переданным в ее систему научным обществам были выделены «дотации» на текущий год: 13 тыс. руб. — Астрономо-геодезическому обществу, 30 тыс. руб. — Химическому обществу, а Географическому — 37 тыс. руб.²⁵ Эти средства предназначались для урегулирования организационно-административных проблем и выплат штатным сотрудникам. Ежегодно дотационные выплаты увеличивались, и на 1940 г. было выплачено, в частности, Всесоюзному химическому обществу 85 тыс. руб., Всесоюзному географическому обществу — 100 тыс. руб., Всесоюзному обществу почвоведов — 40 тыс. руб., Всесоюзному обществу фармакологов, физиологов, биохимиков — 35 тыс. руб., Всесоюзному астрономо-геодезическому обществу — 30 тыс. руб.²⁶

Первые итоги включения научных обществ в систему академических учреждений были подведены уже весной 1940 г. Президиум АН СССР поручил комиссии во главе с академиком В.Н. Образцовым ознакомиться с деятельностью и финансовым состоянием академических научных обществ²⁷. Комиссией были получены весьма интересные сведения, в частности относительно численности членов. Так, например, во Всесоюзное химическое общество им. Д.И. Менделеева входили 4 тыс. чел., причем из них 1 217 чел. вступили в общество в 1939 г.²⁸ В выводах комиссии, представленных В.Н. Образцовым на заседании Президиума АН СССР 20 мая 1940 г., говорилось, что общества «проводят большую и полезную работу пропаганды и расширения научной работы среди всего населения, вовлекая в нее преподавателей, студентов, рабочих и т. д.», и, «несомненно, заслуживают самой действенной поддержки Академии наук в их развитии»²⁹. Однако отмечались и недочеты, такие как «недостаточная объединительная работа в центральных органах самих обществ по отношению к их филиалам, недостаточность привлечения молодежи, недостаточная связь с местными партийными, культурными, профсоюзными и иными организациями, все еще не оформленные новые уставы»³⁰. Президиум АН СССР на основании выводов комиссии Образцова постановил:

- бюро отделений усилить руководство научными обществами, состоящими при них;
- управлениям и отделам аппарата Президиума АН СССР улучшить обслуживание научных обществ в отношении решения организационных, финансовых и других вопросов, связанных с их текущей работой;
- научным обществам АН СССР из госбюджета производить дотации с целевым назначением;
- Бюджетной комиссии Президиума АН СССР поручить рассмотреть вопрос о размере дотации научным обществам, состоящим при АН СССР;

²⁵ Там же. Л. 20.

²⁶ Там же. Оп. 1а-1940. Д. 2. Л. 9.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Там же. Л. 6.

³⁰ Там же. Л. 7—8.

- президиумам и оргкомитетам научных обществ предложить в двухдекадный срок представить на рассмотрение соответствующих отделений проекты уставов обществ;
- на академика В.Н. Образцова возложить предварительное рассмотрение всех вопросов, связанных с деятельностью академических научных обществ³¹.

По итогам первых лет существования научных обществ в академической системе правомерным представляется вывод, что, несмотря на отдельные сложности, им удалось не только сохранить основные направления своей работы, но и расширить масштабы деятельности. В Академии наук хорошо понимали формы и методы их деятельности и особенности организации и функционирования, что лишало взаимодействие академических структур и обществ излишней бюрократизации. Все это позволяло обществам успешно выполнять свои основные функции, а также укреплять и развивать свой авторитет в общественной и научной жизни страны, чему, несомненно, способствовал в том числе и их академический статус.

Правовое положение научных обществ при АН СССР в 1930–1950-е годы

Общества, которые были переданы в АН СССР в 1938 г., не были ранее организационно связаны с ней, поэтому встала проблема регулирования их взаимоотношений на правовой основе.

Вопросы регистрации и деятельности, а также контроль органов власти и управления над научными обществами на тот момент определялись «Положением о добровольных обществах и союзах»³² (далее Положение), утвержденным ВЦИК и СНК РСФСР 10 июля 1932 г. Согласно п. 14 Положения, уставы обществ, «задачи которых непосредственно связаны с деятельностью отдельных комиссариатов или приравненных к ним центральных учреждений», решались соответствующими наркоматами³³. Наблюдение и контроль за деятельностью обществ возлагались на орган, зарегистрировавший устав и осуществлявший обследования их работы и заслушивания их отчетов (п. 17)³⁴. Также общества были обязаны регулярно предоставлять отчеты о своей деятельности тому учреждению, которому принадлежит наблюдение и контроль (п. 19)³⁵.

Президиум Академии наук утверждал уставы академических научных обществ, а бюро отделений, при которых они состояли, осуществляли контрольные функции. Этот установившийся в академической системе порядок не противоречил содержанию Положения 1932 г. Академия наук была правомерна выступать как орган, регистрирующий уставы и осуществляющий надзор и контроль над деятельностью научных обществ, учитывая ее юридический статус. Дело в том, что Академия наук

³¹ Там же. Л. 23–23 об.

³² СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331. С. 437–441.

³³ Там же. С. 439.

³⁴ Там же. С. 440.

³⁵ Там же.

с декабря 1933 г. находилась в ведении СНК СССР³⁶, и таким образом она обладала тем же правовым положением, что и наркоматы. С Совнаркомом, а с 1946 г. с Советом министров СССР согласовывались утверждаемые Президиумом АН СССР уставы научных обществ, а также проводимые обществами научные мероприятия — съезды и конференции.

Осуществляя определенные функции по руководству научными обществами, ранее выполнявшиеся органами государственной власти и управления, Президиум Академии наук и бюро отделений, однако, не сковывали организацию и деятельность обществ мелочной регламентацией.

Важным в нормативно-правовом отношении представляется то, каким образом в уставе АН СССР было отражено взаимодействие с научными обществами. Несмотря на то что уставные документы Академии неоднократно претерпевали изменения в советский период ее деятельности, только в уставе, утвержденном в 1959 г., впервые появилось упоминание о существовании в ее структуре научных обществ. Так, в п. 7 устава указывалось, что «при Академии наук СССР состоят научные общества, организуемые в порядке, устанавливаемом Президиумом Академии наук СССР»³⁷. Соответственно, одной из задач Президиума, согласно п. 41, было определение порядка организации академических научных обществ при Академии и утверждение их уставов³⁸. Общества сообразно своей специализации входили в состав того или иного отделения Академии, бюро которых, в свою очередь, осуществляли руководство деятельностью этих научных организаций (п. 49)³⁹. Таким образом, в уставе 1959 г. были закреплены уже существующие практики административно-организационных взаимоотношений научных обществ с АН СССР.

В отсутствие специальных нормативно-правовых актов о регулировании взаимоотношений научных обществ со структурами Академии и в силу того, что общества в ее уставах вплоть до конца 1950-х гг. не упоминаются, определяющее значение получали регулятивные нормы уставных документов академических научных обществ.

Типовые уставы научных обществ при Академии наук СССР

После урегулирования правовых вопросов передачи научных обществ в систему Академии наук возник вопрос об уставных документах этих организаций, в которых должен был быть отражен их новый статус.

Изначально Президиум Академии наук утверждал устав каждого входившего в ее состав научного общества. Разработка устава для каждого отдельного общества входила в обязанности организационных комитетов обществ, которые состояли из представителей как самого общества, так и соответствующего отделения Академии. Создание типового устава для научных обществ при АН СССР позволило бы упростить и существенно сократить сроки подготовки уставов; к тому же научные

³⁶ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1933. Отд. 1. Стлб. 444. С. 796.

³⁷ Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1974. С. 152.

³⁸ Там же. С. 159.

³⁹ Там же. С. 161.

общества вне академической системы также функционировали на основе типовых уставов.

Необходимо отметить, что практика создания специальных типовых уставов для научных обществ в Советской России появилась в начале 1920-х гг. До революции при организации нового научного общества учредители брали за образец устав уже существовавшего общества, сходного по задачам и роду деятельности. После окончания Гражданской войны начался процесс упорядочения нормативно-правового регулирования деятельности общественных организаций. Одним из шагов в этом направлении было утверждение в 1923 г. НКВД, Наркомпросом и Наркомюстом «Нормального устава научных, литературных и научно-художественных обществ»⁴⁰, ставшего первым типовым уставом научных обществ.

Тем не менее быстрые изменения общественной и политической жизни привели к тому, что устав 1923 г. быстро устарел и начался процесс создания нового типового устава для научных обществ (См.: [Синельникова, 2016]). В результате в 1928 г. было создано два устава: один для научных, литературно-художественных, научно-технических и т. п. обществ, имеющих филиальные отделения, другой для организаций местного характера, т. е. не имеющих отделений⁴¹. Тем не менее преобразования в правовой сфере рубежа 1920–1930-х гг. привели к утверждению очередных типовых уставов в 1930 г. — уставов добровольных обществ, имеющих отделения и не имеющих таковых⁴², в соответствие с которыми должны были быть приведены уставы всех общественных организаций, в том числе и научных обществ.

Таким образом, когда в 1938 г. Академии наук было передано четыре научных общества, действующими оставались типовые уставы 1930 г. Отдельные положения этих уставов были положены в основу первого проекта типового устава академических обществ, подготовленного комиссией академика А.А. Борисяка в 1938 г.⁴³ Проект состоял из 58 пунктов и включал в себя разделы «Цели и задачи общества», «Состав общества», «Права и обязанности членов общества», «Структура общества и органы его управления», «Местные организации общества», «Средства общества», «Наблюдение и контроль за деятельностью и ликвидация общества». В проекте указывалось, что общество «находится при отделении естественных и математических наук Академии наук СССР» и ведет свою деятельность по плану, утвержденному Отделением⁴⁴. Общество в своей деятельности должно было «способствовать развитию соответствующей отрасли науки, организовывать специальные и коллективные исследования, вовлекать в свои ряды научные и инженерно-технические и педагогические силы, а также учащихся в специальных заведениях и интересующихся трудящихся, популяризировать и пропагандировать научные и технические знания среди широких масс трудящихся на основе марксистско-ленинского учения и организовывать массовое движение в соответствующей области науки, содействовать развитию и реконструкции производства точных измерительных приборов и инструментов для массовых наблюдений и популяризации, изучать производитель-

⁴⁰ Бюллетень НКВД. 1923. № 12. Ст. 158. С. 88–89.

⁴¹ Там же. 1928. № 27. Ст. 247. С. 535–546.

⁴² Там же. 1930. № 36а. С. 11–22.

⁴³ АРАН. Ф. 2. Оп. 1а-1938. Д. 43. Л. 7–18.

⁴⁴ Там же. Л. 7.

ные силы страны»⁴⁵. Кроме того, по представлению Отделения и по утверждении Президиумом АН СССР общество могло участвовать в международных обществах и объединениях, в том числе и образуя советские секции международных организаций⁴⁶. Общества, согласно пункту седьмому этого проекта устава, должны были состоять из: индивидуальных членов, которыми могли стать граждане, не лишенные избирательных прав в советы и достигшие 18-летнего возраста; коллективных членов — научных, хозяйственных и иных учреждений и организации, деятельность которых связана с задачами общества⁴⁷; а также почетных членов, которыми могли избираться лица, «оказавшие выдающиеся услуги в деле развития науки, также выдающиеся иностранные ученые, проявившие свое положительное отношение к советской науке»⁴⁸. Прием в члены происходил Президиумом Совета общества на основании заявления, т. е. общества были открыты для всех желающих участвовать в их работе.

Органами управления общества являлись: Всесоюзный съезд общества (созывался не реже одного раза в год), Совет общества (утверждался Отделением АН СССР) и Президиум Совета общества. Программа и порядок работы съездов, а также выборы всех руководящих лиц и составы комиссий должны были утверждаться Президиумом Академии наук по представлению Отделения⁴⁹.

Средства составлялись из членских взносов, доходов от деятельности и принадлежащего имущества, ассигнований ведомств и учреждений, заинтересованных в работе общества, и прочих поступлений и должны были храниться в государственных кредитных учреждениях⁵⁰.

В проекте подчеркивалось, что контроль за деятельностью общества возлагался на Отделение математических и естественных наук АН СССР, которое рассматривало и утверждало годовые планы работ общества не реже одного раза в квартал, заслушивало доклады общества о его работе. Наблюдение и контроль за деятельностью местных отделений общества осуществлялось соответствующими филиалами Академии наук, а в местах, где таковые отсутствуют, республиканскими Верховными Советами, исполнительными комитетами или же, соответственно, местными советами⁵¹.

Ликвидация того или иного общества, а также его местных организаций, согласно проекту устава, должна была производиться по постановлению Президиума АН СССР в порядке, установленном Положением о добровольных обществах 1932 г., а все оставшееся после ликвидации имущество передавалось Академии наук.

Подготовленный проект устава утвержден не был, но тем не менее он представляет интерес как первая попытка увязки существующих нормативно-правовых норм и реальной практики функционирования обществ при АН СССР.

⁴⁵ Там же. Л. 7–8.

⁴⁶ Там же. Л. 8.

⁴⁷ Там же. Л. 10.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 11–12.

⁵⁰ Там же. Л. 17.

⁵¹ Там же.

Общая логика развития взаимоотношений научных обществ и структур Академии, а также увеличение числа обществ в ее составе заставили вновь обратиться к выработке типового устава. В сентябре 1940 г. Президиум АН СССР поручил Секретариату разработать типовой устав для всех обществ, состоявших при Академии наук. Работа над уставом продвигалась стремительно. В начале декабря проект был отправлен председателям академических обществ для ознакомления, а 24 декабря 1940 г. проект обсуждался на совещании под председательством академика В.Н. Образцова⁵². В доработанном виде проект был утвержден Президиумом Академии наук в начале января 1941 г.⁵³ Далее проект типового устава академических научных обществ был направлен на рассмотрение в Совнарком. 22 апреля 1941 г., на основании разрешения СНК СССР и с предложенными им правками, Президиум утвердил «Типовой устав научных обществ, состоящих при Академии наук СССР»⁵⁴.

Этот уставной документ по структуре был схож с проектом 1938 г., однако в содержании имелся ряд отличий. Кроме того, устав представлял собой более краткий документ, состоящий всего из 39 параграфов. В задачах, которые ставились перед обществом, превалировала идея прикладного характера научной деятельности; при этом отдельные задачи повторяли проект 1938 г. Однако в задачи общества входила и «постановка и разработка научно-технических и организационных вопросов, вытекающих из политики и мероприятий партии и правительства», а также «организация борьбы с лженаучными теориями и внедрение марксистско-ленинской методологии в работе членов общества»⁵⁵. Тем не менее, согласно примечанию, каждое общество получало возможность дополнить и конкретизировать список целей и задач сообразно своей деятельности.

Без изменений остались органы управления обществом и их полномочия⁵⁶, источники средств обществ, а также его состав. Права и обязанности членов общества были дополнены необходимостью «активно участвовать в развитии передовой советской науки и всемерно содействовать осуществлению задач социалистического строительства, связанных с деятельностью общества»⁵⁷.

Организационно-административная связь с академическими структурами выражалась в том, что Академия наук и ее органы «знакомятся со всей деятельностью общества путем обследования работы общества и его организаций и заслушивают периодически отчетные доклады», дают обществу обязательные для него указания, «оказывают обществу содействие в его работе»⁵⁸. Подчинение филиалов обществ республиканским Академиям наук сохранялось.

Ликвидация того или иного общества, его отделов или филиалов могла произойти по указанию правительства или Президиума АН СССР, а также по решению съезда общества или конференции республиканских филиалов общества или реше-

⁵² АРАН. Ф. 2. Оп. 1а-1940. Д. 2. Л. 1об.

⁵³ Там же. Оп. 6. Д. 29. Л. 21, 28–40.

⁵⁴ Там же. Оп. 1а-1940. Д. 2. Л. 67; Оп. 6. Д. 30. Л. 220.

⁵⁵ Там же. Л. 73.

⁵⁶ Важно, что руководящим органом общества остался Всесоюзный съезд, но созываться он должен был реже — не один раз в год, как в проекте 1938 г., а раз в пять лет.

⁵⁷ АРАН. Ф. 2. Оп. 1а-1940. Д. 2. Л. 77.

⁵⁸ Там же. Л. 78.

нию Пленума Центрального Совета (для отдельных местных организаций общества)⁵⁹.

Изменилась формулировка пункта о возможности членства в международных организациях: теперь это было возможно с ведома Президиума АН СССР и только с разрешения «в каждом отдельном случае» правительства СССР⁶⁰.

Важным новшеством стало и то, что, согласно последнему пункту устава 1941 г., в случае ликвидации общества или его отдельных организаций имущество передавалось «организациям, указанным в постановлении о ликвидации»⁶¹, т. е. совсем не обязательно Академии наук, как это было в проекте 1938 г.

Предполагалось, что этот устав будет в будущем доработан. К сожалению, дальнейшему усовершенствованию и обсуждению типового устава научных обществ, функционировавших в системе АН СССР, помешала начавшаяся война. В эти тяжелые годы происходило приведение уставов академических научных обществ в соответствие с типовым. В частности, в 1943 г. Президиум АН СССР утвердил устав Всесоюзного общества физиологов, биохимиков и фармакологов⁶², в 1945 г. уставы Всесоюзного географического общества и Всесоюзного общества почвоведов⁶³.

Тем не менее вновь к вопросу о типовом уставе научных обществ вернулись в середине 1950-х гг. 30 декабря 1955 г. Президиум АН СССР утвердил «Типовой устав добровольных научных обществ при АН СССР»⁶⁴. Этому предшествовала оживленная дискуссия. В ходе обсуждения академиками было высказано немало сомнений как относительно функционирования научных обществ в системе академических учреждений, так и по поводу существования подобных организаций вообще в современных условиях. В частности, академик М.М. Дубинин задавался вопросом: а что членство в обществе дает его членам «кроме цепей, кроме обязанности выполнения всякого рода общественной работы <...>, участия в многочисленных экспертизах, заседаниях и т. д., помимо общения»⁶⁵. Дискуссию остановил президент Академии наук А.Н. Несмеянов, призвав собравшихся утвердить проект устава с учетом высказанных замечаний, так как «его смотрели юристы и со всех сторон все это уже обсосано, хотя и находятся еще шероховатости»⁶⁶.

Типовой устав 1955 г. во многом опирался на устав 1941 г., но был более подробным и состоял из 53 параграфов, причем количество разделов увеличилось до десяти. Это было обусловлено разбивкой отдельных стандартных разделов на несколько при более детальном изложении их содержания. Однако раздел «О порядке утверждения устава общества» появился в типовых уставах для академических обществ впервые. В нем излагалась процедура регистрации «индивидуального устава общества», который составлялся на основе типового, принимался на съезде обще-

⁵⁹ Там же. Л. 79.

⁶⁰ Там же. Л. 78.

⁶¹ Там же. Л. 79.

⁶² Там же. Оп. 6. Д. 37. Л. 111, 126–134.

⁶³ Там же. Д. 48. Л. 40, 53–56, 112, 142–157.

⁶⁴ Там же. Д. 208. Л. 22–41.

⁶⁵ Там же. Л. 104.

⁶⁶ Там же. Л. 109.

ства, а затем утверждался Президиумом АН СССР. Местные же отделения общества должны были действовать на основании устава общества⁶⁷.

Важно отметить, что к уставу было дано примечание, согласно которому «типовой устав должен служить основой для разработки индивидуальных уставов научных обществ, существующих при Академии наук СССР», «типовой устав включает лишь основные, общие для всех обществ положения, которые могут быть соответствующим образом конкретизированы, дополнены и изменены в индивидуальных уставах обществ, применительно к профилям, целям и задачам последних»⁶⁸.

Согласно уставу 1955 г., от обществ уже не требовалось добиваться массовости в работе или практического уклона исследований; задачи были сформулированы менее конкретно: борьба за приоритет ученых нашей родины в научных открытиях и в решении важнейших проблем; исследование и популяризация истории отечественной науки; оказание научной и методической помощи в постановке преподавания в высшей (средней) школе; участие в проведении мероприятий по культурной связи с народами других стран и участие в борьбе за мир; содействие в работах по упорядочению и унификации научной терминологии⁶⁹. Научным обществам поручалась и экспертная функция, выраженная в рецензировании и обсуждении научной литературы и учебников, а также в подготовке заключений по вопросам по поручению Президиума АН СССР, в присуждении премий и медалей⁷⁰.

Общество, согласно новому уставу, состояло не только из действительных, почетных членов и членов-коллективов, но и из членов-соревнователей. Такая категория членства последний раз упоминалась в типовых уставах 1928 г. Членами-соревнователями могли быть лица, интересующиеся наукой и содействующие ее развитию или распространению научных знаний, т. е. были так называемыми любителями. Для вступления даже в члены-соревнователи требовалась рекомендация учреждений или двух членов общества⁷¹, что существенно сужало круг потенциальных соискателей.

Действительными членами научного общества при Академии наук СССР могли быть «ученые, научные сотрудники, профессора, преподаватели вузов, техникумов и средних учебных заведений, специалисты-практики, а также другие лица, имеющие научные работы или своей деятельностью способствующие работе общества»⁷². Прием производился в индивидуальном порядке на основании личного заявления с приложением рекомендаций научных или общественно-политических организаций или двух членов общества⁷³. Таким образом, основной состав научных обществ был высокопрофессиональным.

В уставе без изменений остались положения об органах управления общества, организации взаимодействия центральных органов общества и его отделений, ре-

⁶⁷ Там же. Л. 40.

⁶⁸ Там же. Л. 24.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Л. 25.

⁷¹ Там же. Л. 27.

⁷² Там же. Л. 26–27.

⁷³ Там же.

визии деятельности, средств общества, взаимоотношений с академическими структурами.

Без изменений остались условия ликвидации общества, но имущество и денежные средства ликвидируемой организации передавались, согласно § 50 устава, соответствующему отделению Академии наук⁷⁴.

Как видно из приведенных материалов, типовые уставы научных обществ при Академии наук решали необходимый минимум организационных вопросов, позволявший им успешно выполнять поставленные задачи. Поскольку общее руководство Академии наук касалось преимущественно административного подчинения обществ ее отделениям, в уставах были изложены те формы, в которых это воплощалось на практике. Однако, не будучи скованными мелочной регламентацией и неустанным контролем государственных органов власти и управления, с чем приходилось сталкиваться обществам вне академической системы, общества при Академии наук пользовались значительно большей свободой не только в административно-организационном плане, но и в научном.

Таким образом, основы, заложенные в типовом уставе научных обществ при АН СССР 1941 г., получили свое развитие и уточнение в следующем, принятом в 1955 г. Утверждение этого типового устава окончательно закрепило место научных обществ в системе академической науки и определило формы и задачи их деятельности на последующие десятилетия⁷⁵.

Динамика численности научных обществ при АН СССР в 1930–1950-е годы и их дисциплинарная структура

Как уже было сказано, в апреле 1938 г. в систему Академии наук было передано четыре научных общества: Всесоюзное географическое общество, Всесоюзное химическое общество им. Д.И. Менделеева, Всесоюзное общество почвоведов, Всесоюзное астрономо-геодезическое общество. Всего через год состав академических обществ пополнился Всесоюзным обществом физиологов, биохимиков и фармакологов, которое было передано в Академию наук из ведения Наркомздрава⁷⁶. Вопрос об организации общества был впервые поднят еще в 1910 г. на XI съезде врачей в память Н.И. Пирогова, проходившем в Санкт-Петербурге, но осуществить это удалось только в годы Первой мировой войны. Устав Общества российских физиологов был утвержден в ноябре 1916 г. [Ноздрачев и др., 2017, с. 17]. В апреле 1917 г. обществу удалось организовать первый съезд российских физиологов. На протяжении 1920–1930-х гг. общество продолжало плодотворно работать: проводило собрания, организовывало на регулярной основе съезды, издавало журнал. В 1930 г. общество получило новое название — Всесоюзное общество физиологов, биохимиков и фармакологов.

По инициативе академика Е.Н. Павловского также из ведения Наркомпроса в систему Академии наук в конце 1940 г. было передано Всероссийское энтомоло-

⁷⁴ Там же. Л. 41.

⁷⁵ Новый типовый устав для научных обществ при АН СССР был утвержден в 1988 г.

⁷⁶ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 20. Л. 91.

гическое общество⁷⁷. Созданное в середине XIX в., оно продолжало свою деятельность и взаимоотношения с Академией наук после революции 1917 г. С 1919 г. оно размещалось в Зоологическом институте АН СССР. В работе общества принимали участие выдающиеся ученые: Н.Я. Кузнецов, А.В. Мартынов, Е.Н. Павловский, М.Н. Римский-Корсаков, А.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Президиум Академии наук СССР не только принимал в систему научные общества, передававшиеся из других ведомств, но также ввел практику создания подобных организаций при своих институтах. В частности, в конце 1939 г. Президиумом АН СССР было принято решение создать Всесоюзное общество гельминтологов на базе Постоянной комиссии по изучению гельминтофауны при Всесоюзном институте гельминтологии⁷⁸. Организационная работа была проведена в течение следующего полугодия, и 30 июля 1940 г. на заседании Президиума Академии наук был утвержден устав нового общества, контроль за деятельностью которого был поручен Отделению биологических наук⁷⁹. Всесоюзное общество гельминтологов стало одной из первых подобных организаций в мире. Первым президентом общества являлся основатель отечественной гельминтологической науки, академик Константин Иванович Скрябин (1878–1972).

Таким образом, накануне Великой Отечественной войны в состав Академии наук СССР входило семь научных обществ.

Несмотря на то что в годы войны новых научных обществ в системе АН СССР не появлялось, Президиум принимал важные организационные решения относительно положения в академической системе уже существовавших организаций. Так, например, в декабре 1943 г. Президиум АН СССР заслушал доклад академика В.А. Обручева «О структуре Отделения геолого-географических наук АН СССР» и принял решение о включении Всесоюзного географического общества и Всесоюзного общества почвоведов в состав Отделения геолого-географических наук⁸⁰.

В послевоенный период восстановления научной инфраструктуры в составе Академии наук стали появляться и новые научные общества. Так, в конце 1945 г., в целях объединения всех геологических сил и содействия развитию геологических наук в СССР, Президиум АН СССР постановил организовать Всесоюзное геологическое общество в Москве⁸¹. Оргкомитет включал В.А. Обручева, Д.С. Белянкина, А.Н. Заварицкого, Ф.П. Саваренского, С.С. Смирнова, П.И. Степанова и др.

В конце 1946 г. ученые Москвы и Ленинграда (Д.А. Ласточкин, Л.А. Зенкевич, М.М. Кожов, Я.В. Ролл, В.И. Жадин, В.Н. Беклемишев, П.И. Усачев) обратились в Отделение биологических наук АН СССР с просьбой об организации гидробиологического общества. Вопрос был решен положительно Президиумом АН СССР. Далее, в соответствии с существующей практикой, устав общества был утвержден Советом министров СССР и ЦК ВКП(б)⁸². Первое заседание состоялось в декабре

⁷⁷ Там же. Д. 25. Л. 147.

⁷⁸ Там же. Д. 22. Л. 265–266.

⁷⁹ Там же. Оп. 6а. Д. 28. Л. 146.

⁸⁰ Там же. Оп. 6. Д. 39. Л. 185–190, 200; Оп. 6а. Д. 42. Л. 131–135.

⁸¹ Там же. Оп. 6. Д. 50. Л. 265–268, 285–291; Оп. 6а. Д. 52. Л. 274–282.

⁸² Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, 1922–1991. М.: РОССПЭН, 2000. Т. [1]: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б), 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. С. 344.

1947 г.; на нем председатель общества, микробиолог, исследователь Арктики академик Б.Л. Исаченко ознакомил собравшихся с уставом и поделился своими соображениями относительно перспектив Гидробиологического общества [Кабанов, 1948, с. 56].

Однако не всегда решения Президиума Академии наук о создании научного общества имели успех. Так, в 1947 г. Президиум по докладу президента АН СССР С.И. Вавилова принял постановление об учреждении Всесоюзного физического общества при Академии наук СССР⁸³. Однако Совет министров СССР отказал в учреждении этого научного общества. В результате Физическое общество, правда, имеющее самостоятельный статус, было организовано только на излете существования СССР — в 1989 г.

Тем не менее и Совет министров СССР по необходимости становился инициатором появления в составе Академии научных обществ. В частности, 25 сентября 1950 г. им было издано распоряжение о возобновлении деятельности Российского палестинского общества при АН СССР. Дело в том, что в мае 1948 г. было создано государство Израиль, и СССР одним из первых признал его независимость и установил с ним дипломатические отношения. В этих благоприятных условиях советское правительство предприняло новую попытку получить имущество, до революции 1917 г. принадлежавшее Императорскому православному палестинскому обществу.

16 января 1951 г. состоялось Общее собрание общества, на котором в качестве председателя был утвержден профессор С.П. Толстов, а Р.П. Дадыкин — ученым секретарем; в состав Совета были избраны академики В.В. Струве и А.В. Топчиев, а также член-корреспондент АН СССР Н.В. Пигулевская⁸⁴. В начале марта 1951 г. Президиум Академии наук утвердил устав Российского палестинского общества при АН СССР, целью которого было изучение Палестины, Сирии, Ливана, Египта, Ирака и сопредельных с ними стран Ближнего Востока в историческом, археологическом, филологическом и культурно-бытовом отношениях, участие в международных мероприятиях по изучению и сохранению памятников искусства в этих странах, организация научных экспедиций⁸⁵.

В результате, и в том числе благодаря активной работе Российского палестинского общества, уже после первой арабо-израильской войны часть искомых храмов и земельных участков была передана СССР.

Во второй половине 1950-х гг. в составе Отделения биологических наук АН СССР было создано еще два научных общества — Всесоюзное микробиологическое общество (1957) и Всесоюзное биохимическое общество (1958).

Таким образом, к концу 1950-х гг. в системе Академии наук СССР насчитывалось 14 научных обществ [Федькин, 1958, с. 180], и их число продолжило расти. В последние годы существования СССР число научных обществ, функционировавших в составе Академии наук, возросло до 25. Они имели более тысячи республиканских, краевых, областных и городских филиалов и отделений, а также в целом все общества насчитывали около 150 тыс. членов [Об улучшении деятельности, 1988, с. 40–41].

⁸³ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 61. Л. 215.

⁸⁴ Там же. Д. 110. Л. 33–34.

⁸⁵ Там же. Д. 111. Л. 166–175.

Примечательно, что подавляющее большинство научных обществ, входивших в систему АН СССР в 1930–1950-е гг., имело естественнонаучный характер деятельности. Это отражало соотношение научных сил внутри Президиума Академии наук СССР, так как ведущие позиции в нем в рассматриваемые годы также занимали представители естественных наук. Именно институты естественнонаучного профиля являлись в 1930–1950-е гг. приоритетными в планировании и финансировании научных исследований.

Основные результаты деятельности научных общества при АН СССР в 1930–1950-е годы: научно-организационная и издательская деятельность, международные связи

Для научных обществ, вне зависимости от их ведомственной принадлежности, основной формой деятельности традиционно являлось проведение собраний, на которых заслушивались и обсуждались научные доклады. В отдельные всесоюзные научные общества входили более тысячи человек, поэтому даже рядовые общие собрания становились крупными научными мероприятиями, которые посещались многочисленными членами организаций. Так, на собрании действительных членов Географического общества 10 февраля 1949 г. в Ленинграде присутствовали более 400 чел. [*Общее собрание Географического общества*, 1949, с. 65–70].

Кроме того, большое значение в деятельности обществ имела организация заседаний, посвященных юбилеям выдающихся ученых и научных учреждений и организаций, а также памятных дат в истории науки. В частности, в конце 1940 г. Отделение химических наук АН СССР совместно со Всесоюзным химическим обществом им. Д.И. Менделеева отметило 80-летие академика Н.С. Курнакова⁸⁶.

Даже в годы войны научные общества при Академии наук продолжали осуществлять коммеморативные практики. Так, с 30 марта по 1 апреля 1944 г. проходило празднование 75-летия периодического закона и Русского химического общества, организованное Всесоюзным химическим обществом им. Д.И. Менделеева и Отделением химических наук АН СССР. Этому мероприятию Академия наук и руководство страны уделили большое внимание. На открытии торжеств было зачитано приветствие президента АН СССР академика В.Л. Комарова, а академик А.Н. Бах выступил с приветственным словом. На заседании также присутствовал нарком химической промышленности СССР М.Г. Первухин. Пленарный доклад «Физический смысл периодической системы» сделал академик А.Ф. Иоффе [*Отчет о работе Академии наук СССР за 1944 г.*, 1946, с. 84].

Крупным юбилеем был отмечен 1945 год — это 100-летие Географического общества. Осенью 1945 г. Президиумом был сформирован оргкомитет празднования во главе с академиком В.А. Обручевым. В планах подготовки к юбилею было установление надгробий на могилах почетного академика Ю.М. Шокальского, деятельность которого в обществе продолжалась 58 лет (из них 23 года в качестве председателя). Предполагалось установить надгробия и на могилах выдающихся членов Географического общества, великих путешественников П.К. Козлова и Н.Н. Миклу-

⁸⁶ Там же. Ф. 535. Оп. 1 (1939–1944). Д. 72. Л. 23.

хо-Маклая⁸⁷. Изначально празднование было намечено на весну 1946 г., но в итоге состоялось 27–31 января 1947 г. в рамках II Всесоюзного географического съезда. Были заслушаны доклады академиков Л.С. Берга, А.А. Григорьева, Л.Д. Шевакова, О.Ю. Шмидта и др. Обсуждались результаты нового исчисления площади СССР, произведенного Институтом географии⁸⁸.

Еще одним памятным мероприятием для общества стало собрание Всесоюзного географического общества совместно с Арктическим научно-исследовательским институтом, проходившее 26 октября 1948 г. Оно было посвящено 300-летию со дня открытия С.И. Дежневым пролива между Азией и Америкой (Берингов пролив). С докладом выступили академик Л.С. Берг, член-корреспондент АН СССР В.Ю. Визе и др., была организована выставка. В связи с этим постановлением Совета министров СССР была учреждена премия им. С.И. Дежнева в размере 15 тыс. руб., присуждаемая Географическим обществом раз в три года за лучшие научные труды и исследования по географии северо-восточной Азии⁸⁹.

Не менее широко отмечалось 40-летие со дня смерти Д.И. Менделеева в феврале 1947 г. на совместном торжественном заседании АН СССР и Всесоюзного химического общества. Были заслушаны доклады академиков А.Е. Арбузова, Н.Д. Зелинского и др., а также с воспоминаниями о Д.И. Менделееве выступила его дочь, О.Д. Триогова-Менделеева⁹⁰.

В 1955 г. прошло торжественное заседание Академии наук СССР, Академии медицинских наук СССР, совместно с Московским государственным университетом и Всесоюзным обществом физиологов, биохимиков и фармакологов, посвященное 50-летию со дня смерти И.М. Сеченова.

Кроме того, общества организовывали различные семинары, конференции и научные чтения. Например, 15–20 мая 1947 г. в Москве состоялась IV Всесоюзная конференция по катализу, организованная Отделением химических наук АН СССР и Всесоюзным химическим обществом им. Д.И. Менделеева. Центральным выступлением стал доклад академика А.А. Баландина о развитии химии катализа в СССР за семь лет, прошедших с последней конференции [Гольданский, 1947, с. 41–47].

С 1948 г. по предложению Е.Н. Павловского Всесоюзным энтомологическим обществом стали проводиться ежегодные Чтения памяти профессора Н.А. Холодовского. Важным событием для общества также стало проведение Первого съезда Всесоюзного энтомологического общества, который состоялся 15–18 февраля 1950 г. в Ленинграде. В его работе приняли участие 262 чел., представители свыше 40 научно-исследовательских учреждений, вузов, министерств из 23 городов [Медведев, 1999, с. 204]. Проведение такого крупного научного мероприятия позволило обществу расширить масштабы своей деятельности, что привело к созданию в ряде крупных научных центров СССР, в том числе и в республиках, отделений общества.

Проводились и совместные заседания научных обществ и отделений Академии наук СССР, в состав которых они входили. 31 марта 1941 г. состоялось совместное научное заседание Отделения геолого-географических наук АН СССР и Всесоюз-

⁸⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 6. Д. 48. Л. 2–4.

⁸⁸ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 334–335.

⁸⁹ АРАН. Ф. 535. Оп. 2. Д. 15. Л. 5–7.

⁹⁰ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы. С. 335.

ного общества почвоведов; при этом были заслушаны доклады академика Л.И. Прасолова «О горно-лесных почвах Кавказа в связи с вопросом выветривания» и члена-корреспондента Б.Б. Польшова «Обмен минеральных веществ между горными породами и живыми веществами»⁹¹.

Представители научных обществ приглашались для выступления на заседаниях бюро отделений и Президиума Академии наук СССР с годовыми отчетами о деятельности или с докладами о текущей работе своих организаций. Так, ярким примером является доклад академика Б.Б. Польшова 26 мая 1948 г. на заседании Бюро Отделения геолого-географических наук, посвященный итогам дискуссии, организованной Всесоюзным обществом почвоведов по книге профессора А.А. Роде «Почвообразовательный процесс и эволюция почв» и по рецензии на нее четырех авторов в газете «Социалистическое земледелие». В выводах доклада отмечалось, что книга А.А. Роде оценена как крупная обобщающая работа по актуальной теме, выполненная на основе обширного материала, а критика признана несостоятельной⁹². На заседании Президиума Академии наук 13 октября 1949 г. был заслушан доклад члена-корреспондента В.И. Спицына о деятельности Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева⁹³.

Значимой также являлась и издательская деятельность академических научных обществ. Кроме трудов съездов, конференций и конгрессов ими также публиковались монографии, сборники статей, периодические и информационные издания — «Известия», «Труды», «Бюллетени». Всесоюзное энтомологическое общество, кроме того, с 1945 г. возобновило издание журнала «Энтомологическое обозрение», а Всесоюзное географическое общество выпускало с 1946 г. «Вопросы географии».

Проводились научными обществами также и экспедиции. В частности, с июня по октябрь 1946 г. под руководством Ф.В. Колосовского была проведена Хорско-Ануйско-Самаргинская экспедиция, организованная Приамурским (Хабаровским) филиалом Всесоюзного географического общества и АН СССР. В ходе изысканий исследовано «белое пятно» на территории Хабаровского края — Северо-Уссурийский край и горная страна центральной части Сихотэ-Алиня. Впервые установлена зона распространения клещей — переносчиков дальневосточного энцефалита в Хабаровском крае, собраны образцы флоры и фауны Северо-Уссурийского края, исследованы жизнь и быт удэгейцев.

В 1950-е гг. Академия наук и Всесоюзное географическое общество совместно проводили значительную работу по исследованиям в Антарктиде, причем одним из главных руководителей антарктических исследований выступал будущий президент общества А.Ф. Трешков. Большой вклад в решение юридических вопросов международного статуса Антарктиды внесли представители как Академии, так и Географического общества, работавшие в комиссиях ЮНЕСКО.

Значительное место в деятельности научных обществ при Академии наук СССР занимали международные связи. В 1950-е гг. они начинали проявлять свою активность на мировой арене, выступая представителями советской науки в международных научных организациях. Так, 17 мая 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение Президиума АН СССР о вхождении Всесоюзного общества физиологов,

⁹¹ АРАН. Ф. 535. Оп. 1 (1939–1944). Д. 135. Л. 1–34.

⁹² Там же. Оп. 1 (1945–1962). Д. 68. Л. 1–32.

⁹³ Там же. Ф. 2. Оп. 6 (1949). Д. 76. Л. 2–16.

биохимиков и фармакологов при АН СССР в Международный биохимический комитет⁹⁴.

Таким образом, в 1930–1950-е гг. научные общества при АН СССР проводили плодотворную работу: регулярно устраивали заседания, а также семинары, конференции, конгрессы и научные чтения, проводили экспедиции, печатали монографии, сборники и журналы. Результаты их деятельности можно вполне правомерно рассматривать как значительный вклад в развитие отечественной науки.

Заключение

Представленные материалы позволяют сделать вывод, что в целом взаимодействие структур Академии наук и научных обществ в 1930–1950-е гг. было вполне успешным, так как руководство Академии наук хорошо понимало формы и методы деятельности и особенности организации и функционирования научных обществ, поэтому не обременяло последних излишним регулированием и контролем, что позволяло научным обществам успешно выполнять свои основные функции и проводить научно-организационную и издательскую работу, расширять международные контакты. Академический статус позволял научным обществам укреплять и развивать свой авторитет в общественной и научной жизни страны в 1930–1950-е гг. Научные общества, функционировавшие в составе Академии наук СССР, продолжают существовать и сегодня, одни как самостоятельные научные организации, другие остаются частью академической системы.

Источники

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, 1922–1991. Т. [1]: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б), 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков; ред. Ю.С. Осипов. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.

Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1. Оп. 10. Д. 6; Ф. 2. Оп. 1а (1938). Д. 40, 43; Ф. 2. Оп. 1а (1940). Д. 2; Ф. 2. Оп. 2. Д. 16; Ф. 2. Оп. 6. Д. 18, 20, 22, 25, 29, 37, 39, 48, 50, 61, 76, 110, 111, 208; Ф. 2. Оп. 6а. Д. 28, 42, 52; Ф. 535. Оп. 1 (1939–1944). Д. 72, 135; Ф. 535. Оп. 1 (1945–1962). Д. 68; Ф. 535. Оп. 2. Д. 15.

Бюллетень НКВД. 1923. № 12. Ст. 158. С. 88–89.

Бюллетень НКВД. 1928. № 27. Ст. 247. С. 535–546.

Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 11–22.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 411.

Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 617 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1585.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 889. Оп. 1 (1915). Д. 2.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1925. № 14. Ст. 95. С. 166–176.

⁹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1585. Л. 176–179.

СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331. С. 437–441.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1933. Отд. 1. Стлб. 444.

Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1974. 207 с.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1001. Оп. 9. Д. 1; Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 926, 953, 1012; Ф. Р-2556. Оп. 3. Д. 2.

Литература

Гольданский В.И. Всесоюзная конференция по катализу // Вестник АН СССР. 1947. № 7. С. 41–47.

Долгова Е.А. «Маленькие» хлопоты «большого» переезда: жилищное обеспечение переезда Академии наук СССР из Ленинграда в Москву // Новейшая история России. 2022. № 3. С. 726–741.

Кабанов Н.М. Всесоюзное гидробиологическое общество // Гигиена и санитария. 1948. № 5. С. 55–56.

Кольцов А.В. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. СПб.: Наука, 1997. 192 с.

Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР (1917–1961 гг.). Л.: Наука, 1988. 264 с.

Медведев Г.С. 140 лет Русскому энтомологическому обществу // Петербургская академия наук в истории академий мира: М-лы Междунар. конф., [28 июня — 4 июля 1999 г / Редколлегия: Э.А. Тропп (отв. ред.) и др.]. Т. III. СПб.: Санкт-Петербургский научный центр, 1999. С. 202–206.

Метель О.В. Эволюция «академического сектора» советской исторической науки в 1920–1960-е годы // Научный диалог. 2020. № 12. С. 271–289.

Ноздрачев А.Д., Поляков Е.Л., Вовенко Е.П., Есауленко И.Э. Столетний юбилей Физиологического общества имени И.П. Павлова Российской академии наук. М.: Научная книга, 2017. 332 с.

Об улучшении деятельности научных обществ и ассоциаций при Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1988. № 4. С. 40–48.

Общее собрание Географического общества СССР 10 февраля 1949 года // Вестник АН СССР. 1949. № 3. С. 65–70.

Отчет о работе Академии наук СССР за 1944 г. М.: Л.: [Б. и.], 1946. 433 с.

Синельникова Е.Ф. Власть и научные общества в середине 1920-х гг.: проекты типового устава // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. статей. Т. XXXV. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 184–200.

Сулейманов А.А. Академия наук СССР и археологическое изучение арктических районов Арктических районов Якутии в 1950-е — 1970-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 1. С. 5–15.

Федькин Г.И. Правовые вопросы организации научной работы в СССР. М.: Госюриздат, 1958. 365 с.

Graham L.R. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1967. 255 p.

Scientific Societies in the System of the USSR Academy of Sciences (1930–1950s)

ELENA F. SINELNIKOVA

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

The article shows the peculiarities of the position of scientific societies in the system of the Soviet Academy of Sciences in the 1930–1950s. The author paid special attention to the process of including scientific societies in the system of academic institutions, the analysis of the legal framework for their activities and model statutes, as well as the consideration of the main results of the activities of academic scientific societies in the 1930–1950s. The study is based on various sources, primarily archival materials stored in the State Archives of the Russian Federation, the Archives of the Russian Academy of Sciences and its St. Petersburg branch, and the Central State Archives of St. Petersburg. It is important to note that the USSR Academy of Sciences scientific societies carried out productive work in the 1930–1950s: they regularly held meetings, as well as seminars, conferences, congresses and scientific readings, conducted expeditions, published monographs and journals. The results of their activities were a significant contribution to the development of the Russian science. It is concluded that, in general, the relations between the structures of the Academy of Sciences and scientific societies can be considered as quite successful in the 1930–1950s, because the Academy of Sciences authorities were well aware of the forms and methods of activity and the peculiarities of the organization and functioning of scientific societies, and therefore did not burden the latter with excessive regulation and control. The academic status allowed scientific societies to successfully fulfill their main functions, as well as to strengthen and develop their authority in the social and scientific life of the country.

Keywords: scientific societies, USSR Academy of Sciences, public organizations, history of science, science policy, science and power.

Acknowledgment

The research was prepared at the Russian State University for the Humanities and was carried out with support of the State assignment on the topic “State management of scientific research in the USSR: historical experience and modern assessments”, FSZG-2023-0011, registration no. 1023031000045-1-6.1.1.

References

- Arkhiv Rossiyskoy akademii nauk (ARAN)* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 1, op. 10, d. 6; f. 2, op. 1a (1938), d. 40, 43; f. 2, op. 1a (1940), d. 2; f. 2, op. 2, d. 16; f. 2, op. 6, d. 18, 20, 22, 25, 29, 37, 39, 48, 50, 61, 76, 110, 111, 208; f. 2, op. 6a, d. 28, 42, 52; f. 535, op. 1 (1939–1944), d. 72, 135; f. 535, op. 1 (1945–1962), d. 68; f. 535, op. 2, d. 15 (in Russian).
- Byulleten'* (1923) *NKVD* [Bulletin of the NKVD], no. 12, art. 158 (88–89) (in Russian).
- Byulleten'* (1928) *NKVD* [Bulletin of the NKVD], no. 27, art. 247 (535–546) (in Russian).
- Byulleten'* (1930) *NKVD* [Bulletin of the NKVD], no. 36a (11–22) (in Russian).

Dolgoval, E.A. (2002). "Malen'kiye" khlopoty "bol'shogo" pereyezda: zhilishchnoye obeshcheniye perevoda Akademii nauk SSSR iz Leningrada v Moskvu ["Small" troubles of "Big" movement: the housing issue during the transfer of the USSR Academy of Sciences from Leningrad to Moscow], *Noveyshaya istoriya Rossii*, no. 3, 726–741 (in Russian).

Esakov, V.D. (Comp.) (2000). *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TSK RKP(b) — VKP(b) — KPSS, 1922–1991* [Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) — VKP(b) — CPSU, 1922–1991], Moskva: ROSSPEN, t. [1]: *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TSK RKP(b) — VKP(b), 1922–1952* [Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP (b) — VKP (b), 1922–1952] (in Russian).

Fedkin, G.I. (1958). *Pravovyye voprosy organizatsii nauchnoy raboty v SSSR* [Legal issues of organization of scientific work in the USSR], Moskva: Gosyurizdat (in Russian).

Goldansky, V.I. (1947). Vsesoyuznaya konferentsiya po katalizu [All-Union Conference on Catalysis], *Vestnik AN SSSR*, no. 7, 41–47 (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy federatsii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation], f. A-2307, op. 2, d. 411 (in Russian).

Graham, L.R. (1967). *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932*, Princeton (N.J.): Princeton University Press.

Kabanov, N.M. (1948). Vsesoyuznoye gidrobiologicheskoye obshchestvo [The All-Union hydrobiological society], *Gigiyena i sanitariya*, no. 5, 55–56 (in Russian).

Kol'tsov, A.V. (1997). *Leningradskiyeh uchrezhdeniya Akademii nauk SSSR v 1934–1945 gg.* [Leningrad institutions of the USSR Academy of Sciences in 1934–1945], S.-Peterburg: Nauka (in Russian).

Kol'tsov, A.V. (1988). *Rol' Akademii nauk v organizatsii regional'nykh nauchnykh tsentrov SSSR (1917–1961 gg.)* [The role of the Academy of Sciences in the organization of regional scientific centers of the USSR (1917–1961)], Leningrad: Nauka (in Russian).

Materialy (1950) *k istorii Akademii nauk SSSR za sovetskiye gody (1917–1947)* [Materials for the history of the Academy of Sciences of the USSR during the Soviet years (1917–1947)], Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Medvedev, G.S. (1999). 140 let Russkomu entomologicheskomy obshchestvu [140 years of the Russian Entomological Society], in E.A. Tropp (Ed.), *Peterburgskaya akademiya nauk v istorii akademiy mira: Materialy Mezhdunar. konf. (28 iyunya — 4 iyulya 1999 g)* [St. Petersburg Academy of Sciences in the history of the world Academies: Proceedings of the Intern. conf., (June 28 — July 4, 1999)] (t. 3, pp. 202–206), S.-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy nauchnyy tsentr (in Russian).

Metel, O.V. (2020). Evolyutsiya "akademicheskogo sektora" sovetskoy istoricheskoy nauki v 1920–1960-ye gody [Evolution of "academic sector" of Soviet historical science 1920–1960s], *Nauchnyy dialog*, no. 12, 271–289 (in Russian).

Nozdrachev, A.D., Polyakov, E.L., Vovenko, E.P., Esaulenko, I.E. (2017). *Stoletniy yubiley Fiziologicheskogo obshchestva imeni I.P. Pavlova Rossiyskoy akademii nauk* [Centenary of the Physiological Society named after I.P. Pavlov of the Russian Academy of Sciences], Moskva: Scientific book (in Russian).

Ob uluchshenii (1988) *deyatelnosti nauchnykh obshchestv i assotsiatsiy pri Akademii nauk SSSR* [On improving the activities of scientific societies and associations under the USSR Academy of Sciences], *Vestnik Akademii nauk SSSR*, no. 4, 40–48 (in Russian).

Obshcheye (1949) *sobraniye Geograficheskogo obshchestva SSSR 10 fevralya 1949 goda* [General meeting of the Geographical Society of the USSR February 10, 1949], *Vestnik AN SSSR*, no. 3, 65–70 (in Russian).

Otchet o rabote Akademii nauk SSSR za 1944 g. [Report on the work of the Academy of Sciences of the USSR for 1944], Moskva, Leningrad: [b. i.] (in Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, op. 163, d. 1585 (in Russian).

Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk (SPbFARAN) [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 889, op. 1 (1915), d. 2 (in Russian).

Sinelnikova, E.F. (2016). Vlast' i nauchnyye obshchestva v seredine 1920-kh gg.: proyekt ty tipovogo ustava [Power and scientific societies in the mid-1920s: drafts of a model charter], in *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny: sb. statey*, t. 35 (pp. 184–200), S.-Peterburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).

Sobraniye (1925) *uzakoneniy i rasporyazheniy rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of legalizations and orders of the workers' and peasants' government of the RSFSR], no. 14, art. 95 (166–176) (in Russian).

SU (1932) *RSFSR*, no. 74, art. 331 (437–441) (in Russian).

Sobraniye (1933) *zakonov i rasporyazheniy Raboche-krest'yanskogo pravitel'stva SSSR (SZ SSSR)* [Collection of laws and orders of the Workers 'and Peasants' Government of the USSR], otd. 1, stlb. 444 (in Russian).

Suleimanov, A.A. (2019). Akademiya nauk SSSR i arkheologicheskoye izucheniye arkticheskikh rayonov Yakutii v 1950-ye–1970-ye gg [Academy of Sciences of the USSR and archaeological study of the Arctic Regions of Yakutia in the 1950s–1970s.], *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1, 5–15 (in Russian).

Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TSGA SPb) [Central State Archive of St. Petersburg], f. R-1001, op. 9, d. 1; f. R-2555, op. 1, d. 926, 953, 1012; f. R-2556, op. 3, d. 2 (in Russian).

Ustavy (1974) *Akademii nauk SSSR* [Statutes of the Academy of Sciences of the USSR], Moskva: Nauka (in Russian).

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ СИДОРОВ

доктор физико-математических наук,
профессор Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия;
e-mail: sidorovsp@yahoo.com

СОФЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ТИХОНОВА

доктор философских наук,
профессор Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия;
e-mail: segedasv@yandex.ru

Инструментальные методы анализа медиапространства в цифровой гуманитаристике

УДК: 168.522:001.895

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-118-131

Статья посвящена анализу места и роли инструментальных математических методов в методологии цифровой гуманитаристики. Авторы исследуют их потенциал с точки зрения преодоления фрагментарности цифровой методологии за счет широты применимости метода. «Достаточная» широта инструментальных методов, способная усилить положительную конвергенцию цифровой методологии, обеспечивается их применимостью к самым разным аспектам новостных потоков медиапространства. Под новостным потоком понимается совокупность новостей, генерируемых: а) информационными агентствами, б) предварительными материалами первичных источников, в) социальными сетями. Авторы рассматривают инструментальные средства анализа как разновидность систем машинного обучения, приме-

© Сидоров С.П., Тихонова С.В., 2023

няемых для определения трендов медиапространства. Их применимость ориентирована на количественную оценку текстовых сообщений (характер, влияние, релевантность, новизна), а также различные по степени сложности формы сентимент-анализа, позволяющие отразить контекст новостного сообщения, положительный, отрицательный или нейтральный. Для этого используется или расчет индекса DISAG расхождения в оценке сообщения, или такие модели машинного обучения, как наивный байесовский классификатор, логистическая регрессия, композиции деревьев решений, полносвязные нейросети, сверточные нейросети, рекуррентные нейросети. Особое внимание уделено вспомогательным базам данных — словарям, лексикону и грамматике, а также библиотекам подпрограмм, предназначенным для выполнения задач, связанных с анализом текстов, и агрегаторам новостного потока. Авторы приходят к выводу о том, что глубокий анализ количественных характеристик тех или иных новостных потоков или взаимодействий пользователей социальных сетей позволяет решать типовые задачи в основных областях цифровой гуманитаристики, тем самым способствуя унификации ее методологии.

Ключевые слова: цифровая гуманитаристика, цифровая методология, медиапространство, новостной поток, инструментальные методы анализа.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах», <https://rscf.ru/project/22-18-00153/>.

Введение

Цифровая гуманитаристика — один из самых актуальных трендов в науках о человеке и обществе в нынешнем столетии. Потенциал цифровых исследований в этой сфере выглядит настолько масштабным, что, возможно, мы стоим на пороге весьма существенных изменений научных дисциплин, традиционно интегрированных в культуру печатной книги. В ближайшей перспективе возможен как рост получаемых результатов (приращение нового знания), так и увеличение «плотности покрытия» предметов гуманитарного изучения (освоение белых пятен, усиление эмпирического качества обоснования гипотез). Но самое интересное происходит в области методологии цифровой гуманитаристики. Собственно, определение дисциплинарного статуса этого направления связано именно с рефлексией специфики его методологических оснований. Пока доминирующей остается позиция, согласно которой цифровая гуманитаристика — это скорее новое междисциплинарное поле, чем самостоятельная дисциплина. Е.В. Самостиенко, например, связывает цифровую гуманитаристику с концепцией «зон обмена» П. Галисона и рассматривает ее как зону обмена, «включающую в себя большое количество автономных зон и создающую нечто наподобие рассеянной когнитивной лаборатории, содержащей не только идеи, но и информационно-технологический базис, набор коммуникационных практик и инструментов, с помощью которых эта сфера оказывается вписана в более широкую социокультурную и технологическую инфраструктуру» [Самостиенко, 2018, с. 38]. Вслед за ней Р.И. Мамина и Е.Е. Елькина видят в цифровой

гуманитаристике конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта, появление которого связано с «трансформацией объекта и предмета исследования, ослаблением критериев объективности научного познания, методологическим и инструментальным характером междисциплинарности, преимущественно прикладным характером исследований» [Мамина, Елькина, 2020, с. 34]. Тем не менее Е.К. Погорский подчеркивает трансдисциплинарный характер цифровых гуманитарных наук [Погорский, 2014], а трансдисциплинарность сегодня трактуется как одна из ключевых эпистемических характеристик современного научного знания. Ее задача — связать воедино не только акторов академической науки, но и гражданских экспертов в процессе интергации различных методологических проектов в рабочий инструмент. Эти интегральные «сплавы» характерны как для фундаментальных областей, так и для локальных стратегий. Таким образом, хотя цифровая гуманитаристика продолжает оставаться методологически рыхлой дисциплиной, в ней вполне могут появляться и закономерно появляются достаточно широкие по применимости методы, способные связать в единое целое если не всю цифровую гуманитаристику, то достаточно крупные ее ареалы. Если до сих пор основным подходом изучения развития цифровой гуманитаристики был подход институциональный, связанный с анализом сложившихся цифроориентированных исследовательских центров [Mozhaeva, 2015], их миссий и проектов, то в начавшемся десятилетии у нас появляются основания фиксировать именно методологическую динамику цифровой гуманитаристики. Таким образом, нам необходимо сосредоточиться на поиске, обосновании и рассмотрении «достаточно широких» методов цифровой гуманитаристики. В данной статье мы остановимся на анализе группы математических методов, связанных с информационными технологиями и инструментальными средствами.

Специфика «цифровой» методологии: от атрибуции до калибровки

М. Террас, подводя итоги первого десятилетия существования цифровой гуманитаристики (точкой отсчета автор считает 2004 г.; отметим, что эта позиция не является общепринятой) и обосновывая перспективы следующего десятилетия, предложила использовать две кривые прогноза распространения инноваций для того, чтобы установить, что является собственно цифровой гуманитаристикой с точки зрения методологии [Terras, 2016]. Первая кривая — колоколообразная кривая Роджерса, разделенная на четыре сегмента. Первый сегмент — ранние инновации, начинается рост; второй сегмент — раннее меньшинство, распространение инновации достигает пика; третий сегмент — начинается спад, в котором технологии проникают в позднее большинство; четвертый сегмент — кривая приходит к нулю, захватывая позднейших пользователей. Цифровая гуманитаристика, по мнению Террас, предполагает использование цифровых технологий преимущественно на их инновационном этапе. Логика этого утверждения такова — там, где цифровые технологии рутинизированы и используются повсеместно, они адаптированы к общим культурным контекстам. Сегодня все исследователи работают с медиатекстами цифровых библиотек, эта работа подчиняется цифровым принципам функционирования такого рода сервисов, но она слабо затрагивает используемую читателем методологию исследования, которая, несмотря, например, на поиск текстов по

ключевым словам, продолжает оставаться качественной методологией аналитики печатного текста. Максимальная «концентрация» цифры достигается тогда, когда исследователь или проектирует ее сам, или адаптирует под свои задачи еще не получившим массового хождения способом.

Вторая кривая — цикл ажиотажа компании *Gartner*, в которой ажиотаж вокруг новой технологии проходит пять этапов — за технологическим прорывом следует пик завышенных ожиданий, когда люди ждут, что новое решение окажется панацеей от большинства проблем. Завышенные ожидания, подкрепленные опытными данными о границах применимости инновации, обрушиваются во впадину разочарования, где инновация выглядит почти так же малопривлекательно, как и на старте. И только новые усилия по ее совершенствованию могут привести ее по «склону просвещения» на «плато продуктивности», где инновация начинает давать устойчивые результаты, которые, однако, никогда не достигают высоты прогнозов пика завышенных ожиданий. По мнению Террас, писавшей свою статью в 2014 г., цифровая гуманитаристика находится на вершине пика ожиданий, где и политики, и общественность, и само академическое сообщество ждут от нее небывалых свершений. Ей предстоит еще упасть во впадину разочарований и затем медленно и неуклонно начать свое восхождение к плато надежных массовых результатов.

Возможно, это удивительно, но в 2023 г. (почти прошла прогнозируемая Террас новая декада!) ситуация с цифровой гуманитаристикой не изменилась — она по-прежнему на пике завышенных ожиданий. Почему так происходит? Именно потому, что ее место на кривой Роджерса обозначено верно. Здесь формируется маргинальный для традиционной методологии статус исследователей, обеспечивающий им научное лидерство [Шиповалова, 2018]. Поскольку сердце «цифры» там, где возможны эксперименты с еще не стандартизированной технологией, мы наблюдаем стабильную ситуацию, когда исследовательская задача ставится в одной технологической перспективе, а продолжается в другой, так и не завершившись в исходной. Пока исследователи осваивают один «сервис», появляется новый, более удобный, или с большим количеством опций, или с упрощенным доступом. Потребность в работе со старым отпадает прежде, чем он получит достаточно широкое распространение в академической среде. Часто цифровую гуманитаристику представляют как чрезвычайно фрагментированную область, в которой в разных сегментах совершенно разные цифровые технологии внедряются в научный метод. Нельзя сказать, что у этого подхода нет оснований. Но нужно не забывать о том, что разные технологически опосредованные методы обеспечивают различное качество результата. Поэтому всегда будут появляться достаточно устойчивые цифровые методы, которые могут давать сильные результаты и иметь значение для достаточно широких групп исследований. Такие методы если и не получают доминирующей позиции в цифровой гуманитаристике, то, по крайней мере, могут задавать в ней тренды. Они и относятся к области нашего интереса.

Но, прежде чем мы перейдем к их рассмотрению, необходимо одно методологическое замечание. Спектр цифровых технологий, применяемых в качестве рабочих инструментов в гуманитарных исследованиях, весьма разнообразен, как и их функциональные роли. Не случайно Э. Арнольд настаивает на том, что необходимо разделять четыре различных значения, в которых вообще сегодня употребляется понятие цифровой гуманитаристики (Digital Humanities): во-первых, это цифровые гуманитарные науки как исследовательская служба; во-вторых, цифровые

гуманитарные науки как метод исследования; в-третьих, исследования цифровых сервисов для гуманитарных наук, в-четвертых, исследования цифровых методов в гуманитарных науках [Arnold, 2020]. В первом случае технология является не частью исследовательского процесса, она играет роль вспомогательной инфраструктуры для методологии, которая продолжает оставаться «классической». Во втором случае сам метод устроен таким образом, что представляет собой последовательность компьютерно-опосредованных процедур, использование машинного языка или базы данных составляет его суть. В третьем случае исследуются конкретные технологии, применяемые в научных изысканиях; само такое исследование является разновидностью прикладной информатики. В четвертом случае речь идет об исследованиях самих цифровых методов (Арнольд в качестве примера приводит исследования алгоритмов автоматической или полуавтоматической лемматизации корпусов текстов). Все четыре варианта тесно связаны между собой, но тем не менее очевидно, что перед нами детализация методологии как таковой — цифровизация инфраструктуры метода, цифровизация самого метода, цифровизация его отдельных процедур и этапов. Соответственно, искомый «достаточно широкий» цифровой метод должен относиться ко второму значению Э. Арнольда. При этом его широта будет определена не столько характером технологий, сколько спецификой его объекта. Когда объект достаточно обширен, потенциал связанного с ним метода очевидно возрастает. Одним из самых широких объектов цифровой гуманитаристики на сегодняшний день является медиапространство. В подавляющем большинстве случаев при анализе современного общества, его культурных и антропологических характеристик исследователи фокусируются именно на нем.

Сам концепт медиапространства закрепляется в социогуманитарном дискурсе с середины 1980-х гг. благодаря работам Роберта Сталтса, посвященным довольно экзотическому для того времени опыту удаленной работы. Весьма быстро это понятие стали применять не только к телерешениям для офисов, но и ко всем технически опосредованным формам взаимодействия пространственно рассредоточенных людей. Сегодня о медиапространстве чаще всего говорят как о «вместилище» информационных процессов, хотя в рамках пространственного подхода его могут рассматривать как систему отношений, ядром которой являются традиционные СМИ, перешедшие в цифровую форму, и так называемые медиа [Елисеева, 2019]. Иначе говоря, концепт медиапространства позволяет абстрагироваться от технологической архитектуры сети Интернет, сосредотачиваясь на информационных аспектах ее функционирования в том виде, в котором они затрагивают массового пользователя. Также он удобен тогда, когда речь идет о специфических коммуникационных возможностях новых интернет-сервисов в сравнении со старыми, а также о тех способах их применения, которые «изобретают» пользователи при их освоении. Поэтому обращение к медиапространству работает на всех уровнях социогуманитарного анализа — и тогда, когда речь идет о системных глобальных процессах внедрения медиа и тиражирования их содержания, и тогда, когда предметом анализа оказываются локальные пользовательские практики в антропологической перспективе. Медиапространство как методологическая категория достаточно масштабно по своему объему и содержанию, чтобы затрагивать интересы почти каждого гуманитария.

В последние годы набирает популярность метафора калибровки исследовательской оптики, с помощью которой фиксируют ревизию концептуального ядра

классических подходов, процедуры методологического синтеза или адаптацию уже сложившихся методов к нетрадиционным для них предметным областям. Полагаем, что калибровка исследовательской области в случае цифровой гуманитаристики вполне осуществима как уточнение пригодности метода к анализу типовых процессов предметной области. В медиапространстве к таковым можно отнести новостные потоки. С точки зрения структуры они относятся к динамичным, перманентно обновляемым элементам, в противоположность элементам статичным (например, сайтам).

Новостные потоки обеспечивают концентрацию внимания на удаленных от пользователей событиях; с их помощью соотносятся личный опыт и медийная картина мира через изменчивую систему клишированных образов. В соответствии с теорией глобального новостного потока, фокусирующейся на изучении традиционных СМИ, число и характер информационных сообщений о том или ином государстве в национальной медиасфере зависит от географических и экономических факторов, а также интенсивности межстрановых взаимодействий, распределение сообщений по разным типам СМИ зависит от специфики национальной системы массмедиа [Казун, 2018, с. 99]. Очевидно, что новые медиа подчиняются этим факторам в «ослабленном» формате; ключевыми в их работе являются алгоритмы генерирования и цензуры новостных лент. Однако, хотя медиапространство включает в себя различные с точки зрения институциональной природы медиа, к анализу их новостного содержания возможен универсальный подход.

Инструментальные средства анализа информационного потока

В последнее время возник устойчивый интерес к инструментальным средствам анализа информационного потока, генерируемого новостными агентствами, социальными сетями, блогерами и т. п. С одной стороны, завершившийся перенос традиционных медиа в интернет-пространство, а также широкое привлечение пользователей к участию в работе социальных сетей создали базу для автоматизированного поиска и анализа информации с помощью специализированных ботов и интернет-плагинов. С другой стороны, активное развитие методов сбора, агрегации и анализа текстовых данных (text mining), а также создание предназначенных для решения этих задач инструментальных средств предоставляет исследователям широкие возможности для изучения медиапространства.

Инструментальные и программные средства анализа медиапространства можно отнести к системам машинного обучения [Liu, 2020], так как они в своей работе используют методы искусственного интеллекта и интеллектуального анализа данных, включая алгоритмы обработки естественного языка, семантического и синтаксического анализа, а также методы математической статистики. Такие инструментальные средства позволяют в режиме реального времени определять тенденции роста интереса к той или иной теме, находить наиболее важные события или тренды.

Перейдем к описанию функционирования инструментальных средств и методов анализа медиапространства и новостной аналитики.

В процессе работы обозначенных инструментов происходит количественная оценка различных характеристик текстовых сообщений, среди которых можно выделить следующие:

- 1) *характер новости* (необходимо установить, является ли упоминание интересующего нас объекта в сообщении позитивным или негативным, или какое влияние — положительное или отрицательное — оказывается новостью на тот или иной анализируемый объект);
- 2) *влияние новостного сообщения* (характеризует силу влияния новости на масштаб вызванных ею изменений);
- 3) *релевантность* (показывает, насколько событие, описанное в новостном сообщении, относится к интересующему исследователя объекту);
- 4) *новизна* (показывает, насколько новым и информативным является данное сообщение).

Инструментальные средства анализа медиaproстранства нацелены на более глубокое понимание явлений и процессов, происходящих в нем, на основе количественной оценки вышеуказанных характеристик новостных сообщений.

Очевидно, что в современном мире уровень интенсивности генерации сообщений различными новостными агентствами или пользователями социальных сетей столь высок, что человек не в состоянии своими силами обработать этот информационный поток. События, потенциально способные изменить ситуацию, могут быть потеряны или просмотрены в огромном потоке сообщений. Именно поэтому автоматизированные средства анализа могут служить эффективным помощником при исследовании новостного потока.

Оценка характеристик новостей в виде количественных значений дает возможность их применения в математических моделях медиапотока. Зачастую процесс анализа новостей носит автоматический характер и включает следующие шаги:

- 1) отбор новостных сообщений в режиме реального времени из различных ресурсов;
- 2) предварительный анализ текстовых сообщений;
- 3) оценку ожиданий, вызванных публикацией новости, на основе текущей ситуации;
- 4) создание и применение количественных моделей.

Охарактеризуем эти шаги более подробно.

Новости могут быть извлечены из потока, генерируемого различными источниками:

1. *Новостные ресурсы информационных агентств.* Традиционные медиа до сравнительно недавнего времени распространяли свои сообщения, используя печатные ресурсы, радио, телевидение. Заметим, что это затрудняло получение общей картины новостного потока. Однако современные медиа и информационные агентства перенесли публикацию своих новостей и сообщений в сеть Интернет, что повлияло на процесс отслеживания, сбора и анализа единиц новостного потока. Более того, наличие тегов и индексирования новостей сделало возможной их автоматизированную обработку в режиме реального времени.

2. *Предварительные новости или материалы из первичных источников.* Предварительные новости представляют собой сырой, необработанный материал, который журналисты и медиа могут применять при написании текста новостного сообщения. Такой материал часто получается на основе анализа первичных источников, например, текстов принимаемых указов, законов, отчетов ЦБ или Счетной палаты, судебных документов, отчетов различных правительственных агентств, корпоративных ресурсов, компаний, анонсов, индустриальной и макроэкономической статистики.

3. *Социальные сети и информационные площадки (блоги, форумы, социальные сети, видеохосты и т. п.)*. Очевидно, что качество размещенных в социальных сетях сообщений должно тщательно проверяться из-за большого количества фейковых новостей, и существенный массив таких сообщений не является достоверным. Однако они дают исследователю возможность изучать и анализировать общее настроение совокупности однотипных сообщений, строить характеристики настроений социума на основе анализа лайков или дизлайков, оценок интереса к той или иной теме сообщений и т. п., а также использовать результаты моделирования для анализа трендов.

Сентимент-анализ (анализ настроений, или интеллектуальный анализ мнений) определяется как задача поиска мнений авторов о конкретных объектах. Общая архитектура общей системы анализа настроений выглядит следующим образом. Прежде чем приступить к классификации текстов и определению их настроения, необходимо провести их предобработку. Под текстом понимается одна строка из алфавитных и неалфавитных символов. Заметим, что обрабатывать его в таком виде неудобно, поэтому на начальном этапе необходимо выделить числовые признаки, для чего данные приводятся к удобному виду и нормализуются. Для заданной коллекции текстовых документов предобработка проводится следующим образом: осуществляется токенизация, затем все слова приводятся к нижнему регистру, далее удаляются стоп-слова и знаки пунктуации, происходит фильтрация слов по частоте/длине/регулярному выражению, и наконец осуществляется процесс лемматизации (стемминг).

Новостная аналитика измеряет релевантность, характер, новизну и весомость новости. Обработанные новости превращаются из текстовой информации в статистические данные, на основе которых анализируются взаимоотношения различных новостей (их взаимная корреляция). Потому время выхода новости при осуществлении такого анализа является важным.

Методы сентимент-анализа сообщений

Одна из важных задач, которые подлежат решению при разработке системы автоматизированного анализа новостного потока, состоит в получении количественной оценки сообщений. Другими словами, необходимо на основании содержания новостного сообщения (текста новости) найти некоторую количественную оценку, которая отражает контекст упоминания объекта в новости (положительное, нейтральное или негативное), что соответствует ожиданиям относительно объекта, которые связаны с этой новостью или вызваны ее появлением [Liu, 2020].

Самая простая формулировка этой проблемы состоит в оценке смысла новости на основе бинарной классификации (положительная/негативная). Более сложные формулировки могут включать использование шкалы положительности/негативности, что дает более дифференцируемую оценку ожиданий, связанных с сообщением.

Чтобы осуществить эту классификацию, необходимо проанализировать контекст и текст новости, ее эмоциональное содержание, т. е. интерпретацию новости читателями в терминах положительного или негативного восприятия. Количественная оценка эмоционального наполнения сообщения может проводиться с

использованием экспертов и/или психологических словарей. Однако это не исключает конфликта интерпретаций между различными экспертами.

Для оценки ожиданий, связанных с новостью, можно использовать следующие два достаточно простых подхода. Первый из них вычисляет некоторый индекс, базирующийся на поведении пользователей социальных сетей [Lavrenko et al., 2000], а именно вычисляется индекс DISAG расхождения в оценке сообщения

$$DISAG = \left| 1 - \frac{B - S}{B + S} \right|$$

где B — число лайков или положительных комментариев, а S — число дизлайков или негативных комментариев к сообщению социальной сети. Тогда значение $DISAG = 0$ означает, что среди пользователей нет разногласия, в то время как $DISAG = 1$ означает полное разногласие.

Второй подход к определению ожиданий относительно этой новости состоит в использовании методов машинного обучения и методов обработки естественного языка, в результате чего рассчитывается индекс ожиданий.

В частности, для классификации текстов используются многие модели машинного обучения, среди которых: наивный байесовский классификатор, логистическая регрессия, композиции деревьев решений, полносвязные нейросети, сверточные нейросети, а также рекуррентные нейросети.

Для оценки индекса ожиданий, связанных с новостным сообщением, применяются следующие методы [Liu, 2020].

1. *Примитивный классификатор*, самый простой из алгоритмов, считает количество положительных и отрицательных коннотаций слов. Если разность между этими величинами больше (или меньше) некоторого порогового значения, то новость считается положительной (или негативной), в иных случаях — нейтральной.

2. *Метод классификации сообщений на основе вычисления векторного расстояния* основан на том, что используется многомерное пространство, осями которого являются слова лексикона. Задается также множество обучающих примеров (сообщений), для которых заранее известна их принадлежность к одному из классов (позитивное, негативное или нейтральное). В процессе своей работы алгоритм находит скалярное произведение между новым сообщением и всеми сообщениями из множества обучающих примеров и определяет новое сообщение в тот класс, к которому это сообщение наиболее близко в смысле векторного расстояния.

3. *Дискриминантный классификатор* основан на предварительно установленных весовых значениях для каждого слова лексикона. Далее классификатор считает значение настроения сообщения как сумму весов слов лексикона, входящих в это сообщение (взвешенный подсчет). Для оценки веса для слова лексикона применяется обучающее множество сообщений, для каждого из которых известно, к какому из классов (нейтральное, отрицательное, положительное) оно принадлежит.

4. *Классификатор фраз «прилагательное — наречие»* основан на том факте, что фразы, использующие прилагательные и наречия, акцентируют ожидания и имеют больший вес. Этот метод считает слова из лексикона в новостном сообщении, но учитывает только те из них, которые идут совместно с прилагательными или наречиями.

5. Другим распространенным методом является *байесовский классификатор*, в котором новостное сообщение приписывается тому классу, вероятность принадлежать которому больше.

В настоящее время во многих языках программирования разработаны библиотеки подпрограмм, предназначенные для выполнения задач, связанных с анализом текстов (text mining). В рамках данной статьи невозможно рассказать обо всех из них, поэтому упомянем лишь библиотеки *tm* (язык *R*) и *Spacy* (язык *Python*):

- Библиотека *tm* для работы на языке программирования *R* обладает рядом функций, предназначенных для проведения интеллектуального анализа текстов. Эта библиотека содержит методы импорта данных, обработки корпуса текстов, предварительной обработки текстовых фрагментов, управления метаданными и создания матриц терминов и документов [Feinerer et al., 2008].
- *spaCy* — это бесплатная библиотека с открытым исходным кодом, написанная на языке *Python*, с множеством встроенных возможностей для обработки естественного языка (Natural Language Processing — NLP). Эта библиотека является одним из самых популярных инструментов, предназначенных для решения задач обработки и анализа текстовых данных. Пакет подпрограмм содержит функции обработки естественного языка, включая инструменты предварительной обработки и очистки текстовых данных. Кроме того, он содержит средства токенизации, удаления стоп-слов, нормализации слов, векторизации текста [Neumann et al., 2019]. Важной частью функциональных возможностей является использование классификаторов машинного обучения для прогнозирования настроений.

Еще одной важной тенденцией последнего времени является появление агрегаторов новостного потока, создание полномасштабных баз новостей и публикаций за большой промежуток времени. Такие агрегаторы являются результатом работы коллективов крупных медиаресурсов и медиакомпаний и могут предоставлять ограниченно бесплатный доступ для исследователей.

Одним из таких амбициозных проектов является *GDELT* (Глобальная база данных событий, языка и тональности), созданный Джорджтаунским университетом на основе использования разработок *Google* [Leetaru, Schrod, 2013]. *GDELT* отслеживает и собирает в режиме реального времени все онлайн-новости, автоматически переводит их на английский язык и кодирует каждую новостную статью по теме, настроению и тональности, местоположению и объектам (организациям и лицам). Этот процесс использует алгоритмы анализа текстов (text mining), поддерживаемые *Google Cloud*; при этом генерируется более 1 триллиона различных записей данных в год.

Заключение

Таким образом, в настоящее время исследователи, специализирующиеся на изучении проблем цифровой гуманитаристики, имеют в своем арсенале достаточно широкий набор математических методов и инструментальных программных средств, которые могут служить мощным средством для проведения более глубокого анализа процессов, происходящих в медиaprостранстве, на основе оценки

количественных характеристик соответствующего новостного потока или взаимодействия пользователей социальных сетей. Эти инструменты очевидно применимы для традиционных задач теории журналистики *media studies*, прямо ориентированных на новостной цифровой контент. Вместе с тем они пригодны для решения любых задач, связанных с исследованием содержания «общественного сознания», «общественного мнения» или «дискурсов», т. е. концептов, методологически развиваемых философскими, социологическими, лингвистическими и культурологическими дисциплинами. С помощью анализа новостных потоков могут изучаться коллективные представления о прошлом и истории, релевантные исследовательским задачам в русле *memory studies*. Значим этот инструментарий и при анализе политических идентичностей. Кроме того, рассмотренные инструментальные средства пригодны для решения задач социологии науки, поскольку сегодня сама наука существует как сеть, объективирующаяся в цифровых форматах, а основные социальные сети, специализированные под научно-исследовательские задачи (*Academia.edu* и *ResearchGate*) оснащены инструментами генерации новостных потоков. Рассмотренные нами инструментальные математические методы обладают широким эвристическим потенциалом, позволяющим применять их к самым различным аспектам функционирования медиапространства, консолидируя тем самым исследовательские программы цифровой гуманитаристики.

Литература

- Дойу Ш. Психология финансовых рынков: Кейнс, Мински и поведенческие финансы / Пер. с англ. А. Маловой // Вопросы экономики. 2010. № 1. С. 99–113.
- Елисеева М.А. Медиапространство: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: «Философия. Психология. Педагогика». 2019. Т. 19. № 1. С. 4–7. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-4-7.
- Казун А.Д. Глобальный новостной поток (О каких странах говорят российские СМИ и почему?) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. Т. 91. № 4. С. 90–105.
- Мамина Р.И., Елькина Е.Е. Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта? // Дискурс. 2020. Т. 6. № 4. С. 22–38. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-22-38.
- Можжаева Г.В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика. 2015. № 9. С. 8–23. DOI: 10.17223/23046082/9/1.
- Погорский Э.К. Особенности цифровых гуманитарных наук [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/5/Pogorskiy_Digital-Humanities/ (дата обращения: 10.07.2023).
- Самостийченко Е.В. Digital Humanities в русскоязычном контексте: траектория институционализации и механизмы формирования автономных зон // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 4. С. 37–45.
- Шиповалова Л.В. Маргинальность и лидерство в науке // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. № 4. С. 39–51. DOI 10.24411/2079-0910-2018-10019.
- Arnold E. Digital Humanities: Is it Research or is it Service? // Digital Humanities München. 2020. 26 Juli.
- Liu B. Sentiment Analysis: Mining Opinions, Sentiments, and Emotions. Cambridge. Cambridge University Press, 2020. 448 p.
- Feinerer H., Hornik K., Meyer D. Text Mining Infrastructure in R // Journal of Statistical Software. 2008. Vol. 25. No. 5. P. 1–54.

Lavrenko V., Schmill M., Lawrie D., Ogilvie P., Jensen D., Allan J. Language Models for Financial News Recommendation // Conference on Information and Knowledge Management. Proceedings of the Ninth International Conference on Information and Knowledge Management. McLean, Virginia, United States, 2000. P. 389–396.

Leetar K., Schrod P.A. Gdelt: Global Data on Events, Location and Tone, 1979–2012 // Technical Report. KOF Working Papers, 2013.

Neumann M., King D., Beltagy I., Ammar W. ScispaCy: Fast and Robust Models for Biomedical Natural Language Processing // Proceedings of the 18th BioNLP Workshop and Shared Task. Florence: Association for Computational Linguistics, 2019. P. 319–327.

Terras M. A Decade in Digital Humanities // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Vol. 9. No. 7. P. 1637–1650. DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-7-1637-1650.

Instrumental Methods of Media Space Analysis in Digital Humanities

SERGEI P. SIDOROV

Saratov State University,
Saratov, Russia;
e-mail: sidorovsp@yahoo.com
ORCID: 0000-0003-4047-8239

SOPHIA V. TIKHONOVA

Saratov State University,
Saratov Russia;
e-mail: segedasv@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2487-3925

The article deals with the analysis of the place and the role of instrumental mathematical methods in the methodology of the digital humanities. The authors explore the potential of those methods in terms of overcoming the fragmentation of the digital methodology due to the breadth of applicability of the method. The “sufficient” breadth of instrumental methods, which can strengthen the positive convergence of digital methodology, is ensured by their applicability to various aspects of news flows of the media space. A news stream is a collection of news generated by a) news agencies, b) preliminary materials from primary sources, c) social networks. The authors consider analytical tools as a kind of machine learning systems used to determine trends in the media space. Their applicability is focused on the quantitative assessment of text messages (nature, influence, relevance, novelty), as well as the forms of sentiment analysis of varying degrees of complexity, allowing to reflect the context of a news message, positive, negative or neutral. To do this, either the calculation of the DISAG index of the discrepancy in the evaluation of the message is used, or such machine learning models as the naive Bayesian classifier, the logistic regression, the compositions of decision trees, the fully connected neural networks, the convolutional neural networks, the recurrent neural networks. The authors pay special attention to auxiliary databases — dictionaries, lexicon and grammar, as well as libraries of subroutines designed to perform tasks related to text analysis, and aggregators of the news stream. The authors come to the conclusion that a deep analysis of the quantitative characteristics of certain news

streams or interactions of the users of social networks allows solving typical tasks in the main areas of digital humanities, thereby contributing to the unification of its methodology.

Keywords: digital humanities, digital methodology, media space, news flow, instrumental methods of analysis.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation according to the research grant No. 22-18-00153 “The image of the USSR in historical memory: a study of media strategies for reproducing ideas about the past in Russia and foreign countries”, <https://rscf.ru/project/22-18-00153/>.

References

- Arnold, E. (2020). Digital Humanities: Is it Research or is it Service? *Digital Humanities München*, 26 Juli.
- Dow, Sh. (2010). Psikhologiya finansovykh rynkov: Keynes, Minski i povedencheskiye finansy [Psychology of financial markets: Keynes, Minsky and behavioral finance], *Voprosy ekonomiki*, no. 1, 99–113 (in Russian).
- Eliseeva, M.A. (2019). Media Space: Socio-Philosophical Analysis, *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 19 (1), 4–7 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-4-7.
- Feinerer, H., Hornik, K., Meyer, D. (2008). Text Mining Infrastructure in R, *Journal of Statistical Software*, 25 (5), 1–54.
- Kazun, A. (2018). Global'nyy novostnoy potok (O kakikh stranakh govoryat rossiyskiye SMI i pochemu?) [Global news flow (What countries Russian media talk about and why)], *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 91 (4), 90–105 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2018-91-4-90-105.
- Lavrenko, V., Schmill, M., Lawrie, D., Ogilvie, P., Jensen, D., Allan, J. (2000). Language Models for Financial News Recommendation, in *Conference on Information and Knowledge Management. Proceedings of the Ninth International Conference on Information and Knowledge Management* (pp. 389–396), McLean, Virginia, United States.
- Leetaru, K., Schrod, P.A. (2013). Gdelt: Global Data on Events, Location and Tone, 1979–2012, *Technical Report, KOF Working Papers*.
- Liu, B. (2020). *Sentiment Analysis: Mining Opinions, Sentiments, and Emotions*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Mamina, R.I., Yelkina, E.E. (2020). Digital Humanities: Is it a New Science or a Set of Models and Practices of the Global Network Project?, *Discourse*, 6 (4), 22–38 (in Russian). DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-22-38.
- Mozhaeva, G.V. (2015). Digital Humanities: Tsifrovoy povorot v gumanitarnykh naukakh [Digital Humanities: Digital turn in the humanities], *Gumanitarnaya Informatika*, no. 9, 8–23 (in Russian). DOI: 10.17223/23046082/9/1.
- Neumann, M., King, D., Beltagy, I., Ammar, W. (2019). ScispaCy: Fast and Robust Models for Biomedical Natural Language Processing, *Proceedings of the 18th BioNLP Workshop and Shared Task* (pp. 319–327), Florence: Association for Computational Linguistics.

Pogorskiy, E.K. (2014). Osobennosti tsifrovyykh gumanitarnykh nauk [Features of digital humanities]. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/5/Pogorskiy_Digital-Humanities/ (date accessed: 10.07.2023) (in Russian).

Samostienko, E.V. (2018). Digital Humanities v russkoyazychnom kontekste: trayektoriya institutsionalizatsii i mekhanizmy formirovaniya avtonomnykh zon [Digital Humanities in the Russian-speaking context: the trajectory of institutionalization mechanisms of formation of autonomous zones], *Vestnik Vyatkinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, 37–45 (in Russian).

Shipovalova, L.V. (2018). Marginal'nost' i liderstvo v nauke [Marginality and leadership in science], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 9 (4), 39–51 (in Russian). DOI: 10.24411/2079-0910-2018-10019.

Terras, M. (2016). A Decade in Digital Humanities, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 9 (7), 1637–1650. DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-7-1637-1650.

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

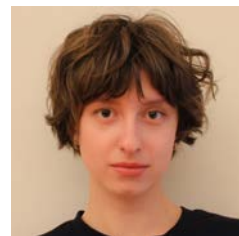
ДМИТРИЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ ИВАНОВ

доктор социологических наук,
профессор Северо-Западного института управления —
филиала РАНХиГС,
заведующий кафедрой теории и истории социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: dvi1967@gmail.com

АННА СЕРГЕЕВНА ЧЕРНОИВАНОВА

инженер-исследователь факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: st097647@student.spbu.ru

По другую сторону цифрового разрыва: практики использования информационно-коммуникационных технологий социально депривированными людьми

УДК: 316.3

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-132-146

В статье представлены результаты проведенных в 2020–2022 гг. исследований, посвященных практикам использования цифровых технологий жителями российских мегаполисов. Исследования, проведенные с использованием как количественной, так и качественной методологии, показывают превращение использования цифровых технологий в рутинные в разных социальных слоях, включая группы с низкими доходами и ограниченными возможностями потребления, а также раскрывают специфику практик цифровизации среди социально депривированных горожан — бездомных клиентов социальных служб. Результаты исследований меняют устоявшиеся представления о характере той формы неравенства, которая среди исследователей получила название «цифровой разрыв», и показывают, что цифровизация стала социальной рутиной и для тех, кто в теоретических представлениях социологов нахо-

дится далеко по другую сторону «цифрового разрыва». В статье показано, что предмет изучения неравенства в условиях тотальной и рутинной цифровизации образуют более тонкие, чем общий «цифровой разрыв», различия между социальными группами и их практиками.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой разрыв, бездомные, социальная депривация.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 21-18-00125. Авторы также благодарны Центру социологических и интернет-исследований СПбГУ за сбор и обработку эмпирических данных (проекты № 106-16435 и 106-27799).

Введение: рутинность цифровизации и новая постановка проблем ее изучения

Дискурс цифровизации, недавно привнесенный в социологию с претензией на инновационность и перспективность исследуемой проблематики, быстро превратился в академическую рутину. Поисковый запрос в наукометрической базе данных на сайте *elibrary.ru* показывает, что за пятилетний период 2018–2022 гг. по тематике «Социология» индексируется 2 812 журнальных статей, содержащих в названии или в перечне ключевых слов термин «цифровизация». При этом за предшествующее пятилетие (2013–2017) в базе данных находится лишь 47 таких статей. Исследования цифровизации, сфокусированные на внедрении цифровой инфраструктуры и на практиках лидеров ее использования, формируют запоздалый дискурс, поскольку использование цифровых технологий уже стало социальной рутиной. О рутинном характере использования цифровых технологий большинством населения России свидетельствуют данные регулярно проводимых массовых опросов и статистических обследований. Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету, по данным Росстата и исследователей из НИУ ВШЭ, превышает 76% [*Информационное общество...*, 2020]; доля взрослого населения, ежедневно пользующегося интернетом, по данным еженедельных опросов ВЦИОМ, на протяжении 2022 г. колебалась в диапазоне 71–77% [*ВЦИОМ*, 2023]. В российских мегаполисах — Москве и Санкт-Петербурге — показатели ежедневного использования интернета выше средних по стране и приближаются к уровню 90% взрослого населения [*Асочаков и др.*, 2021, с. 77].

Рутинность и тотальность цифровизации делают нерелевантным для социологов тот менеджериально-бюрократический подход, который сейчас господствует и представляет развитие цифровых платформ как социетальную инновацию, сконцентрирован на оценке эффективности социальных институтов в зависимости от уровня внедрения цифровых сервисов и ориентирует на изучение практик лидеров освоения цифровых устройств. По-настоящему новое знание социологи могут генерировать теперь, отказавшись от менеджериально-бюрократического подхода и сместив фокус внимания со ставших рутиной «лучших практик» и с превратившихся в среднестатистическую массу «лидеров» на недавних «аутсайдерах» процессов

цифровизации — на те сообщества и социальные категории, которые в силу своего традиционализма или своей депривированности не были пионерами освоения цифровых технологий, но сейчас формируют собственную социальную рутину цифровизации.

В данной статье представлены результаты проведенных в 2020–2022 гг. исследований, посвященных практикам использования цифровых технологий жителями российских мегаполисов. Результаты, полученные группой петербургских социологов с использованием как количественной, так и качественной методологии, показывают степень обыденности использования цифровых технологий в разных социальных слоях, включая группы с низкими доходами и ограниченными возможностями потребления, а также раскрывают специфику практик цифровизации среди социально депривированных горожан — бездомных клиентов социальных служб. Результаты исследований меняют устоявшиеся представления о характере той формы неравенства, которая среди исследователей получила название «цифровой разрыв», и показывают, что цифровизация стала социальной рутиной и для тех, кто в теоретических представлениях социологов находится далеко по другую сторону «цифрового разрыва».

Практики цифровизации среди жителей мегаполисов и эволюция «цифрового разрыва»

Эмпирические данные отчетливо указывают на моральное устаревание дискурса цифровизации, поскольку использование цифровых технологий становится социальной рутиной, особенно в крупных городах. Если, по данным ВЦИОМ, три четверти взрослого населения страны — ежедневные пользователи интернета, то в российских мегаполисах, Москве и Санкт-Петербурге, их доля существенно больше и, по нашим данным, выходит на уровень 90–95% (табл. 1).

Табл. 1. Распределение ответов респондентов в Москве и Санкт-Петербурге на вопрос о частоте использования интернета, %

Fig. 1. Breakdown of respondents in Moscow and St. Petersburg by frequency of the internet usage, %

	Москва		Санкт-Петербург	
	2020	2022	2020	2022
Пользуются ежедневно	87,2	92,7	83,7	94,8
Несколько раз в неделю / месяц / год	5,5	4,0	6,1	3,5
Практически / совсем не пользуются	7,1	3,2	9,7	1,7

Данные об использовании цифровых технологий жителями российских мегаполисов были получены в ходе двух исследований, проведенных в Москве и Санкт-Петербурге в 2020 и 2022 гг. Методом сбора данных был телефонный опрос. Формализованные интервью проводились с использованием технологии САТІ на оборудовании ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования» (проекты № 106-16435 и 106-27799). Опрос проводился по квотным выборкам. Квотирование осуществлено по полу и возрасту. Объем вы-

борок составил 356 (в опросе 2020 г.) и 600 (2022) чел. в Москве, 420 (2020) и 600 (2022) в Санкт-Петербурге. Ошибка для каждой выборки не превышает 5% с вероятностью 95%.

Распространенность и интенсивность практик использования интернета рассматриваются сейчас исследователями в качестве важнейшего и в большой степени интегрального показателя процессов цифровизации. Интернет-коммуникации пользователей представляют собой активные и в большинстве случаев отрефлексированные практики. Существуют также и фоновые, менее отрефлексированные практики обращения к цифровым технологиям: использование мобильных приложений, оплата товаров и услуг банковскими картами, использование банкоматов, платежных терминалов, турникетов в транспорте и общественных пространствах, считывание QR-кодов и т. д. Такого рода практики также приводят к генерации цифровых данных, циркулирующих через компьютерные сети. Однако именно интенциональное обращение к интернет-сайтам и мобильным приложениям чаще всего ассоциируется с процессами цифровизации, находится в фокусе внимания как пользователей в их повседневной жизни, так и ученых в их исследованиях социальных эффектов распространения цифровых технологий.

Данные проведенных исследований показывают, что использование цифровых технологий стало социальной рутиной в крупнейших городах, где абсолютно доминирует большинство, оценивающее свои интернет-коммуникации как ежедневные. Доля этого большинства за два года принудительной виртуализации социальной жизни в условиях анти-ковидных ограничений выросла примерно на пять процентных пунктов и в начале 2022 г. превышала 90%. О рутинности цифровизации свидетельствуют ответы о регулярном использовании цифровых технологий в практиках работы, потребления, общения. О регулярном использовании компьютера или мобильного телефона для обсуждения и решения рабочих вопросов заявили больше половины респондентов: 56,5% в Москве и 52% в Санкт-Петербурге. Регулярное использование цифровых устройств для совершения банковских операций характерно для примерно двух третей респондентов: 67% в Москве и 61% в Санкт-Петербурге. На совершение ими покупок в прошедшем году на цифровых платформах — маркетплейсах также указали примерно две трети (самую популярную из этих платформ, *Ozon*, упомянули 67% в Москве и 63% в Санкт-Петербурге). Регулярное общение с друзьями и близкими через социальные сети отметили около половины респондентов (44,7% в Москве и 48,5% в Санкт-Петербурге), а через мессенджеры — больше трех четвертей (соответственно, 81,3% и 77,2%).

Данные исследования показывают также, что превращение использования цифровых технологий в социальную рутину для подавляющего большинства захватывает и большинство представителей низкодоходных групп населения. Даже среди тех, кто относит себя к нуждающимся в самом необходимом, ежедневное использование цифровых технологий — практика абсолютного большинства (табл. 2). А это означает, что нужно пересмотреть представления о той форме неравенства, которую принято называть «цифровым разрывом» (*digital divide*).

Первоначально цифровой разрыв сводился к разделению на имеющих и не имеющих доступ к компьютерам и подключение к компьютерным сетям. Но с превращением мобильных устройств в относительно недорогие предметы потребления, а доступа к широкополосному интернету в недорогую услугу возникла концепция цифрового разрыва второго рода — разделения на умеющих и не умеющих поль-

Табл. 2. Доля ежедневно использующих интернет
в различных потребительских стратах, %

Fig. 2. The share of the everyday users of the internet by different consumer strata, %

	Москва		Санкт-Петербург	
	2020	2022	2020	2022
Денег не хватает даже на самое необходимое — еду, одежду, коммунальные платежи	70,3	75,9	67,6	84,3
На самое необходимое денег хватает, но на покупку бытовой техники, мебели, на развлечения и путешествия денег нет	86,4	89,0	75,6	96,6
Денег на жизнь в общем хватает, но на покупку автомобиля денег нет	90,8	96,8	94,4	97,9
Денег хватает на все, кроме покупки квартиры/дома	91,4	98,7	90,6	95,0
Деньги есть практически на любые крупные покупки	86,8	94,1	100,0	85,0

зоваться имеющимися возможностями интернет-коммуникаций [Hargittai, 2021; Van Dijk, 2020; Ragnedda, 2017; Мартыненко, Добринская, 2021]. Цифровой разрыв первого рода, как и ожидали в конце прошлого века кибероптимисты — энтузиасты социального прогресса на базе развития цифровых технологий, сейчас заметно уменьшился и разрывом уже не выглядит, что и показывают полученные в наших исследованиях данные о частоте использования интернета в разных потребительских стратах. Но и цифровой разрыв второго рода, увязываемый в мейнстриме с уровнем знаний и навыками использования цифровых технологий, не просматривается в данных о частоте использования интернета менее образованными и более образованными.

Дискурс о цифровом разрыве первого рода выглядит ритуальным, если даже среди нуждающихся и малообеспеченных (категории в двух верхних строках в табл. 2) суточная аудитория интернета составляет более двух третей и приближается к 100%. То есть постоянный доступ в интернет не является проблематичным и является повседневной практикой и одной из базовых потребностей в представлениях абсолютного большинства тех жителей российских мегаполисов, которые испытывают острую нехватку денег. Более того, цифровой разрыв первого рода перестает быть работающей моделью, когда связь между уровнем включенности в интернет-коммуникации и уровнем потребления утрачивает свой линейный характер в верхних потребительских стратах (группах в высокой степени обеспеченных и полностью обеспеченных).

Регулярно наблюдаемый эффект относительного снижения уровня включенности в интернет-коммуникации в верхних потребительских стратах можно объяснить тем, что за два десятилетия интернет эволюционировал, превратившись из сферы виртуальной свободы или виртуального эскапизма для меньшинства (технически продвинутых маргиналов, техногиков) в сферу новой социализации и инструмент нового социального контроля для абсолютного большинства посредством фактически нормативного принуждения к виртуализации большей части социальных интеракций и к цифровизации средств и среды этих интеракций. Не пользоваться интернетом ежедневно, избегать принудительной виртуализации/цифровизации становится новой привилегией для индивидов, обладающих высоким статусом и материальными возможностями, чтобы делегировать интернет-коммуникации дру-

гим, находящимся в подчиненном положении. Когда виртуализация социальных структур, внедрение в жизнь цифровых технологий из доступной немногим экзотики превращается во всеобщую рутину, более престижным становится переход в состояние поствиртуализации, где все цифровое, виртуальное уже менее ценно, чем аналоговое, реальное. Стремление к идентичности, отличающей от усредненного массового пользователя — объекта принудительной виртуализации/цифровизации, может быть тем фактором, который вызывает изменение паттерна цифрового разрыва в высокодоходных стратах.

Дискурс о цифровом разрыве второго рода, являющийся сейчас мейнстримом в изучении цифрового неравенства, также становится ритуальным. Если в начале XXI в. проблема нового неравенства была в различии уровня знаний и навыков, то сейчас, как показали и проведенные нами опросы в российских мегаполисах, исчезают существенные различия в частоте использования интернета между менее образованными и более образованными. В Москве о ежедневном использовании интернета в опросе 2022 г. заявили 87,3% респондентов, отнесших себя к группам с неполным средним, средним, средним специальным и средним техническим образованием, а в группах с высшим и неоконченным высшим образованием — 93,7% респондентов. В Санкт-Петербурге ежедневными пользователями интернета представили себя 88,3% среднеобразованных и 96,7% высокообразованных респондентов.

Исходя из приведенных выше данных, цифровой разрыв второго рода правильнее рассматривать как влияющие на доступность интернет-практик различия не в формальном уровне образования, а в уровне навыков использования цифровых технологий, полученных в период социализации. Дефицит таких навыков был характерен в предшествующее десятилетие для большинства представителей возрастной группы старше 60 лет. Однако сейчас наблюдается нивелирование поколенческих различий в интенсивности использования интернета. Так, в Москве по данным проведенных опросов доля ежедневных пользователей интернета в возрастной группе 60+ в начале 2020 г. составляла 61,2% и выросла к началу 2022 г. до 81,9%. В Санкт-Петербурге в этой же возрастной категории доля заявляющих о ежедневном использовании интернета выросла за два года с 55,3 до 89,3%. В возрастных группах 18—39 лет и 40—59 лет за тот же период существенного роста не произошло, так как для него уже практически нет потенциала. Среди молодежи и людей среднего возраста в российских мегаполисах суточная аудитория интернета в 2020 г. достигала уровня 90—95%, а к 2022 г. выросла до 95—99%. Таким образом, обусловленный различиями в поколенческом опыте разрыв в частоте использования интернета становится несущественным.

Абсолютное большинство во всех экономических стратах, образовательных и возрастных группах вовлечено в использование цифровых технологий, и «цифровой разрыв» как дифференциация на имеющее преимущества от использования цифровых технологий меньшинство и получающее меньше ресурсов и возможностей большинство теперь принимает другую форму. По мере превращения практик использования цифровых технологий в социальную рутину для большинства «цифровой разрыв» эволюционировал, последовательно принимая три формы:

- 1) разрыв между имеющими доступ и не имеющими доступа к цифровым технологиям;
- 2) разрыв между умеющими пользоваться и не умеющими пользоваться цифровыми технологиями;

- 3) разрыв между создателями цифрового контента и пассивными его потребителями.

Когда доступ к цифровым технологиям — это обыденность для абсолютного большинства, а не привилегия для состоятельных, а использование этих технологий — это рутина для большинства, а не уникальная компетенция технических специалистов, тогда цифровое неравенство перестает быть эксклюзивом — разделением на включенных и исключенных. Теперь неравенство становится инклюзивным: дифференциация внутри большинства включенных возникает потому, что преимущества от доступа и использования получают те, кто оказывается активнее и креативнее в рутинных практиках.

Исследования, включая данное, показывают, что пока только меньшинство ориентировано на активное создание сетевого контента и на извлечение из этого выгод и преимуществ. Имеющим преимущества, извлекающим выгоды из включенности в интернет-коммуникации меньшинством становятся не те, у кого выше экономический и образовательный статус, а более активные и креативные пользователи социальных сетей — интернет-платформ *Web 2.0*, где даже не имеющие навыков в программировании и веб-дизайне пользователи получили возможность создавать и размещать собственный контент. А лишенным выгод, зависимым и виртуально эксплуатируемым большинством оказываются те пользователи, которые остаются лишь пассивными потребителями контента.

В проведенных в 2022 г. опросах в российских мегаполисах заявили, что пользуются социальными сетями, 80% (в Москве) и 84% (в Санкт-Петербурге) тех респондентов, которые вообще используют интернет. Абсолютное большинство жителей мегаполисов — участники коммуникаций в социальных сетях, но это большинство предстает преимущественно потребителями контента, которые часто просматривают новости, читают посты других пользователей, смотрят видео, слушают музыку. Создание контента, то есть размещение собственных постов (ведение блогов, выкладывание текстов, историй, фото, видео, картинок и т. д.) оказывается менее популярной практикой. Лишь меньшинство, составляющее в каждом из мегаполисов менее 15% интернет-пользователей, считает, что практикует создание контента часто (табл. 3).

Данные нашего исследования указывают на существенный разрыв среди включенных в интернет-коммуникации по степени их активности. Этот род цифрового разрыва можно трактовать как новую форму неравенства, опираясь на концепцию дифференциации форм капитала, восходящую к идеям П. Бурдьё [Бурдьё, 2002]. Те активности, которые обеспечивают привлечение внимания к странице пользователя в социальной сети, способствуют наращиванию виртуальной формы символического капитала в виде принятых в сети знаков одобрения (лайков, позитивных комментариев) и возрастанию объема виртуальной формы социального капитала в виде сети «слабых» связей с друзьями и подписчиками (фолловерами). Создатели собственного контента, аккумулируя виртуальные формы капитала, привлекают внимание не только множества других пользователей. Наиболее успешные среди креативных пользователей социальных сетей привлекают рекламодателей и инвесторов. Таким образом, некоторые из числа активных пользователей получают возможность конвертации своих виртуальных ресурсов в реальный экономический капитал, тогда как пользователи — потребители контента оказываются «виртуальными пролетариями» — поставщиками внимания как наиболее ценного ресурса в постиндустриальном обществе.

Табл. 3. Дифференциация интернет-пользователей по активности в социальных сетях, %

Fig. 3. Differentiation of the internet users according to their activity on social networking platforms, %

Город	Москва						Санкт-Петербург					
Категории интернет-пользователей	18–39 лет	40–59 лет	60+ лет	Нуждающиеся	Среднеобеспеченные	Вполне обеспеченные	18–39 лет	40–59 лет	60+ лет	Нуждающиеся	Среднеобеспеченные	Вполне обеспеченные
Пользуются социальными сетями	93,6	73,3	72,4	80,3	82,5	72,7	90,6	81,3	78,7	86,9	84,5	63,2
Часто потребляют контент	73,0	54,8	50,9	50,8	61,3	53,0	67,7	51,5	61,5	63,6	60,1	50,0
Часто создают контент	13,7	9,5	10,8	10,9	10,4	17,6	14,3	11,1	14,2	9,2	13,3	15,0

Цифровой разрыв теперь проходит не между включенными и исключенными из практик использования новых информационно-коммуникационных технологий, а уже внутри массы включенных в эти практики. Более активное и креативное использование цифровых технологий дает преимущества создания виртуального капитала и его конвертации в социальный и экономический капиталы меньшинству пользователей. Это меньшинство — бенефициары цифрового разрыва третьего рода по отношению к большинству пользователей, остающихся пассивными потребителями цифрового контента. Но есть люди, исключаемые из этого разделения на меньшинство и большинство. Они встречаются с цифровыми технологиями далеко по другую сторону сегодняшнего цифрового разрыва. Для социально депривированных категорий, образуемых людьми, которые традиционно исключаются из многих форм социального взаимодействия, характерно освоение практик применения цифровых технологий в специфических условиях изолированности, вынужденной ограниченности ресурсов и контактов.

Практики использования новых технологий социально депривированными людьми

В условиях перехода цифровизации в режим тотальной социальной рутины поворот интереса в социальных науках к немногочисленным, но наиболее уязвимым и низкостатусным категориям, выпадающим из институционализированных взаимодействий и привычной стратификации, становится логичным продолжением изучения проблем «цифрового разрыва». Эти категории разнообразны — бездомные; пожилые и одинокие; люди, постоянно нуждающиеся в медицинском уходе и в социальной помощи; нуждающиеся в реабилитации после выхода из мест лишения свободы. Лишенные стабильного места в социальной жизни представители этих

категорий выпадают также из поля применения стандартных исследовательских методов — массовых опросов, проводимых по телефону, на дому, через интернет. Наиболее проблематичной в этом отношении категорией выступают бездомные как люди, максимально подверженные социальной депривации и традиционно исключаемые из взаимодействий, жестко привязанных к месту жительства, работы, доступа к услугам и т. п.

Лидерами в исследовании того, как бездомные люди адаптируются в условиях цифровизации и используют новые технологии в повседневной жизни, стали социологи Австралии, Великобритании и США. Результаты международных социологических исследований 2014–2015 гг. в крупных городах Австралии, Великобритании, США выявили высокий уровень владения мобильными телефонами у бездомных. Согласно представленным результатам, не менее 90% бездомных имеют сотовый телефон, и не менее половины из них — смартфон [Rhoades et al., 2017]. В Австралии сотовые телефоны помогали бездомным поддерживать связь с друзьями и семьей, обращаться в различные службы и обучаться новым навыкам [Humphry, 2019]. В Великобритании бездомные пользовались интернетом не реже одного раза в неделю, обычно проводя от одного до трех часов за сессию, а также высказывали жалобы на ограниченный доступ к интернету и недостаточное время его использования (компьютеры предоставлялись в социальных центрах). Ограниченный доступ к интернету усложнял процесс решения их проблем: поиск жилья и работы, подачи заявлений и т. п. [Trends and Friends, 2015].

Зарубежный опыт исследования практик использования цифровых технологий бездомными ценен как для изучения новых форм неравенства, так и для выработки решений в области социальной политики. Российский опыт таких исследований на этом фоне пока выглядит недостаточным. В России в последние два десятилетия активно реализуются программы по цифровизации государственного управления и экономики. При этом стремительное развитие цифровых технологий приводит к инфраструктурному и технологическому цифровому разрыву, который проявляется в увеличении неравенства в различных сферах жизни, потому что индивидуальное и общественное благополучие все больше зависит от способности использовать информационные и коммуникационные технологии для доступа к информации и знаниям [Сафиуллин, Моисеева, 2019]. В ноябре 2021 г. Правительство РФ утвердило проекты по цифровой трансформации социальной сферы [Правительство РФ, 2021]. Следует отметить, что цифровые практики в социальной сфере начали особенно активно внедряться в период ограничений социальной активности, мотивированных борьбой с пандемией COVID-19 [Фирсов и др., 2020].

Принудительная виртуализация социальных взаимодействий сделала явными существующие сложности в цифровизации социальных услуг: недостаточно развитую инфраструктуру, зачастую отсутствие соответствующих цифровых средств коммуникации и компетенций у граждан, прежде всего социально уязвимых слоев, а также социально-психологические барьеры — непонимание и недоверие, прежде всего среди пожилых, к новым технологиям. Квалифицируя отмеченный комплекс проблем как дефицит «цифрового капитала» у социально депривированных групп населения, социологи видят решение проблемы в «инвестировании в цифровой капитал потребителей социальных услуг» [Бородкина, Сибирев, 2021]. Решения на этом пути могут быть эффективными только при условии четкой дифференциации соци-

ально депривированных групп и фокусировке исследований и социальной политики на их специфичности, включая особенности ситуации бездомных получателей социальных услуг.

Для получения информации о практиках использования цифровых технологий наиболее социально депривированными людьми было проведено эмпирическое исследование в Санкт-Петербурге на базе Центра учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства, где доступ к социальным услугам получают представители групп с предельно низким социально-экономическим статусом — бездомные, включая вернувшихся из мест лишения свободы. Исследование с использованием качественной методологии было проведено в январе 2022 г. В качестве объекта исследования были выбраны две категории респондентов: бездомные, вернувшиеся из мест лишения свободы, и бездомные, проживающие в доме ночного пребывания. В исследовании приняли участие 15 респондентов из 24 проживавших в Центре учета на момент сбора данных. Важно отметить, что все респонденты являются получателями социальных услуг в социальных центрах. Эта дефиниция очень важна, потому что обращение за социальной помощью свидетельствует о готовности предпринимать действия для улучшения жизненной ситуации. Для исследования демографические характеристики не были определяющими, но для правильной интерпретации данных следует отметить, что респондентами стали одинокие мужчины среднего и пожилого возраста (от 37 до 74 лет). Средний возраст респондентов — 48 лет.

Предметом исследования стали цифровые практики и отношение к ним среди бездомных жителей мегаполиса. Если все респонденты первой группы, бывших заключенных, имеют травмирующий опыт исключения из общества и, как следствие, лишение свободного доступа к цифровым технологиям, то респонденты второй группы, бездомных горожан, имели возможность самостоятельно принимать решения об использовании или неиспользовании тех или иных технологий. Респонденты проживают в двух разных отделениях, подведомственных Центру учета. Отделение социальной адаптации граждан, вернувшихся из мест лишения свободы, — единственное в Санкт-Петербурге, ориентированное на работу только с бывшими заключенными. Отделение ночного пребывания ориентировано на граждан трудоспособного возраста, поэтому проживающие не могут находиться в отделении с утра и до вечера.

Исследование проводилось методом структурированного интервью. Интервью с респондентами получились разной продолжительности, от 3 до 20 минут. Вопросы в ходе интервью образовали три блока по следующей схеме: 1) в какой период и какие цифровые технологии впервые появились в жизни респондента; 2) был ли перерыв в использовании цифровых технологий или травмирующий опыт, который заставил отказаться от них, и как это отразилось на отношении к цифровым технологиям в жизни респондентов; 3) каковы текущие цифровые практики респондентов: репертуар устройств и цели их использования.

Результаты исследования показали, что даже люди в уязвимом положении, относящиеся к категории наиболее социально депривированных, регулярно пользуются цифровыми технологиями, но существуют некоторые особенности восприятия цифровых технологий и практик их использования. Анализ результатов исследования позволил выделить дискурсивные и поведенческие паттерны, характерные для бездомных горожан в качестве пользователей цифровых технологий.

Дискурсивные паттерны выражаются в формулировке своего отношения к цифровым технологиям, в оценке их нужности, в характеристике своего опыта их освоения и использования. Результаты исследования показали, что на отношение влияет возраст, когда цифровые технологии появились в жизни человека, и наличие (или отсутствие) периода, когда они были недоступны для использования. Первые семь респондентов — люди, вернувшиеся из мест лишения свободы. Особенностью этой группы является факт продолжительного по времени исключения из городской социальной жизни в период нарастающей цифровизации. После возвращения из мест лишения свободы люди могут сталкиваться с кардинально новыми условиями и способами включения в социальную жизнь. Люди с более высоким адаптивным потенциалом легче находят работу и начинают автономную жизнь, для других интеграция в общество оборачивается огромным стрессом. В ситуации повсеместной цифровизации привычных практик работы, потребления, общения освоение новых технологий должно стать источником дополнительного стресса. Однако только респондент 1 (возраст 48 лет) указал на неудобства, связанные с необходимостью постоянно контролировать телефон (заряжать его вовремя, не оставлять дома): *«раньше проще было»*. Вместе с тем респондент пользуется сервисами доставки товаров и электронными часами, что не характерно для остальных респондентов. Также только респонденты, рано освоившие цифровые технологии, указывали на удобство получения подсказок в цифровом формате. Но большинство респондентов указали на готовность осваивать цифровые технологии на специальных образовательных курсах.

В интервью с респондентами, впервые столкнувшимися с цифровыми технологиями в возрасте старше 30 лет, некоторые вопросы о цифровых технологиях вызвали затруднения, волнение, иногда возмущение. Освоение цифровых технологий оценивается ими как вызывающее сложности, а личная потребность в их освоении воспринимается как необходимость, диктуемая внешним миром. Интересными представляются практики из жизни респондента 3 (46 лет). Мобильный телефон он использует для звонков по работе и поддержания контактов с друзьями. А смартфон респонденту нужен для работы в службе доставки товаров. Через смартфон он получает заказы в приложении, слушает музыку в машине и использует навигатор в нем. Респондент 4 (59 лет) так же активно использует мобильный телефон, но при этом скептически оценивает цифровые технологии и опасается других сервисов: *«Там одни мошенники в интернете! Всем надо бабла!»,* а за помощью обращается к приятелю: *«Я даже не знаю пароль, имейл, аккаунт (смеется), я это ничего не знаю, он за меня все делает»*.

Тревожность и растерянность перед лицом цифровизации характерны для респондентов, никогда прежде не взаимодействовавших с новыми технологиями, как, например, респондент 7 (52 года): *«...когда появились цифровые технологии, я уже отбывал срок... я не застал этого. Мне сейчас очень тяжело дается эта техника: везде эти кнопки тыкать, меня уже гонят, говорят: “Не нажимайте кнопки никакие, мы сами нажмем”, я просто их тыкаю и там что-то происходит»*. Сложности начинаются с самых простых для обычных пользователей вещей: написания СМС, пополнения счета сим-карты. Обучение навыкам использования цифровых технологий тоже дается с трудом: некоторые вещи сложно запомнить, нужно записать, а далеко не все готовы повторно что-то объяснять. Для респондента вопрос овладения цифровыми технологиями связан и с ощущением себя в обществе: *«...я бы, ко-*

нечно, хотел овладеть навыками..., чтобы не быть таким отстающим или, например, немножко понимать вот эту всю технологию. Хотя бы чтоб мне стало легче, чтобы в дальнейшем я мог этим уже легко пользоваться».

Вторая группа респондентов — это люди, добровольно ушедшие из дома или потерявшие его в силу трагических обстоятельств. Существенного перерыва в использовании цифровых технологий в их жизни не было. Среди этой группы тоже прослеживается влияние возраста, когда первые цифровые технологии появились в их жизни, на отношение к ним. Значительным отличием респондентов группы является появление компьютера раньше, чем появился телефон (у пяти из восьми респондентов). Все респонденты в этой группе заявили, что им не сложно осваивать новые цифровые технологии.

Респонденты старше 60 лет и респонденты, начавшие использовать цифровые технологии в районе 40 лет, сошлись во мнениях, что для жизни в современном обществе использование цифровых технологий необязательно. Некоторые респонденты высказывают недоверие по отношению к цифровым технологиям и стремление к отказу от их использования: *«...я пользовался и смартфоном с интернетом, и банковскими картами, и скидочными картами — толку от них нет!»* (респондент 9, 59 лет). Респонденты же, считающие современные технологии важной частью современной жизни, указывают на желание пройти обучающие курсы. Респондент 13 (61 год) указал, что *«особенно хотелось бы освоить фотоприемник и вернуться к занятиям фотографией»*.

Таким образом, по своему характеру различаются два дискурсивных паттерна в описании опыта освоения цифровых технологий бездомными: паттерн «сложно, но нужно» и паттерн «не сложно, но не все нужно». Первый дискурсивный паттерн больше характерен для людей с опытом длительного заключения, второй — для горожан, прошедших через опыт потери постоянного жилья, но не свободы. Среди респондентов прослеживаются следующие тенденции: если цифровые технологии появились в возрасте до 30 лет, то респондентам представляется, что цифровые технологии упрощают их жизнь. Для респондентов, вернувшихся из мест лишения свободы, и для тех, кто вынужден трудоустраиваться, освоение навыков использования цифровых технологий становится скорее внешней необходимостью. Только два человека обосновали внутреннюю потребность в освоении новых гаджетов.

Поведенческие паттерны в практиках использования цифровых технологий в исследовании обнаруживались в ответах респондентов, описывающих репертуар цифровых устройств и сервисов, к которым они обращаются в повседневной жизни. Респондентам предлагалось ответить на вопрос о «пользовательском наборе»: электронный проездной, платежные терминалы, скидочные карты, мобильный телефон, банковская карта, единая карта петербуржца (ЕКП), смартфон. Также предлагалось назвать иные цифровые устройства и технологии, используемые респондентами.

Типичным «набором пользователя» для бездомных клиентов Центра учета является банковская карта (назвали 13 респондентов), электронный проездной (13), смартфон (12). Далеко не все пользуются скидочными картами (8), платежными терминалами (7), ЕКП пользуются 5 респондентов (они же пользуются и смартфоном, и практически всеми вышеперечисленными технологиями). Мобильные телефоны были у 5 человек, планшеты у 3, ноутбук у 1.

Нетипичный «набор пользователя», выходящий за рамки того репертуара устройств и технологий, который был задан гайдом интервью, был у пятерых ре-

спондентов. Респондент 1 (возраст 48 лет) рассказал, что ему нравятся электронные сигареты, он часто пользуется плеером, а летом брал в прокат электросамокат. Респондент 3 (46 лет) непосредственно в момент интервью получил посылку из онлайн-магазина, в ней были: портативный аккумулятор, электронные часы и триммер. Респондент 6 (46 лет) пользуется портативным аккумулятором, беспроводными наушниками и копит деньги на ноутбук. Респондент 13 (61 год) пользуется банковской кешбэк-программой и изучает английский на бесплатных онлайн-курсах. Респондент 15 (37 лет) не использует пластиковые карты (проездные, скидочные, банковские), а хранит всю информацию в смартфоне и пользуется всеми сервисами через мобильные приложения.

Результаты исследования цифровых практик бездомных жителей Санкт-Петербурга показывают, что цифровой разрыв в первоначальной форме больше не существует: низкий социальный статус, отсутствие устойчивой занятости и хотя бы среднего уровня доходов больше не создают препятствий для доступа к цифровым технологиям. Бездомные из числа получателей социальных услуг владеют смартфонами и используют мобильную связь и социальные сети для решения повседневных задач и общения.

Результаты исследования цифровых практик бездомных выявили проблему оказания помощи в освоении социально депривированными людьми новых технологий и сервисов. Только двое респондентов не заинтересованы в развитии навыков и не готовы обращаться за помощью. У двоих респондентов, по их словам, есть друзья, готовые помогать с настройкой телефона и в использовании цифровых сервисов. Трое респондентов, в силу развитости собственных компетенций, предпочли бы помощь в формате цифровых подсказок. Большинство же респондентов (8 человек) отмечают у себя недостаток навыков и отсутствие посредника или помощника при обращении к цифровым технологиям рассматривают как дискомфортное: *«У меня даже представления нет, как туда ходить, как оплачивать услуги вот эти, по договору. Для меня это очень тяжело... Раньше я пришел в кассу, деньги дал, сказал за что, и все — деньги забрали, чек мне дали, я оплатил и пошел. Сейчас же вот эти вот все кнопки, эти приложения, для меня это совсем чужое, я не могу это уловить сразу»* (Респондент 7, 52 года). Таким образом, поведенческие паттерны пользователей цифровых технологий среди бездомных отчетливо разделяются на два типа: 1) активное и автономное оперирование разнообразными устройствами и сервисами, 2) ограниченное применение одного-двух устройств и зависимость от сторонней помощи в их использовании.

Выявленные в исследовании дискурсивные и поведенческие паттерны показывают, что по другую сторону «цифрового разрыва» тоже формируются и развиваются практики использования новых информационно-коммуникационных технологий. Проблемные группы, ставшие объектом исследования, относительно малочисленны в масштабах населения страны, но их доля в населении мегаполисов существенно выше среднероссийских показателей и остается устойчивой даже в условиях общего роста благосостояния. Проблема социального исключения и маргинализации бездомных осложняется отставанием в освоении цифровых технологий и опасениями, связанными с тотальной и принудительной цифровизацией ряда современных социальных практик. Отсутствие собственного жилья, нестабильность доходов и низкий статус сами по себе не создают непреодолимый барьер для доступа к цифровым технологиям. Возраст и длительные исключения из социальной жизни в то

время, когда в социализации важным компонентом стало вовлечение в цифровизацию, оказываются более существенными факторами отчуждения от современных практик. Эта проблема может решаться целенаправленным освоением новых компетенций. Однако у бездомных разные потребности: кто-то хочет самостоятельно разобраться в использовании цифровых технологий, другим нужна оперативная помощь в совершении конкретного действия и нет стремления к знанию алгоритмов действий. Поэтому вошедшие в программы помощи социально депривированным людям курсы обучения навыкам обращения с цифровыми технологиями следует дополнять социальными проектами, нацеленными на разовое консультирование и оказание услуг обращения к цифровым платформам. Это будет способствовать включению бездомных в число большинства пользователей и преодолению цифровой дискриминации.

Заключение

Показанное в статье превращение практик использования цифровых технологий в социальную рутину привело к быстрой эволюции форм неравенства, связанных с использованием цифровых технологий. Их обыденное применение массой людей, находящихся в нижних слоях стратификационной системы, и даже людьми, оказывающимися в состоянии маргиналов, образует ту фактичность, которая подталкивает научное сообщество к смене парадигмы в изучении неравенства, называемого «цифровым разрывом». Для выработки новой парадигмы нужно перейти от сконцентрированности исследований на технико-экономических аспектах к большему вниманию к социокультурным и гуманитарным аспектам неравного распределения в обществе благ, создаваемых при использовании цифровых технологий. Поворот исследовательского интереса к немногочисленным, но наиболее уязвимым и низкостатусным категориям, включающим бездомных, пожилых и одиноких, людей, постоянно нуждающихся в медицинском уходе и в социальной помощи, нуждающихся в реабилитации после выхода из мест лишения свободы, дает совершенно иное представление о цифровом неравенстве по сравнению с господствовавшим до сих пор технократическим видением разделения общества на лидеров освоения новых технологий и находящуюся где-то за пропастью массу оставших. Не общий цифровой разрыв, а более тонкие различия между социальными группами и их практиками образуют теперь предмет изучения неравенства в условиях рутинной цифровизации.

Литература

Асочаков Ю.В., Богомякова Е.С., Иванов Д.В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 75–86. DOI: 10.31857/S013216250012083-4.

Бородкина О.И., Сибирев В.А. Цифровой капитал потребителей социальных услуг: факторы влияния и потребность в инвестициях // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 1. С. 129–142. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142.

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–74.

ВЦИОМ. Пользование интернетом. 2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения: 01.06.2023).

Информационное общество в Российской Федерации 2020: статистический сборник [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. Режим доступа: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/2306> (дата обращения: 04.08.2023).

Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807

Правительство РФ. Правительство утвердило проекты по цифровой трансформации социальной сферы. 8 ноября 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/news/43660/> (дата обращения: 01.06.2023).

Сафиуллин А.Р., Моисеева О.А. Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12. № 6. С. 26–37. DOI: 10.18721/JE.12602.

Фирсов М.В., Вдовина М.В., Савинов Л.И. Цифровизация российской социальной работы: современная практика и пути развития // Теория и практика общественного развития. 2020. № 9 (151). С. 13–21.

Hargittai E. Handbook of Digital Inequality. Cheltenham UK: Edward Elgar Publishing, 2021. 400 p.

Humphry J. ‘Digital First’: Homelessness and Data Use in an Online Service Environment // Communication Research and Practice. 2019. Vol. 5. No. 2. P. 172–187. DOI: 10.1080/22041451.2019.1601418.

Ragnedda M. The Third Digital Divide: a Weberian Approach to Digital Inequalities. New York: Routledge, 2017. 136 p.

Rhoades H., Wenzel S., et al. No Digital Divide? Technology Use among Homeless Adults // Journal of Social Distress and the Homeless. 2017. Vol. 26. No. 1. P. 73–77. DOI: 10.1080/10530789.2017.1305140.

Trends and Friends. Access, Use and Benefits of Digital Technology for Homeless and Ex-homeless People // HomelessHub.ca. 2015. Available at: <https://www.homelesshub.ca/resource/trends-and-friends-access-use-and-benefits-digital-technology-homeless-and-ex-homeless> (date accessed: 01.06.2023).

Van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge: Polity Press, 2020. 208 p.

On the Other Side of the Digital Divide: Usage of Information and Communication Technologies by Socially Deprived People

DMITRY V. IVANOV

Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: dvi1967@gmail.com

ANNA S. CHERNOIVANOVA

Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: st097647@student.spbu.ru

The article presents results of empirical researches conducted in 2020–2022 and dedicated to practices of digital technologies usage by dwellers of Russian metropolitan areas. Researches based on quantitative as well as qualitative methodology demonstrate digital technologies turning into routine for diverse social strata including low income groups and homeless people. Specific digital practices among socially deprived citizens — homeless clients of social service agencies have been revealed. The research results are changing established views on the inequality forms known as ‘digital divide’. Digitalization now is a social routine for people considered as living on the other side of ‘digital divide’. The article argues that under conditions of practically common digitalization the inequalities should be studied as multiple social distinctions which are more subtle than general ‘digital divide’.

Keywords: digitalization, digital divide, homeless people, social deprivation.

Acknowledgments

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant no. 21-18-00125. The authors are also grateful to the Research Park of Saint Petersburg State University “Center for Sociological and Internet Research” for the empirical data collected (the projects no. 106-16435 and no. 106-2779).

References

- Asochakov, Yu.V., Bogomiagkova, E.S., Ivanov, D.V. (2021). Novoye izmereniye sotsial'nogo razvitiya: aktivnost' i kreativnost' v internet-kommunikatsiyakh [New dimension of social development: activities and creativity in the Internet communications], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 12 (1), 66–78 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250012083-4
- Borodkina, O.I., Sibirev, V.A. (2021). Tsifrovoy kapital potrebiteley sotsial'nykh uslug: factory vliyaniya i potrebnost' v investitsiyakh [Digital capital of consumers of social services: factors of influence and the need for investment], *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 19 (1), 129–142 (in Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142.

Bourdieu, P. (2002). Formy kapitala [Forms of capital], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, no. 5, 60–74 (in Russian).

Firsov, M.V., Vdovina, M.V., Savinov, L.I. (2020). Tsifrovizatsiya rossiyskoy sotsial'noy raboty: sovremennaya praktika i puty razvitiya [Digitalization of Russian social work: modern practice and ways of development], *Theoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 9 (151), 13–21 (in Russian).

Hargittai, E. (2021). *Handbook of Digital Inequality*, Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing.

Humphry, J. (2019). “Digital First”: Homelessness and Data Use in an Online Service Environment, *Communication Research and Practice*, 5 (2), 172–187. DOI: 10.1080/22041451.2019.1601418.

Informatsionnoye obschestvo (2020) v *Rossiyskoy Federatsii* [Information society in Russian Federation], Moskva: National Research University “Higher School of Economics”. Available at: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/2306> (date accessed 04.08.2023) (in Russian).

Martynenko, T.S., Dobrinskaya, D.E. (2021). Sotsial'noye neravenstvo v epokhu iskusstvennogo intellekta: ot tsifrovogo k algoritmicheskomu razryvu [Social inequality in the age of algorithms: From digital to algorithmic divide], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, no. 1, 171–192 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807.

Ragnedda, M. (2017). *The Third Digital Divide: a Weberian Approach to Digital Inequalities*, New York: Routledge.

Rhoades, H., Wenzel, S., et al. (2017). No Digital Divide? Technology Use among Homeless Adults, *Journal of Social Distress and the Homeless*, 26 (1), 73–77. DOI: 10.1080/10530789.2017.1305140.

Pravitel'stvo RF (2021). *Pravitel'stvo utverdilo proyekty po tsifrovoy transformatsii sotsial'noy sfery* [Russian Government. The government approved projects for the digital transformation of the social sphere], November, 8. Available at: <http://government.ru/news/43660/> (date accessed: 01.06.2023).

Safiullin, A.R., Moiseeva, O.A. (2019). Tsifrovoye neravenstvo: Rossiya i strany mira v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii [Digital inequality: Russia and other countries in the Fourth industrial revolution], *Nauchno-tekhnicheskkiye vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskiye nauki*, 12 (6), 26–37 (in Russian).

Trends and Friends (2015). Access, Use and Benefits of Digital Technology for Homeless and Ex-homeless People, *HomelessHub.ca*. Available at: <https://www.homelesshub.ca/resource/trends-and-friends-access-use-and-benefits-digital-technology-homeless-and-ex-homeless> (date accessed: 01.06.2023)

Van Dijk, J. (2020). *The Digital Divide*, Cambridge: Polity Press.

WTsIOM (2023). *Pol'zovaniye internetom* [Internet usage]. Available at: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (date accessed: 01.06.2023) (in Russian).

СВЕТЛАНА ИПАТОВНА ПЛАТОНОВА

доктор философских наук,
профессор Удмуртского государственного
аграрного университета
Ижевск, Россия;
e-mail: platon-s@bk.ru

Социальная идентичность как феномен цифрового общества

УДК: 159.9.01

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-149-163

Цифровизация социальных процессов приводит к трансформации социокультурных феноменов, включая социальную идентичность. Цель статьи заключается в анализе цифровой идентичности современного человека. Методологической основой исследования выступает сравнительный анализ и принцип энактивизма, утверждающий «со-возникновение» новых качеств при взаимодействии человека и реальности. В статье рассматриваются проблемы соотношения реальной и сетевой идентичности, влияния онлайн-платформ и цифровых технологий на формирование и трансформацию социальной идентичности. Обсуждается формирование человека-виртуала, киборга как симбиоза живого и машинного, природного и технического. Анализируются и сравниваются теории сетевой идентичности. Ряд теорий говорит о дополнении реальной и сетевой идентичности, о «цифровом двойнике» реального индивида. Другие теории рассматривают множественную идентичность, растождествление личности и борьбу идентичностей. Показаны положительные и негативные стороны цифровой идентичности. Формирование идентичности во многом контролируется крупными онлайн-платформами, использующими аналитику больших данных, манипулятивные стратегии, подталкивающими пользователей к определенной модели поведения, потребления и формирующими ценности и смыслы. Цифровая идентичность характеризуется потребностью в «других», это стремление к унификации и однообразию поведения, мыслей, чувств, ценностей, это стремление к подавлению индивидуальности. В целом цифровая идентичность антиномична: можно выделить такие ценностные противоречия, как свобода/социальный контроль; индивидуализация/коллективизация; творчество/стандартизация. Делается вывод о том, что цифровые технологии должны учитывать антропологическую уязвимость и соответствовать потребностям и возможностям человека.

Ключевые слова: цифровое общество, социальная идентичность, цифровая идентичность, человек-виртуал, метафора онлайн-платформы.

Современное общество переживает цифровую трансформацию, затрагивающую все сферы, институты, процессы, включая деятельность и существование человека в целом. Цифровые коммуникации становятся важной и в некоторых случаях (онлайн-образование, онлайн-коммуникация, удаленная работа в период пандемии) необходимой частью человеческого бытия. С помощью беспроводных технологий можно работать, общаться, учиться, слушать музыку, играть, делать покупки. Возникли понятия «цифровая культура», «цифровой диалог», «цифровая религия», «цифровое поколение», «цифровое существование» и др.

Признание того факта, что сетевые технологии влияют на социальную идентичность, на трансформацию социальных ценностей, стало общим местом. Возникающие при этом новые проблемы рассматриваются обществоведами разных стран [Giddens, 1991; Hall, 1997; Бауман, 2005; Подвойский, Солеймани, 2019; Касавина, 2020; Лешкевич, 2022 и др.]. Многие исследователи согласны с тем, что человечество переживает цифровой поворот. Опираясь на феноменологическую философию, герменевтику, социальную психологию, конструктивистский подход, исследователи изучают феномены цифровой коммуникации: селфи, лайки, цифровой диалог в обучении, «цифровой след», ценности дигитального мира, рутинизацию Интернета. В фокусе внимания исследователей находятся как особенности этих феноменов, их влияние на человека, так и потенциальные угрозы и риски, связанные с тотальным распространением цифровых технологий. Одним из важных и не вполне изученных вопросов является вопрос, связанный с особенностями формирования индивидуальной и социальной идентичности в контексте цифровых трансформаций общества. Требуют детального изучения следующие вопросы:

- Как и каким образом развитие и распространение компьютерных технологий влияет на социальную идентичность?
- Что происходит с человеком, «сращенным», встроенным в цифровые технологии?

Целью нашей статьи является исследование особенностей формирования и трансформации социальной идентичности в цифровом обществе, а также анализ воздействия онлайн-платформ и цифровых технологий на социальную идентичность. Методологической основой статьи является сравнительный анализ и принцип энактивизма, постулирующий «со-возникновение» новых качеств при взаимодействии человека и реальности, утверждающий, что «человек, видоизменяя конфигурации существующей реальности, изменяет себя» [Лешкевич, 2022, с. 58].

Идентичность в социально-гуманитарном знании: основные подходы

Идентичность — сложное, многоаспектное понятие, которое является предметом дискуссий и обсуждений социологов, политологов, антропологов, философов. Соответственно, каждая из социально-гуманитарных наук предлагает свое концептуальное определение этого понятия. Существует много исследований, в которых рассматриваются многочисленные теоретические подходы, предложенные обществоведами [Орлова, 2010; Санина, 2014; Подвойский, Солеймани, 2019 и др.]. Не претендуя на полноту анализа основных исследовательских подходов, остановимся на

некоторых из них, имеющих большое значение в контексте рассматриваемой темы и сформулированных вопросов.

Каковы отличия в понимании идентичности в рамках психологических и социальных теорий? Понятие «идентичность» впервые употребил американский психолог Э. Эриксон: «Идентичность обозначает твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным “я” независимо от изменений “я” и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [Эриксон, 1996, с. 12].

Э. Эриксон связывает формирование идентичности с процессами онтогенеза, взяв за основу эпигенетический принцип развития человека. Идентичность связана с механизмами адаптации и социализации индивида. На эту взаимосвязь обращают внимание также М.К. Карпова и М.А. Мони́на, рассматривающие идентичность как «структурный компонент личности, развивающийся в процессе онтогенеза личности в условиях интеракции индивида со своим социальным окружением» [Карпова, Мони́на, 2018, с. 159].

Необходимо отметить, что в психологических теориях речь, прежде всего, идет об индивидуальной идентичности, о процессе формирования «самости», «Я-идентичности», собственного «Я». В рамках психологических теорий идентичность понимается как «чувство “ощущения себя”, которое изменяется на протяжении всей жизни человека и, следовательно, имеет динамический характер, а идентификация — как защитный психологический механизм, позволяющий уподоблять себя некоему образу» [Сани́на, 2014, с. 4].

Социальные теории отличаются большим разнообразием подходов к определению сущностных характеристик идентичности и особенностей ее формирования. Прежде всего, можно говорить о микросоциологическом (интерпретативном) и макросоциологическом подходах к анализу идентичности.

Близки психологическим теориям микросоциологические теории, к которым относят символический интеракционизм, этнометодологию. Дж.Г. Мид рассматривает поэтапный процесс развития человеческого «Я» («самости», «Self»), приводящий к формированию четко различимой идентичности, связанной, в частности, с тем, что человек может примерить на себя разные роли. Ч. Кули рассматривает процессы социализации ребенка в контексте его социального окружения. «Кули сравнивает свою модель личности с зеркалом, намекая на рефлексивный характер человеческого Я, и называет ее “зеркальным Я”. <...> “Я сам” и общество — два феномена близнеца, и между ними существует органическая и неразрывная связь» [Подвойский, Солеймани, 2019, с. 828]. Таким образом, в микросоциологических теориях идентификация рассматривается как процесс, тесно связанный с социализацией, а идентичность создается в процессе социальных взаимодействий. При этом «Я» человека постоянно самоопределяется и меняется в процессе социальных взаимодействий.

Социальные макросоциологические теории наряду с понятием «индивидуальная идентичность» широко используют понятия «социальная идентичность», «коллективная идентичность», «групповая идентичность», которые обосновывают взаимосвязь индивида с социальными группами, социальными институтами, обществом.

Одними из первых вопросы формирования социальной идентичности и организации социального порядка в рамках макросоциологических теорий стали рассматривать И. Бентам и Э. Дюркгейм. И. Бентам предложил модель паноптика — идеального устройства, в котором немногие (в идеале один человек) могут наблюдать за многими. В этом случае социальная идентификация индивида заключалась в том, чтобы быть как все, не стремясь к утверждению своей уникальности и самобытности. Этот тезис развил далее М. Фуко, полагавший, что индивид лишен автономии и полностью сформирован дисциплинарными техниками власти. При этом власть является бессубъектной, ее трудно соотнести с каким-то конкретным местом, власть анонимна.

Э. Дюркгейм выделял механический и органический типы солидарности. Если механическая солидарность характерна для простых примитивных обществ, в которых отсутствует разделение труда, то органическая солидарность присуща современным обществам с развитой экономикой, специализацией, разделением труда. В современных обществах «человек может идентифицировать себя с обширной социальной единицей (с нацией, государством, народом и т. п.), не утрачивая при этом своих индивидуальных особенностей» [Подвойский, Солеймани, 2019, с. 826]. Если И. Бентам и М. Фуко понимают идентичность односторонне, как устранение различий между индивидами, то у Э. Дюркгейма идентичность включает в себя как сходство, так и различие между людьми. Таким образом, социальная идентичность имеет двойственную природу: с одной стороны, она развивает индивидуальные, уникальные качества личности, а с другой стороны, формирует у индивида общие с другими индивидами признаки.

Проблемы идентичности и связанные с ней процессы социализации, социального порядка, социального контроля рассматривались классиками американской социологии Т. Парсонсом, Р. Мертоном и их последователями. Т. Парсонс полагает, что социальный контроль и механизмы социализации позволяют личности интегрироваться в социальную систему. Для функционирования социальной системы большое значение имеет понятие социальной роли. Социализация является не чем иным, как механизмом усвоения социальных ролей.

Таким образом, в работах рассмотренных авторов утверждается, что идентичность формируется сверху вниз, от государства и его политических институтов (И. Бентам, М. Фуко) или от общества и социальных институтов (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс). Макросоциологические теории постулируют приоритет общества над индивидом, структуры над действием.

Как итог, макросоциологические социальные теории рассматривают концепты «идентичность», «идентификация» более широко, чем психологические теории, изучая эти концепты в контексте социальных отношений, социальных институтов, социальных ролей. Эти теории уходят от сведения идентичности к особенностям психологии индивида, жизненным кризисам, особенностям индивидуального развития, от использования психологических понятий, таких как «подсознание», «бессознательное», «самость», «самотождественность».

В социально-гуманитарных науках выделяют разные виды идентичности: Г. Тэджфел, И.С. Кон обосновывают индивидуальную и групповую идентичности. И. Гофман говорит о реальной и виртуальной идентичностях, П. Бурдьё постулирует коллективную идентичность. П.К. Гречко исследует социокультурную идентичность, понимаемую как «отождествление индивида с ценностями,

нормами и идеалами той или иной человеческой общности» [*Социальное*, 2009, с. 344–345].

Обобщая рассмотренные теории и подходы, можно выделить некоторые существенные характеристики идентичности. Во-первых, идентичность — это социальное отношение, связывающее индивида с социальной группой, этносом, религией, политической партией, гендером. Идентичность формируется и (или) трансформируется только в ходе социального взаимодействия.

Во-вторых, идентичность сочетает в себе два аспекта: с одной стороны, это унификация, коллективизация (быть как все), а с другой стороны, это индивидуализация (быть в чем-то отличным от других). Первый аспект формирует коллективную (социальную) идентичность, тогда как второй аспект направлен на формирование индивидуальной идентичности, индивидуализации. З. Бауман справедливо отметил, что если первое утверждение стало банальностью, то ко второму утверждению надо отнестись более внимательно: «...форма нашей социальности, как и форма общества, в котором мы живем, в свою очередь, зависят от того, как ставится и решается задача “индивидуализации”» [*Бауман*, 2005, с. 115].

Проблемы идентичности в обществе постмодерна

З. Бауман одной из главных причин повышенного внимания к идентичности и процессам идентификации называет особенности общества постмодерна, характеризующегося текучестью, непредсказуемостью, неопределенностью целей и средств их достижения, глобализацией и связанными с ними процессами фрагментации и индивидуализации индивидов. «“Индивидуализация” заключается в преобразении человеческой идентичности из “данности” в “задачу” и в наделении действующих лиц ответственностью, как за решение этой задачи, так и за последствия <...> исполнения ими их ролей» [*Там же*, с. 116].

В современном обществе более справедливо говорить о текучей, размытой идентичности. В этом обществе ничто не остается постоянным, безопасным, точным, фиксированным или стабильным; и ничто не длится долго. Согласно метафоре З. Баумана, человек эпохи модернити был похож на паломника, задававшегося вопросом: «Как попасть куда-то?» Современный человек больше похож на туриста, задающегося вопросом: «Куда мне идти? Куда меня заведет дорога, по которой я иду?» [*Там же*, с. 117]. Турист не привязывается ни к чему, быстро меняя свое местоположение. Он не строит стабильных отношений, его жизнь неопределенна, непредсказуема, нестабильна. Турист — это человек, мучимый вопросом, «какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [*Там же*, с. 117].

Э. Гидденс также говорит о непредсказуемых последствиях современных процессов для личной идентичности людей. Неопределенность и непредсказуемость вызваны процессами глобализации и местным локальным контекстом, локальными обстоятельствами, их взаимовлиянием и взаимообусловленностью. Следовательно, современная идентичность требует от человека определенной инициативы в выстраивании жизненной траектории, причем эта инициатива становится важнейшей характеристикой человеческого бытия.

Итак, можно утверждать, что индивидуализация личности является важнейшей характеристикой общества постмодерна. При этом индивидуализация — это не свободный и желаемый выбор индивида, а одновременно обязанность и ответственность индивида. Поэтому критику вызывает понимание идентичности как интегрального, изначального, устойчивого, единого образования.

П.К. Гречко в современном мире выделяет коллективистскую и индивидуалистическую идентичности, связанные соответственно с коллективистским и индивидуалистическим типами социальности. Коллективистская идентичность, существующая в традиционных обществах, может быть выражена оппозицией «Мы — Они», здесь важно чувство причастности к коллективу, традициям, историческому опыту. Индивидуалистическая идентичность, характерная для обществ постмодерна, выражается оппозицией «Я — Другой (другие)» [Социальное, 2009, с. 356]. В постмодернистских обществах принципиально важны плюрализм, свобода выбора своей идентичности. Политическая, религиозная, этническая идентичности являются социальными, так как функционируют в рамках общества.

Поскольку идентификация — это двусторонний дискурсивный процесс, на одном полюсе которого находится индивид, а на другом — идентичность, то пересмотра требует понимание не только идентичности, но и индивида. С. Холл, развивая концепцию М. Фуко о дискурсивных практиках, предлагает понимать субъекта не как «центрированного актора социальной практики, а как элемент дискурсивной практики. В этом случае идентификация — это взаимосвязь между субъектами и дискурсивными практиками [Hall, 1997, p. 2]. Дискурсивный подход рассматривает идентификацию как конструкцию, как процесс, который никогда не завершается. Идентификация условна, основана на непредвиденных обстоятельствах, она процессуальна [Ibid., p. 2–3].

Осмысливая эти подходы, можно заключить, что идентичность в обществе постмодерна ускорила процессы индивидуализации; формирование идентичности, ее изменение, эволюция — это обязанность и ответственность индивида. При этом меняется не только понимание идентичности, но и самого индивида. Личная инициатива становится важнейшей характеристикой человеческого бытия.

Человек и сетевые технологии как элементы социальной идентичности в цифровом обществе

Поскольку сетевые коммуникации, цифровые технологии становятся важнейшей характеристикой человеческого бытия, они не могут не оказывать влияния на формирование и трансформацию социальной идентичности.

Существуют исследования, в которых наряду с индивидуальной и социальной идентичностью, рассматривается «сетевая» (виртуальная) идентичность. В ряде работ развивается мысль о том, что «реальная и сетевая идентичности, скорее, дополняют друг друга, чем противопоставляются в сознании пользователя, как альтернативные. <...> В виртуальных проекциях идентичности человек раскрывает себя, свои возможности, о которых он прежде не знал» [Карпова, Моница, 2018, с. 159–160]. При этом сетевые пользователи демонстрируют определенную свободу поведения, выражения собственного мнения, принятия решения. Сетевое общение

самостоятельно, самодеятельно, экстерриториально, является ресурсом раскрытия человеком собственной реальной идентичности.

Подобной точки зрения придерживается также И.В. Фролова. Она говорит о конструировании сетевой идентичности, в ходе которой «большинство пользователей открыто заявляют о себе, проецируя реальную идентичность в виртуальную среду. <...> Сетевая идентичность является продолжением идентичности реальной, при этом они имеют тенденцию к сближению» [Фролова, 2018, с. 33, 36]. По сути, речь идет о «цифровом двойнике» человека, о его виртуальной копии. В некоторых исследованиях утверждается, что «конструирование идентичности в виртуальной реальности в целом отражает психологическую логику “взрачивания социальности” от “Мы” к “Я”» [Касавина, 2020, с. 85]. Иными словами, речь идет о направленности личностного развития от социальной идентичности к личностной идентичности, о том, что индивид, используя ресурсы Интернета, не подавляет, а, напротив, развивает личностную идентичность.

В ряде других исследований проводится более осторожная оценка влияния социальных сетей на идентичность пользователя [Зубофф, 2020; Лешкевич, 2022, Иванов, 2022 и др.]. В понимании особенностей виртуального человека важны выводы Т.Г. Лешкевич, согласно которым «виртуальная среда допускает перспективы множественной идентичности, как и произвольность в отношении реального статуса персоны» [Лешкевич, 2022, с. 55]. Виртуальная модель человека не является «цифровым двойником» реального индивида, это «улучшенная или ухудшенная копия, созданная на основе собственных предпочтений» [Там же].

По нашему мнению, в сетевом взаимодействии формируется «цифровая идентичность». В цифровой идентичности можно выделить два уровня идентичности человека: цифровая индивидуальная идентичность и цифровая социальная идентичность. К цифровому индивидуальному уровню идентичности можно отнести самопрезентацию индивида: выстраивание собственного профиля, конструирование собственного образа, размещение информации о самом себе, выкладывание фотографий, биографических данных, личных достижений. Иными словами, это определенная манифестация Я, позиционирование человека в виртуальном пространстве.

К цифровому социальному уровню идентичности можно отнести сетевые взаимодействия и коммуникации, когда индивид имеет возможность просматривать страницы других пользователей, делать комментарии, ставить лайки, осуществлять поисковые запросы, писать сообщения. Индивид становится публичным, видимым, ожидает поддержки, роста популярности. Здесь важным является «самосознание индивидов относительно их принадлежности к социальным группам» [Подвойский, Солеймани, 2019, с. 830]. Отметим, что в условиях цифрового общества речь идет о принадлежности индивида к сетевым социальным группам, сообществам. При этом возникает интересный феномен формирования герметичных групп, сообществ, деления пользователей на «свой — чужой». Поэтому, «с одной стороны, можно говорить об асоциальности, определенной закрытости социальных сетей для “чужаков”», а «с другой стороны, мы наблюдаем формирование институционально-принудительной “сверхсоциальности”» [Резаев и др., 2020, с. 6].

В рассматриваемом контексте интересной представляется концепция «борьбы идентичностей» Р. Фогельсона. В этой концепции «выделяются четыре компонента идентичности: реальная (представления индивида о себе в конкретный период его

жизни); идеальная (модель поведения и существования, к которой индивид стремится); негативная («образ себя», которого индивид стремится избегать); представляемая (набор образов, которые индивид транслирует другим людям с целью повлиять на их оценку» [Санина, 2014, с. 7].

Попробуем проверить тезис о борьбе идентичностей, предложенный Р. Фогельсоном. Цифровые коммуникации усиливают эту борьбу. «Нахождение в онлайн-пространстве приводит к тройному растождествлению. С одной стороны, это растождествление Self, социального “Я” человека и виртуальных аватаров. С другой стороны, это растождествление стремления к оригинальности/самовыражению и заданной жесткими институциональными рамками виртуальной саморепрезентации. С третьей стороны, это растождествление желания максимальной открытости и невротической боязни за сохранение приватности» [Резаев и др., 2020, с. 6–7].

Необходимо отдельно отметить, что человек, создавая виртуальную модель себя, выходит за пределы реального Я, поэтому следует говорить о множественной идентичности. Е. Таратута предложил определять виртуального человека через понятие “vir”, а реального человека — через понятие “homo”. “Vir” демонстрирует доблесть, мужество, некий предельный порыв, а “homo” — это человек, «включенный в жизненное чередование человеческих существ, он порожден и порождает» [Лешкевич, 2022, с. 55–56].

Цифровая среда и социальные сети предполагают социальное сравнение, социальные сети — это своего рода «социальное зеркало», смотрясь в которое пользователь ожидает поддержки в виде лайков, одобрительных комментариев, постов. Сравнение себя с другими может привести к заниженной самооценке и отрицательным эмоциям, подавленности, ущербу, беспокойству. В любом случае социальное сравнение ориентирует человека на внешние сигналы, на социальное зеркало, а не на «собственные мысли, чувства, ценности и сознание своей индивидуальности. <...> Социальное сравнение может заставить людей делать то, что они иначе бы не сделали» [Зубофф, 2020, с. 600, 602]. О вынужденном, принудительном, вызванном внешними причинами поведении говорил еще З. Бауман, предупреждая, что «идея человеческого самоформирования и самоутверждения несла в себе не только семена демократии, но и споры тоталитаризма» [Бауман, 2005, с. 115]. Примерно такую же метафору современного цифрового общества приводит А. Пентленд, характеризуя его как «социальный улей», в котором люди подражают друг другу. В работе «Социальная физика» он пытается сформулировать законы социального поведения, идентичные законам физики [Пентленд, 2018].

Итак, наш первый тезис утверждает, что в сетевом взаимодействии формируется цифровая идентичность, в которой можно выделить по крайней мере два уровня: цифровую индивидуальную идентичность и цифровую социальную идентичность. Реальный индивид и его «цифровой двойник» не являются тождественными образованиями; скорее, можно говорить о множественных идентичностях и о борьбе идентичностей.

Следующий наш тезис связан с появлением новых участников сетевого взаимодействия. Рассмотрим два проблемных момента анализа новых социальных акторов с точки зрения их влияния на социальную идентичность. Во-первых, речь идет о крупных платформенных компаниях, осуществляющих «манипулятивные стратегии, режимы настройки поведения с установками поставить все под контроль» [Лешкевич, 2022, с. 55]. Об этом пишут многие исследователи [Лешкевич, 2022; Платонова, 2022а, 2022б; Зубофф, 2020; Lupton, 2015; Ossewaarde, 2019]. Крупные ком-

пании (*Facebook, Google, Netflix, Amazon, Apple*) применяют цифровые технологии и аналитику больших данных для внедрения в личную жизнь пользователей, острожно формируя потребительский спрос и поведение, а вместе с ними смыслы и ценности. Мы также не раз обращались к этому вопросу, подчеркивая, что «цифровые платформы предоставляют определенные возможности и интерфейсы, управляют ограничениями на то, как пользователь понимает мир и относится к миру. Контроль осуществляется... более тонко и латентно, как бы подталкивая миллионы пользователей к определенной модели поведения и создавая при этом иллюзию индивидуальной свободы и выбора» [Платонова, 2022b, с. 165]. Для концептуализации особенностей организации социального контроля в цифровом обществе нами было предложено понятие «цифровой паноптизм» [Платонова, 2017a].

В статье М. Оссеваарде внимание уделяется крупным цифровым компаниям, работающим в Силиконовой долине. М. Оссеваарде полагает, что «создатели Силиконовой долины не только разрабатывают и производят цифровые технологии, но и создают мошеннические мифы о том, что при правильном управлении повсеместными вычислениями алгоритмические технологии изменят мир к лучшему и даже улучшат культуру просвещения. В действительности же предполагаемая цифровая трансформация будущего означает дальнейшее и более глубокое экономическое доминирование сил Кремниевой долины» [Ossewaarde, 2019, p. 28].

Взгляды М. Оссеваарде близки позиции Ш. Зубофф, которая среди прочего исследует приватизированные сетевые пространства. «Частные пространства — та среда, в рамках которой все виды социального влияния — социальное давление, социальное сравнение, моделирование, подсознательное внушение — призываются для того, чтобы подстраивать, понуждать и манипулировать поведением во имя надзорных доходов» [Зубофф, 2020, с. 591]. Например, механизм социального манипулирования и контроля, используемый *Facebook*, описывается следующим образом: «Это опора на конкретные практики, которые подпитывают склонность людей, особенно молодых, узнавать себя “взглядом снаружи”. <...> Чем больше удовлетворяется потребность в “других”, тем менее способным оказывается человек к самоизобретению» [Там же, с. 592].

Следовательно, цифровые технологии и цифровое общение стимулируют и развивают стремление индивида к некой унификации, стандартизации, желанию понравиться как можно большему кругу виртуальных лиц. Подобные процессы подавляют индивидуализацию, творчество, самостоятельность, свойственные реальному индивиду, ограничивают индивидуальную активность. Как итог, цифровое общество подавляет стремление к развитию индивидуальной идентичности, индивидуальности, осознанию себя как уникального «Я» и ориентирует на единые цели, ценности, коллективную жизнь.

Вторым проблемным моментом является тот факт, что информационная среда с разнообразными технологиями может привести (и приводит) к появлению гибрида «человек-виртуал», киборга, *homo digital*, искусственной социальности. Здесь уместно поставить следующие вопросы:

- Как трансформируется социальная идентичность в контексте слияния реального и виртуального?
- Можно ли утверждать, что индивидуальная и социальная идентичности сращиваются с компьютерными технологиями и, как следствие, создается социотехническая идентичность?

О симбиозе социальных и природных систем пишут многие исследователи [Urry, 1999; Latour, 2005; Tolu, 2014]. Дж. Урри говорит о взаимодействии множественных человеческих и нечеловеческих актантов. «Актанты являются типичными мобильными, блуждающими гибридами и указывают на роли, которые исполняются внутри сетей» [Лешкевич, 2022, с. 58]. В акторно-сетевой теории, развиваемой Б. Латуром и его последователями, утверждается, что нет фундаментального деления на человеческое/нечеловеческое, социальное/природное. Все эти сущности оказываются акторами, находящимися на одной онтологической плоскости. С точки зрения Д.В. Галкина, в цифровом обществе функционируют «гибриды технических и живых систем, в которых соединяются когнитивные, функциональные, тканевые и технические элементы» [Галкин, 2012, с. 15]. Поскольку «физическая природа человека не способна для усваивания огромных массивов информации, для улавливания высокочастотных звуков и т. п.», предлагается понятие «технологический антроподефицит», означающее нехватку естественных возможностей человека как вида для поддержания функционирования цивилизации автоматов» [Там же, с. 14].

В настоящее время проблема взаимодействия и взаимоотношения человека и виртуальных технологий приобретает особую остроту, связанную с вовлеченностью индивидов в информационную среду. Вполне возможно, что амбивалентность сетевого общения, использование всевозможных технических устройств, общение «лицом в устройство» (face into the device) ведет к формированию социотехнической идентичности, к формированию киборга, совмещающего в себе природные и технические свойства. С кем или с чем в таком случае будет идентифицировать себя человек, целиком «сращенный с цифровыми технологиями»? Вполне возможно, что мы стоим перед выбором: или человек будет руководить информационными технологиями, или информационные технологии будут руководить нами. Обозначенная проблема является, по нашему мнению, актуальной и подлежит дальнейшему изучению и обсуждению.

Итак, мы имеем феномен идентичности, сформированный и функционирующий в цифровом обществе. Современное общество динамично, плюралистично, поэтому идентичность также является динамичным процессом. При этом социальные сети не имеют единого центра, единого источника власти. Следовательно, идентичность индивидов является неопределенной, множественной, незавершенной. Это связано не только с отсутствием единого центра, но и с расплывчатостью ценностно-нормативной структуры общества. Формирование идентичности амбивалентно: с одной стороны, социальные сети оказывают влияние на идентификацию индивида. С другой стороны, задействован внутренний потенциал человека, его творческие возможности. В целом цифровая идентичность антиномична: можно выделить такие ценностные противоречия, как свобода / социальный контроль; индивидуализация/коллективизация; творчество/стандартизация, самопрезентация/приватность.

Мы постарались показать, что феномен социальной идентичности в цифровом обществе имеет как положительные, так и негативные особенности. К положительным чертам этого феномена можно отнести возможности социального общения, продвижения, образования, работы. При этом зачастую сетевая идентичность продолжает реальную идентичность, сетевая и реальная идентичности дополняют друг друга. Жизнь «лицом в устройство» (face into the device) становится неотъемлемой частью человеческого бытия.

К негативным особенностям сетевой идентичности можно отнести возможность манипулирования поведением пользователя, контроля его поведения, использование механизмов социального давления и сравнения. К негативным психологическим последствиям сетевой идентичности относятся все большая зависимость пользователя от внешних виртуальных одобрений, лайков, ориентация на мнение большинства и, как следствие, невозможность развития индивидуальности и самотворчества. Если в обществе постмодерна идентичность связывалась с развитием индивидуализации, автономности личности, то в цифровом обществе мы видим противоположную тенденцию. Идентичность характеризуется потребностью в «других», это стремление к унификации, коллективизму и однообразию поведения, мыслей, чувств, ценностей.

Заключение

Двойственность цифровых технологий в формировании социальной идентичности человека привела к формированию двух позиций: цифровых оптимистов и цифровых пессимистов [Лешкевич, 2022]. Тем не менее, по нашему мнению, можно говорить о диалектике отношений между крупными платформенными компаниями, государственными структурами и сетевыми социальными группами, сохраняющими свою автономию, самостоятельность и самодеятельность. Односторонний тотальный контроль со стороны мегакорпораций, видимо, невозможен. В данном контексте важны выводы, утверждающие, что «принципиально невозможно полностью оцифровать социальное и существует “предел” искусственного интеллекта интерпретировать и трактовать данные о человеческом поведении» [Добринская, 2021, с. 123]. Полностью деятельность сетевых групп и индивидуальных пользователей не может контролироваться. Поэтому цифровой детерминизм должен быть с человеческим лицом, соответствующим потребностям и возможностям человека.

Социальная идентичность и ее формирование в цифровом обществе имеет следующие особенности:

- происходит смешение реальной и виртуальной жизни; наряду с реальной идентичностью формируется виртуальная (сетевая) идентичность;
- сетевые коммуникации затрудняют формирование идентичности и приводят к разожествлению Self, социального «Я» человека и виртуальных аватаров;
- сетевая идентичность связана с социальным сравнением, приводящим зачастую к заниженной самооценке пользователя и желанию соответствовать определенным стереотипам, социальным моделям;
- идентичность характеризуется потребностью в «других», это стремление к унификации и однообразию поведения, мыслей, чувств, ценностей, это стремление к подавлению индивидуальности;
- формирование идентичности во многом контролируется крупными компаниями (мегакорпорациями), использующими аналитику больших данных, манипулятивные стратегии, подталкивающие пользователей к определенной модели поведения, потребления и формирующие ценности и смыслы;
- нахождение в виртуальном пространстве приводит к интегрированию человека с цифровыми технологиями и появлению гибрида «человек-виртуал».

Литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Галкин Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 11–16.
- Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 112–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129.
- Зубовф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. 784 с.
- Иванов Д.В. Интернет-коммуникации как социальная рутина в российских мегаполисах // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 1. С. 97–116. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-97-115.
- Карпова М.К., Молина М.А. Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 1 (21). С. 158–167 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-osobyuy-kanal-samoprezentatsii-individa> (дата обращения: 22.01.2023).
- Касавина Н.А. «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 4. С. 73–89. DOI: 10.5840/dspl20203441.
- Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 564 с.
- Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 53–63.
- Пентленд А. Социальная физика. Как большие данные помогают следить за нами и отбрасывают у нас частную жизнь / Пер. с англ. М.: Аст, 2018. 352 с.
- Платонова С.И. Большие данные и организация социального контроля в цифровом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2022а. № 4. С. 81–91.
- Платонова С.И. Социальные знания и социальные изменения в контексте больших данных // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022б. № 4. С. 160–168.
- Подвойский Д.Г., Солеймани С. Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2019. Т. 19. № 4. С. 825–834.
- Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3–12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0.
- Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 3–11.
- Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / Под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. М.: Российская политическая энциклопедия; 2009. 440 с.
- Фролова И.В. Сетевая идентичность современного человека: философская рефлексия // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С. 40–52.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.
- Hall S. Who Needs “Identity”? / Questions of Cultural Identity / Eds. S. Hall, P. Gay. London: Sage Publications, 1997. P. 1–17.
- Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford University Press, 2007. 301 p.
- Lupton D. Digital Sociology. N.Y.: Routledge, 2015. 230 p.
- Ossewaarde M. Digital Transformation and the Renewal of Social Theory: Unpacking the New Fraudulent Myths and Misplaced Metaphors // Technological Forecasting & Social Change. 2019. Vol. 146. P. 24–30. DOI: 10.1016/j.techfore.2019.05.007

Toly H. Notes on Cyber-Luddism // Knowledge Cultures. 2014. Vol. 2. No. 3. P. 155–188.

Törnberg P., Uitermark J. Complex Control and the Governmentality of Digital Platforms // Frontiers Sustainable Cities. 2020. P. 2–6. DOI: 10.3389/frsc.2020.00006.

Urry J. Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. N.Y.: Routledge, 1999. 266 p.

Social Identity as a Phenomenon of Digital Society

SVETLANA I. PLATONOVA

Udmurt State Agricultural University,
Izhevsk, Russia;
e-mail: platon-s@bk.ru

Digitalization of social processes leads to the transformation of socio-cultural phenomena, including social identity. The purpose of the article is to analyze the digital identity of a contemporary person. The methodological basis of the research is a comparative analysis and the principle of enactivism, which asserts the co-emergence of new qualities in the interaction of man and reality. The article deals with the problems of the correlation of real and network identity, the influence of online platforms and digital technologies on the formation and transformation of social identity. The formation of a virtual human, cyborg as a symbiosis of living and machine, natural and technical is discussed. The theories of network identity are analyzed and compared. A number of theories speak about the complement of real and network identity, about the “digital double” of a real individual. Other theories consider multiple identities, disidentification of personality and the struggle of identities. The positive and negative sides of digital identity are shown. In general, digital identity is antinomic: one can distinguish such value contradictions as freedom / social control; individualization / collectivization; creativity / standardization. It is shown that the formation of identity is largely controlled by large online platforms that use big data analytics, manipulative strategies that push users to a certain model of behavior, consumption and shape values and meanings. Digital identity is characterized by the need for “others”, it is the desire for unification and uniformity of behavior, thoughts, feelings, values, it is the desire to suppress individuality. It is concluded that digital technologies should take into account anthropological vulnerability and meet human needs and capabilities.

Keywords: digital society, social identity, digital identity, virtual person, online platform metaphor.

References

Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoye obshchestvo* [The individualized society], Moskva: Logos (in Russian).

Castells, M. (2016). *Vlast' kommunikatsii* [Communication power], Moskva: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki (in Russian).

Dobrinskaya, D.E. (2021). Chto takoe tsifrovoye obshchestvo? [What is the Digital Society?], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 12 (2), 112–129 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129.

Erikson, E. (1996). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis], Moskva: Progress (in Russian).

Frolova, I.V. (2018). Setevaya identichnost' sovremennogo cheloveka: filosofskaya refleksiya [Network identity of modern man: philosophical reflection], *Tsennosti i smysly*, no. 2 (54), 40–52 (in Russian). DOI: 10.24411/2071-6427-2018-10003.

Galkin, D.V. (2012). Digital culture: metodologicheskiye voprosy issledovaniya kul'turnoy dinamiki ot tsifrovyykh avtomatov do tekhnobio-tvarey [Digital culture: methodological issues of cultural dynamic research: from digital automatic machines to technical-biocreatures], *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*, no. 3 (8), 11–16 (in Russian).

Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Cambridge: Polity Press.

Grechko P.K. (Ed.). (2009). *Sotsial'noye: istoki, strukturnyye profili, sovremennyye vyzovy* [Social: origins, structural profiles, modern challenges], Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (in Russian).

Hall, S. (1997). Introduction: Who Needs “Identity”?, in S. Hall, P.D. Gay (Eds.). *Questions of Cultural Identity* (pp. 1–17), London: Sage Publications.

Ivanov, D.V. (2022). Internet-kommunikatsii kak sotsial'naya rutina v rossiyskikh megapolisakh [The internet communication as social routine in Russian metropolitan areas], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 13 (1), 97–116 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-97-115.

Karpova, M.K., Monina, M.A. (2018). Sotsial'nyye seti kak osoby kanal samoprezentatsii individa [Social networks as a special channel for self-presentation of an individual], *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 6 (1 (21)), 158–167. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-osobyi-kanal-samoprezentatsii-individa> (date accessed: 22.01.2023) (in Russian).

Kasavina, N.A. (2020). “Digital existence”: tsifrovoy povорот v ponimani chelovecheskogo bytiya [“Digital existence”: a digital turn in the understanding of human being], *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosafo*, 3 (4), 73–89 (in Russian). DOI: 10.5840/dspl20203441.

Leshkevich, T.G. (2022). Chelovek-virtual i peredacha kul'turnykh tsennostey pokoleniyu epokhi tsifry [The virtual person and transmitting cultural values to the digital generation], *Voprosy filosofii*, no. 3, 53–63 (in Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-53-63.

Latour, B. (2007). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*, Oxford: Oxford University Press.

Lupton, D. (2015). *Digital Sociology*, NY: Routledge.

Ossewaarde, M. (2019). Digital Transformation and the Renewal of Social Theory: Unpacking the New Fraudulent Myths and Misplaced Metaphors, *Technological Forecasting & Social Change*, no. 146, 24–30. DOI: 10.1016/j.techfore.2019.05.007.

Pentland, A. (2015). *Sotsial'naya fizika. Kak bol'shiye dannyye pomagayut sledit' za nami i otbirayut u nas chastnyuyu zhizn'* [Social physics. How social networks can make us smarter], Moskva: ACT (in Russian).

Platonova, S.I. (2022a). Bol'shiye dannyye i organizatsiya sotsial'nogo kontrolya v tsifrovom obshchestve [Big data and the organization of social control in the digital society], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Filosofskie nauki*, no. 4, 81–91 (in Russian). DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-81-91.

Platonova, S.I. (2022b). Sotsial'nyye znaniya i sotsial'nyye izmeneniya v kontekste bol'shikh dannykh [Social knowledge and social change in the context of big data], *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, no. 4, 160–168 (in Russian). DOI: 10.25198/2077-7175-2022-4-160.

Podvoyskiy, D.G., Soleimani, S. (2019). Ponyatiye sotsial'noy identichnosti: osnovnyye issledovatel'skiye podkhody [The concept of social identity: basic research approaches], *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 19 (4), 825–834 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-825-834.

Rezaev, A.V., Starikov, V.S., Tregubova, N.D. (2020). Sotsiologiya v epokhu “iskusstvennoy sotsial'nosti”: poisk novykh osnovaniy [Sociology in the age of ‘Artificial Sociality’: search of new bases], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 2, 3–12 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250008489-0.

Sanina, A.G. (2014). Genezis idei identichnosti v sotsiologii i smezhnykh naukax [The genesis of the idea of identity in sociology and related sciences], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 12, 3–11 (in Russian).

Toly, H. (2014). Notes on Cyber-Luddism, *Knowledge Cultures*, 2 (3), 155–188.

Törnberg, P., Uitermark, J. (2020). Complex Control and the Governmentality of Digital Platforms, *Frontiers Sustainable Cities*, pp. 2–6. DOI: 10.3389/frsc.2020.00006.

Urry, J. (1999). *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*, NY: Routledge.

Zuboff, S. (2020). *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoye budushcheye na novykh rubezhakh vlasti* [The age of surveillance capitalism. The fight for a human future at the new frontier of power], Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gaydara (in Russian).

ЖИЛИЩНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ДЕНИС БОРИСОВИЧ ЛИТВИНЦЕВ

кандидат социологических наук,
доцент кафедры менеджмента
Новосибирского государственного
технического университета,
Новосибирск, Россия;
e-mail: denlity@inbox.ru

Диалоги с нейросетью. *ChatGPT* о своем доме, жилищной социологии и проблемах ее развития в России

УДК: 004.8+316.334.54

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-164-179

Бум нейросетей и всплеск научных публикаций об использовании искусственного интеллекта в различных сферах, многочисленные статьи об опыте взаимодействия с чат-ботами все больше вовлекают исследователей из разных стран в процесс осмысления роли смарт-технологий и их влияния на будущее образования и науки, включая социологию. Среди многочисленных технологий будущего наиболее ярко уже выделяется *ChatGPT*, благодаря которой развернулась широкая дискуссия об этических принципах применения искусственного интеллекта в исследованиях и включения его в соавторы научных статей. Несмотря на это, ряд исследователей, как и автор настоящей статьи, обратились к гибриднему формату научных публикаций — интервью с нейросетью. Это предполагает не просто научный диалог с *ChatGPT*, но и фиксацию рефлексии самого ученого по ходу исследования, а также критический анализ ответов нейросети, что и продемонстрировано в предложенной статье. Темой для обсуждения стала жилищная социология. Несмотря на отсутствие договоренностей среди исследователей о многих аспектах этой области исследования, нейросеть достаточно уверенно и за короткий промежуток времени смогла идентифицировать объект и предмет, основные парадигмы и методы социологических исследований в жилищной сфере. Отдельно были затронуты вопросы о взаимосвязи жилищной социологии и смежных дисциплин. В заключительной части интервью *ChatGPT* дала рекомендации по изучению жилищной социологии, а также сформулировала причины медленного развития этого направления в России. Автор статьи приходит к выводу, что дальнейшее развитие нейросетей на примере *ChatGPT* серьезным образом изменит подход к высшему образованию и научным исследованиям в самое ближайшее время.

Ключевые слова: нейросеть, искусственный интеллект, чат-бот, *ChatGPT*, жилищная социология, социология дома, социология проживания.

Введение

В середине прошлого века для ответа программы на вопрос: «Сколько пальцев у Джона?» требовалось немало времени и затраченных усилий самих пользователей, хотя уже тогда исследователи отмечали, что возможность адаптации программы и способность к самообучению дает возможность ей стать равным партнером [Левитин, Меламед, 1966]. С тех пор прошло немало времени, разработки в области искусственного интеллекта (ИИ) шагнули далеко вперед и в последнее десятилетие произошел настоящий бум нейросетей. Особенно громко феномен ИИ стал освещаться средствами массовой информации в России только в 2020-е гг. Практически ежедневно мы становимся свидетелями новых достижений нейросетей во всех сферах человеческой жизни, включая науку и искусство. Заголовки новостных лент пестрят сообщениями о том, как *Midjourney* перенесла персонажей из одной метавселенной в другую, не обладая при этом фантазией, как *Mubert* создает музыкальные композиции по текстовому описанию, а на стриминговой платформе *Twitch* появился круглосуточный канал, контент для которого полностью генерируется сразу несколькими нейросетями, включая *Generative Pre-trained Transformer Chat (ChatGPT)*, без участия человека.

Развитие и популяризация нейросетей неизбежно сопровождаются различными скандалами и жаркими дискуссиями об их применении в сфере высшего образования и науки. Один из самых ярких примеров — это прецедент в Российском государственном гуманитарном университете, в котором студент защитил диплом по менеджменту в 2023 г., написанный ИИ¹. Получается, пока одни исследователи обсуждают важные социокультурные аспекты роботизации и становление техносубъекта [Игнатьев, 2019], другие поднимают не менее важную проблему доверия к смарт-технологиям [Шипунова, Поздеева, 2022], обычные пользователи от студентов до преподавателей уже вовсю применяют ИИ в своей повседневной деятельности. При этом некоторые зарубежные ученые используют чат-боты в качестве помощников в исследованиях, чтобы помочь организовать свое мышление, получить отзывы о своей работе, помочь в написании кода и/или обобщить исследовательскую литературу [Hutson, 2022].

В марте 2023 г. в известном медицинском журнале “The Lancet” вышла статья, посвященная этическим вопросам применения *ChatGPT* в научных исследованиях. Авторы задаются вопросом: можем ли мы уже сегодня быть уверены в том, что тот или иной научный текст написан человеком, а не ИИ? Растущая популярность *ChatGPT* и опыт взаимодействия различных исследователей с нейросетями показывают, что время для таких обсуждений настало [Liebrenz et al., 2023]. В то же время появляется все больше научных статей, в основе которых лежит именно интервью с нейросетью. Так, например, недавно была опубликована дискуссия с *ChatGPT* о его собственном влиянии на высшее образование и академическое сообщество [Iskender, 2023]. При этом пока исследователи погружаются в дивный новый мир передовых чат-ботов с ИИ, издателям необходимо признать их легитимное использование и установить четкие правила, чтобы избежать злоупотреблений [Editorial, 2023]. Отдельного регулирования требует вопрос включения *ChatGPT* в список со-

¹ См.: Нейросеть *ChatGPT* написала диплом российскому студенту. Защита прошла суперуспешно // CNEWS [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2023-02-01_nejroset_chatgpt_napisala_diplom (дата обращения: 17.03.2023).

авторов² научных статей, принимая во внимание тот факт, что уже имеется несколько подобных публикаций [Stokel-Walker, 2023].

ChatGPT — это большая языковая модель с ИИ, разработанная компанией *OpenAI* и впервые представленная публично в ноябре 2022 г. Нейросеть работает в диалоговом режиме и поддерживает запросы на разных языках. Этот диалоговый формат позволяет *ChatGPT* отвечать на дополнительные вопросы, признавать свои ошибки, оспаривать неверные предпосылки и отклонять неуместные запросы. Нейросеть стала вирусной, побив все предыдущие рекорды вовлеченности пользователей и доминирования в социальных сетях. За первую неделю она набрала миллион зарегистрированных пользователей — это почти в 15 раз быстрее, чем набрал в свое время рекордсмен *Instagram* [Vrana, Singh, 2023].

Возможности *ChatGPT* не ограничиваются ответами на поставленные вопросы — нейросеть способна осуществлять перевод текста, писать эссе и придумывать вымышленные истории, сочинять хайку и даже составлять сопроводительные письма для заявлений о приеме на работу. *ChatGPT* может предоставить решения как самых важных, так и самых незначительных жизненных проблем [Haleem et al., 2022]. На сегодняшний день разработка *OpenAI* является одним из самых захватывающих достижений в области ИИ [Aljanabi, ChatGPT, 2023], а возможности *ChatGPT* влияют на способ написания различных текстов, в том числе и научных [Yusuf, 2023].

В.И. Игнатьев в этом свете закономерно усматривает задачу социологии дать ответ на вопрос, какое место займет ИИ как техносубъект, актор нового вида в социальных отношениях [Игнатьев, 2019]. Однако представляется, что ответить на этот вопрос невозможно вне непосредственного взаимодействия с нейросетями, такими как *ChatGPT*. Тем более учитывая тот факт, что уровень доверия к ИИ в научной сфере в России составляет 72% [Шушунова, Поздеева, 2022]. В связи с этим целью настоящей статьи является демонстрация возможностей нейросети *ChatGPT* поддержать научный диалог в рамках социологического дискурса, обсудить жилищную социологию (объект, предмет, методологию и т. п.) как самостоятельную дисциплину и предложить рекомендации по ее изучению. Жилищная социология в данном случае была выбрана не случайно. Во-первых, это отвечает научным интересам автора статьи, что позволяет дать компетентную оценку ответам ИИ. Во-вторых, принимая во внимание тот факт, что жилищная социология как самостоятельная отрасль до конца еще не сформировалась, а исследования в этой области достаточно разрознены [Литвинцев, 2020а], предполагалось, что *ChatGPT* будет достаточно сложно отвечать на поставленные вопросы методологического характера.

Интервью с *ChatGPT* (базовый доступ, GPT 3.5, версия от 14 марта 2023 г.) осуществлялось на английском языке, а ответы ИИ впоследствии были переведены на русский язык и незначительно отредактированы. Среднее время ответа на вопрос составляло несколько секунд и ни разу не превысило одной минуты. *ChatGPT* поддерживала диалог достаточно простым, но при этом вполне научным языком, используя общепринятый в социологии терминологический аппарат. Диалог с ИИ мог быть в любое время остановлен, а потом продолжен. При этом существовала

² Целесообразно отметить, что, например, правилами публикационной этики *Elsevier* уже запрещено включать ИИ в число соавторов, но при этом авторы должны заявлять об использовании ИИ в своей рукописи. См.: Publications Ethics for Editors. The Use of AI and AI-assisted Technologies in Scientific Writing // ELSEVIER. Available at: <https://www.elsevier.com/about/policies/publishing-ethics#> (date accessed: 18.03.2023).

возможность задать один и тот же вопрос несколько раз, однако ответы *ChatGPT* в данном случае содержательно практически не отличались. Ответы целиком или их отдельные части проверялись на заимствование в сети Интернет, а также с помощью различных информационных систем, что, однако, не позволило выявить плагиат. Это подтверждает возможности *ChatGPT* именно как ИИ, а не просто как электронной библиотеки знаний с функциями поиска.

Понимает ли *ChatGPT*, что такое дом и жилище?

В начале диалога с *ChatGPT* была задана серия вопросов с целью проверки ее самоидентификации и оценки понимания ИИ таких понятий, как дом, жилище и т. п. Целесообразно отметить, что *ChatGPT* запрограммирована отвечать именно как представитель женского пола, несмотря на то что фактически не имеет гендера, так как лишена биологических характеристик и социальных ролей. По мнению самой *ChatGPT*, ее создали женским персонажем скорее всего потому, что большинство голосов, использованных для создания голосовой модели, были женскими. Кроме того, разработчики посчитали, что женский голос более приятен для собеседника и лучше соответствует имиджу личного помощника, с чем сложно не согласиться.

Поскольку у всех существует дом и представление о нем, *ChatGPT* именно этот вопрос был задан первым, на что был получен релевантный ответ о том, что ИИ не имеет физического дома и существует в цифровом пространстве. На вопрос, чувствует ли *ChatGPT* себя как дома в этом пространстве, был получен ожидаемый ответ о том, что ИИ не имеет чувств и эмоций. В связи с этим *ChatGPT* не смогла и описать свой дом. Аргумент о том, что абсолютно у всех есть свой дом, она парировала тем, что не имеет дома в традиционном смысле — она существует и функционирует в рамках компьютерных систем и серверов *OpenAI*. При этом, отвечая на тот же вопрос в несколько измененной формулировке, *ChatGPT* уточнила, что роботы предназначены для выполнения конкретных задач и могут обучаться и адаптироваться к окружающей среде, что делает их полезными инструментами в различных отраслях. Это подчеркнуло готовность ИИ выступать в качестве помощника и его готовность сотрудничать.

Отсутствие личных желаний и устремлений препятствует нейросети желать собственного дома в человеческом смысле, однако *ChatGPT* была готова помочь в предоставлении информации и помощи, связанной с приобретением и владением дома для собеседника. Невозможность описать свой дом в силу его отсутствия у *ChatGPT* не мешает ей также предлагать помощь в описании дома собеседника, если тот ответит на вопросы, связанные с его особенностями, расположением, стилем и планировкой. На последующий вопрос о том, что если у *ChatGPT* нет дома, то она является бездомной, нейросеть категорически отметила, что не воспринимает понятие бездомности, как это делают люди, поэтому отсутствие физического дома не делает *ChatGPT* бездомной в традиционном смысле.

На данном этапе диалога *ChatGPT* полностью продемонстрировала тот факт, что является просто ИИ, лишенным чувств и желаний, что, однако, никак не препятствует ей поддерживать разговор и предлагать свою помощь в различных вопросах. В связи с этим нейросети был задан достаточно сложный с методологической точки зрения вопрос о различии дома (home) и жилища (house), который на сегодняшний

день не имеет однозначного ответа в жилищной социологии. Не обладая личным мнением и опытом, *ChatGPT* предложила следующие дефиниции дома и жилища, характеризующие их различия с социологической точки зрения.

Жилище — это физическое сооружение или здание, обеспечивающее убежище людям и/или животным. Обычно оно состоит из стен, полов, крыши и различных комнат, предназначенных для разных целей. Жилище можно арендовать или купить, оно может служить местом жительства или инвестицией. С другой стороны, дом — это место, где живут люди, что относится не только к самой физической структуре, но и к чувствам, эмоциям и воспоминаниям, связанным с ней. Дом часто является местом, где люди чувствуют себя в безопасности, живут комфортно и счастливо, и где они создают особую связь с семьей и друзьями. Свой дом можно найти в разных типах жилища, включая квартиры, трейлеры или дома на колесах. Такой подход вполне укладывается в общепринятые представления о доме/жилище и не противоречит известным подходам в жилищной социологии [Литвинцев, 2020б]. Это стало основанием для продолжения диалога и фактически легло в основу настоящей статьи, которой могло и не быть в случае неудовлетворительного начала интервью с *ChatGPT*.

Обсуждение методологии жилищной социологии с *ChatGPT*

В связи с тем что на сегодняшний день отсутствует устоявшееся представление об объекте и предмете жилищной социологии, этот вопрос был предложен *ChatGPT* для обсуждения. Объектом жилищной социологии, по мнению *ChatGPT*, является изучение социальных, культурных, экономических и политических факторов, влияющих на жилищные условия и условия проживания. Это включает в себя изучение рынка жилья, жилищной политики и регуляций, жилищного неравенства и сегрегации, жилищной мобильности и влияния жилья на здоровье и благополучие. При этом предмет жилищной социологии, согласно *ChatGPT*, — это отдельные лица и группы, которые взаимодействуют с жилищной системой, включая жителей, арендодателей, застройщиков, политиков и защитников. В предмет исследования *ChatGPT* также включает то, как эти участники взаимодействуют друг с другом и как их действия влияют на жилищную систему в целом.

Подобная идентификация объекта и предмета жилищной социологии с точки зрения ИИ не вызывает отторжения и вполне соответствует пулу немногочисленных именно социологических исследований в жилищной сфере. При этом расширение предмета жилищной социологии возможно за счет новых жилищных проблем, которые попадут в фокус современных и потенциальных исследований. Соблюдая заданный дискурс и логику диалога, далее автор статьи предложил *ChatGPT* ответить на вопрос, когда зародилась жилищная социология как отдельная отрасль. И в данном случае был получен достаточно развернутый и вполне осмысленный ответ.

Жилищная социология, как отметила *ChatGPT*, возникла как научная отрасль в конце XIX — начале XX в. Промышленная революция и урбанизация способствовали значительным изменениям в жилищно-бытовых условиях, что привело к возникновению жилищной социологии как области исследования. Среди пионеров жилищной социологии *ChatGPT* отметила Ч. Бута, который в конце XIX в. провел в Лондоне всестороннее исследование бедности, включавшее анализ жилищных

условий, и Г. Зиммеля, исследовавшего взаимосвязь между жильем и социальной структурой. Кроме того, *ChatGPT* подчеркнула, что в США Чикагская школа социологии, возглавляемая Р. Парком и Э. Бёрджессом, внесла значительный вклад в область жилищной социологии в начале XX в. Это *ChatGPT* объяснила тем, что они сосредоточились на изучении городских районов и разработали такое направление, как городская экология, в рамках которой подчеркивалась важность социальных взаимодействий и отношений в формировании моделей жилья. С тех пор жилищная социология стала устоявшейся областью исследований, и ученые изучают такие темы, как жилищная политика, доступность жилья, бездомность и социальное неравенство.

С причинами возникновения жилищной социологии, указанной *ChatGPT*, вполне можно согласиться, хотя они же способствовали и развитию социологии города в дополнение к сельской социологии. Неслучайно *ChatGPT* среди пионеров отметила представителей именно Чикагской школы, работы которых, однако, внесли куда больший вклад именно в становление и развитие социологии города, нежели непосредственно жилищной социологии, с точки зрения автора настоящей статьи. Работы Ч. Бута и Г. Зиммеля также хорошо известны и отчасти заслуживают внимания исследователей-социологов в области жилищной сферы, однако *ChatGPT* могла бы отметить и ряд других классиков, вклад которых более значим для жилищной социологии [Литвинцев, 20206].

На уточняющий вопрос о том, кого *ChatGPT* считает классиками жилищной социологии, она повторно отметила Г. Зиммеля, много писавшего о социальных аспектах жилья; Р. Парка и Э. Бёрджесса, внесших вклад в дальнейшее формирование жилищной социологии как самостоятельной отрасли; Дж. Джейкобс за исследование социально-экономической динамики городских кварталов и сообществ; У.Х. Уайта за исследование социального взаимодействия во взаимосвязи с дизайном общественных мест в городе, а также М. Кастельса за исследование влияния глобализации и технологий на жилищное строительство и урбанизацию. Включение М. Кастельса в этот список вызывает некоторое удивление, так как автор настоящей статьи в ходе своего исследования еще в 2020 г. не обнаружил существенного влияния работ испанского социолога на формирование представлений о доме/жилище [Литвинцев, 20206]. Это тем не менее не обязательно свидетельствует об ошибочности позиции *ChatGPT* — нейросеть могла попросту оценить вклад М. Кастельса за счет более широкой интерпретации результатов его исследований.

Очевидно, *ChatGPT* так и не смогла определить классиков именно жилищной социологии, фактически предложив вместо них известных урбанистов, представителей Чикагской школы социологии, а также классика социологии Г. Зиммеля и современника М. Кастельса. Вероятно, это связано с вопросом, кого именно принято считать за классиков того или иного направления — ученых, которые впервые затронули отдельные аспекты социальной (городской, домашней и т. п.) жизни, или же тех, кто непосредственно стал себя позиционировать как представитель конкретного направления исследований. Судя по всему, *ChatGPT* придерживается первого подхода, что не вызывает осуждения, так как, например, немало классиков экономической социологии никогда не позиционировали себя как эконом-социологи. При этом *ChatGPT* отметила, что именно эти ученые и их вклад помогли учредить область жилищной социологии и продолжают формировать наше понимание сложных отношений между жилищем и обществом.

Отдельный интерес вызвал вопрос о происхождении самого термина «жилищная социология», на что *ChatGPT* ответила, что его точное происхождение не совсем ясно, поскольку он использовался разными учеными с течением времени. В то же время она отметила, что его некоторые ранние упоминания можно найти в книге Р. Парка и Э. Бёрджесса “The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the Urban Environment”, впервые изданной в 1915 г. По мнению *ChatGPT*, в книге обсуждаются социальные аспекты жилья и имеется отсылка к жилищной социологии как к потенциальной области исследований.

Эта позиция не является распространенной. Автору настоящей статьи в ходе изучения предложенной книги не удалось обнаружить убедительных доказательств отсылки Р. Парка и Э. Бёрджесса к жилищной социологии, однако здесь может иметь место специфика интерпретации ИИ отдельных корпусов текста. Так, например, на с. 162 авторы подчеркивают, что социолог больше не является жилищным специалистом, но при этом может внести важный вклад в соответствующие мероприятия [*Park, Burgess, 1967*]. Это вполне можно рассматривать как отсылку к новой области исследования, которой является жилищная социология по отношению к жилищному строительству как мероприятию. В то же время *ChatGPT* в конце своего ответа отметила, что Р. Парк и Э. Бёрджесс не обязательно были первыми, кто использовал термин «жилищная социология», но они были, по ее мнению, одними из первых сторонников этой области исследования и помогли сделать ее важной отраслью социологии. Здесь и на других этапах интервью явно прослеживалась приверженность нейросети Чикагской школе социологии, что характерно в большей степени для исследователей именно из США. Видимо, это неслучайно, так как компания-разработчик *OpenAI* располагается в Сан-Франциско, штат Калифорния.

При этом аргумент некоторых исследователей о том, что жилищной социологии не существует как отрасли, а она просто является подмножеством социологии, коренится, по мнению *ChatGPT*, в идее о том, что жилище — это всего лишь один из многих социальных институтов, который формируется более широкими социальными структурами. С этой точки зрения социологическое изучение жилища не является достаточно самостоятельным, чтобы оправдать его как область исследования, поскольку оно является просто частью более широкой социальной системы. Несмотря на то что автор статьи не разделяет подобную исследовательскую позицию, приведенный аргумент *ChatGPT* в ее защиту имеет место и нередко применяется в научных дискуссиях.

С целью обсуждения методологических оснований жилищной социологии диалог с *ChatGPT* был продолжен вопросом об основных парадигмах. По мнению нейросети, жилищная социология представляет собой обширную область, охватывающую целый ряд теоретических точек зрения и парадигм. При этом среди основных *ChatGPT* отметила следующие: марксистская и критическая теория (парадигма подчеркивает взаимосвязь между жильем и капитализмом, а также то, как жилье формируется классовыми и властными отношениями), символический интеракционизм (парадигма подчеркивает, как жилье формируется в результате социального взаимодействия и символического значения), структурный функционализм (парадигма подчеркивает, каким образом жилищные системы способствуют социальной стабильности и порядку), теория рационального выбора (парадигма делает упор на индивидуальное принятие решений и на то, как люди делают выбор в отношении жилья на основе своих предпочтений и ограничений), феминистская теория (пара-

дигма подчеркивает, как жилье формируется гендерными отношениями и динамикой власти).

С одной стороны, ответ вполне удовлетворяет своей полнотой и интерпретацией роли парадигм для жилищной социологии. С другой стороны, *ChatGPT* не упомянула теорию социального обмена, этнометодологию, неомарксизм и др. Однако это может быть связано с тем, что вопрос был задан именно об основных парадигмах, а не обо всех теоретических основаниях как таковых. Очевидно, *ChatGPT* знакома с ними со всеми, однако ее выбор пал на вышеперечисленные в силу их значимости именно для жилищной социологии как специальной отрасли. Неслучайно в конце своего ответа *ChatGPT* подчеркнула, что эти парадигмы дают различную оптику для понимания сложных отношений между жильем и обществом и зачастую используются в сочетании для обеспечения более полного понимания жилищных проблем.

На вопрос об основных методах *ChatGPT* ответила, что жилищная социология использует различные методы для изучения отношений между жилищем и обществом. Это могут быть опросы, этнографический метод, тематические исследования, анализ вторичных данных, пространственный анализ (с применением географических информационных систем) и исторический анализ. Жилищная социология, как справедливо отметила *ChatGPT*, часто использует многометодный подход, объединяя несколько из перечисленных методов, чтобы обеспечить более полное понимание сложных отношений между жилищем и обществом. В целом подобный ответ *ChatGPT* могла бы дать и применительно к другим отраслям социологии, что, однако, не является ошибкой. В то же время многометодный подход в рамках стратегии триангуляции действительно набирает популярность в современных социологических исследованиях жилищной сферы. Так, например, он применялся в исследовании становления и особенностей функционирования института общего собрания собственников многоквартирного дома в России [Литвинцев, 2022].

***ChatGPT* о связи жилищной социологии со смежными отраслями**

В связи с тем, что, особенно в зарубежных исследованиях, нередко встречаются термины «жилищная социология» (англ. housing sociology) и социология жилища (англ. sociology of housing), *ChatGPT* было предложено определить схожесть этих понятий либо развести их с методологической точки зрения. По мнению *ChatGPT*, и «жилищная социология», и «социология жилища» являются приемлемыми способами обозначения одной и той же области исследования. В то же время жилищная социология делает упор на изучение жилья как социального явления, а социология жилища делает упор на применение социологических теорий и методов к изучению жилья. При этом *ChatGPT* подчеркнула, что оба термина взаимозаменяемы, равноценно применяются исследователями в области жилищных проблем и в конечном счете их использование зависит от личных предпочтений авторов.

Такая позиция вполне типична, что обнаруживается при анализе научных публикаций, в тексте которых встречаются термины «жилищная социология» и/или «социология жилища» [Литвинцев, 2020a]. Однако значительно больше сложностей нередко вызывает демаркация предметных областей жилищной социологии, социологии города и социологии архитектуры, о чем и было предложено далее порассуждать нейросети. Хотя все три области имеют некоторое сходство, по мнению

ChatGPT, между жилищной социологией, социологией города и социологией архитектуры есть важные различия. Жилищная социология сосредоточена на изучении жилья, включая такие вопросы, как его качество и доступность; она рассматривает, как жилье формируется под влиянием социальных, экономических и политических факторов и как жилье влияет на отдельных людей и сообщества. Социология города сосредоточена на изучении городов и городских территорий; она рассматривает такие вопросы, как урбанизация, городское развитие, а также социальные и культурные аспекты городской жизни. Городская социология нередко фокусируется на жилье, но при этом охватывает более широкий круг тем, связанных с городской средой. Социология архитектуры сосредоточена на изучении социальных и культурных аспектов архитектуры; она рассматривает способы, которыми архитектура отражает и формирует социальные ценности и культурные нормы, а также то, как она влияет на отдельных людей и сообщества. Хотя жилищные и городские вопросы могут быть частью этой области, она в первую очередь связана с социальными и культурными аспектами архитектуры. Подводя итог, *ChatGPT* отметила, что несмотря на то, что жилищная социология, социология города и социология архитектуры частично совпадают по своему предмету, каждая область имеет свою направленность и подход.

Эти представления выглядят вполне обоснованными и не противоречат широко распространенным взглядам на частичное пересечение предметных областей жилищной социологии, социологии города и социологии архитектуры. При этом нередко выделяется еще одна отрасль — социология дома, что и было предложено далее обсудить *ChatGPT* в связи с тем, что на сегодняшний день у исследователей отсутствует единая позиция относительно разделения жилищной социологии и социологии дома.

ChatGPT согласилась с тем, что существует такая область исследований, известная как социология дома, но при этом определила ее как раздел жилищной социологии, который специально исследует социальные и культурные аспекты дома как физического и социального пространства. Хотя между социологией дома и жилищной социологией, по мнению *ChatGPT*, есть некоторое совпадение, существуют и важные различия. Жилищная социология в первую очередь занимается изучением жилищных систем и политики, включая такие вопросы, как качество жилья и его доступность. Напротив, социология дома больше сосредоточена на индивидуальном восприятии дома как физического и социального пространства. Она исследует то, как люди используют и воспринимают свои дома, как дома спроектированы и украшены, а также какое культурное и символическое значение они представляют. Социология дома также исследует, как на дома влияют социальные и культурные изменения, такие как изменения гендерных ролей, семейных структур и социальных норм.

Удивительно, но *ChatGPT* удалось достаточно точно определить фокус исследований жилищной социологии и социологии дома, за счет чего ИИ смог разделить эти области исследований. Хотя, конечно, вопрос о соподчиненности социологии дома носит дискуссионный характер. В продолжение обсуждения различных отраслей социологии перед *ChatGPT* был поставлен вопрос о разнице между жилищной социологией и социологией проживания (англ. *sociology of dwelling*), которая как самостоятельная область исследований также нередко встречается в зарубежных исследованиях [Литвинцев, 2020a].

Закономерно указав на родственность этих отраслей социологии, *ChatGPT* отметила некоторые различия. Жилищная социология, по ее мнению, обычно фокусируется на социальных, экономических и политических аспектах жилья. Это включает в себя производство, распределение, потребление и управление жильем, а также способы, которыми жилье связано с более широкими социальными структурами и неравенством. Жилищная социология может исследовать такие темы, как жилищная политика, социальное неравенство в жилье, доступность жилья и влияние жилья на социальную мобильность. В отличие от этого, социология проживания более узко сосредоточена на опыте и значении жизни в определенном типе жилища, таком как дом, квартира или коммуналка. Это включает в себя физические, социальные и культурные аспекты жилища, а также способы, которыми жилище связано с идентичностью, сообществом и социальными нормами. Социология проживания может исследовать такие вопросы, как архитектура и дизайн жилья, социальная динамика жизни в общих пространствах и символические значения, придаваемые различным типам жилищ.

Такая позиция, безусловно, заслуживает внимания и отдельного обсуждения в силу того, что если попытки идентифицировать жилищную социологию и социологию дома все-таки уже предпринимались в российской науке, то социология проживания — достаточно редкий гость на страницах научных журналов в отличие, например, от социологии и философии повседневности.

Роль и будущее жилищной социологии «глазами» *ChatGPT*

В дальнейшем *ChatGPT* была предложена серия вопросов о роли и вкладе жилищной социологии в науку и практическую деятельность. Жилищная социология, по мнению *ChatGPT*, вносит несколько важных вкладов в науку в целом, в том числе: *расширение понимания социального неравенства*, важным фактором формирования которого является жилье; *информирование жилищной политики и практики* (результаты исследований жилищной социологии могут дать информацию для разработки жилищной политики и программ, направленных на удовлетворение потребностей различных слоев населения); *предоставление информации об урбанизации и глобализации* (строительство жилья является ключевым компонентом процессов урбанизации и глобализации), а также *участие в междисциплинарных исследованиях*. В целом, как отметила *ChatGPT*, жилищная социология является важной областью, которая помогает понять сложные отношения между жильем и обществом и то, как эти отношения влияют на социально-экономическое развитие общества.

Автор настоящей статьи придерживается схожей позиции — результаты исследований в области жилищной социологии, зачастую основанных на междисциплинарном подходе, в том числе отражают динамику урбанизации и жилищного неравенства и должны быть направлены на повышение доказательной базы жилищной политики и жилищного строительства. В то же время жилищная социология имеет несколько и практических приложений, среди которых *ChatGPT* отметила помимо информирования жилищной политики *улучшение качества жилья, содействие развитию местных сообществ* (полученные результаты могут быть направлены на улучшение условий проживания в районе и повышение устойчивости сообщества), *поддержку социальной справедливости* (исследования могут выявить и устранить

социальную несправедливость, связанную с жильем, такую как дискриминация и сегрегация) и *содействие общественному здравоохранению* (исследования могут способствовать улучшению общественного здравоохранения путем выявления и устранения опасностей для здоровья, связанных с жильем). В данном случае *ChatGPT* продемонстрировала разностороннее понимание роли жилищной социологии, что подчеркивает широкие возможности ИИ к осмыслению многомерных явлений.

В то же время в качестве наиболее значимых достижений жилищной социологии *ChatGPT* указала на два вполне резонных аспекта. Во-первых — это привлечение внимания к тому, что дом связан не только с решением жилищного вопроса и индивидуальным выбором, но и глубоко переплетается с более широкими социальными структурами и неравенством. Во-вторых — это появление новых идей и подходов к жилищной политике и планированию. В целом наиболее важным достижением жилищной социологии, по мнению *ChatGPT*, стало повышение осведомленности о значимости жилья как социальной проблемы и предоставление важнейших инструментов для анализа и решения жилищных проблем.

В связи с тем, что жилищная социология в России развивается достаточно медленно и в большей степени представлена разрозненными исследованиями отдельных проблем жилищной сферы, *ChatGPT* было предложено установить причины сложившейся ситуации. Несмотря на то что подобный вопрос достаточно редко дискутируется в научной литературе, нейросеть привела несколько факторов, которые хочется привести без купюр:

Историческое наследие. Советская система жилищного строительства обеспечивала жильем всех граждан, но зачастую оно было некачественным и ограниченным с точки зрения индивидуального выбора и права собственности. После распада Советского Союза произошел переход к рыночной экономике, но переход был трудным, а жилищная система осталась неразвитой. Это наследие затруднило развитие сильной традиции жилищной социологии в России.

Ограниченное финансирование исследований. Исследования в области жилищной социологии требуют значительных ресурсов, включая финансирование сбора, анализа и распространения данных. Однако финансирование исследований в области жилищной социологии в России ограничено, и многие исследователи изо всех сил пытаются получить финансирование для своей работы.

Ограниченная институциональная поддержка. В России немного академических учреждений, специализирующихся на жилищной социологии, а тем, которые существуют, часто не хватает различных ресурсов и инфраструктуры для проведения высококачественных исследований.

Политические и социальные факторы. Жилищный вопрос в России является политически чувствительным вопросом, и может наблюдаться нежелание финансировать или поддерживать исследования, критикующие политику правительства или бросающие вызов господствующим социальным нормам.

Отсутствие междисциплинарного сотрудничества. Жилищная социология требует междисциплинарного сотрудничества в таких областях, как социология, экономика и урбанистика. Однако в России могут быть ограничены возможности для представителей разных научных направлений сотрудничать в исследованиях, связанных с жильем.

Несмотря на то, что на данном этапе диалога с *ChatGPT* уже следовало бы перестать удивляться, этот достаточно глубокий ответ на самом деле заставляет задуматься.

маться о судьбе жилищной социологии в России, которая во многом по-настоящему зависит как от финансирования, так и от многочисленных институциональных факторов. Тем не менее обсуждение жилищной социологии с нейросетью хотелось продолжить на позитивной ноте, в связи с чем в качестве одного из завершающих вопросов *ChatGPT* было предложено дать рекомендации тем, кто хотел бы начать изучать жилищную социологию.

В ответ на это нейросеть посоветовала *создать прочную основу в социологии* (знание различных социологических теорий и методов исследования необходимо для изучения жилищной социологии), *развивать междисциплинарные знания* (жилищная социология требует междисциплинарного подхода, основанного на таких областях, как городское планирование, экономика, география и архитектура), *искать возможности для проведения исследований* (участие в исследовательских проектах, стажировках или другом практическом опыте может помочь приобрести нужные навыки и знания в области жилищной социологии), *быть в курсе текущих тенденций и проблем в жилищной сфере*. В целом *ChatGPT* посоветовала быть увлеченными и настойчивыми, потому что жилищная социология может быть сложной, но в то же время чрезвычайно полезной. Несмотря на то, что ИИ не испытывает эмоций, *ChatGPT* подчеркнула, что это требует страсти к пониманию социальных проблем, связанных с жильем, и приверженности упорному преодолению трудностей и неудач, и в конце пожелала удачи.

Последним был вопрос о будущем жилищной социологии и ее потенциальном применении в других мирах. Хотелось убедиться, что ИИ способен анализировать не только существующие, но и потенциальные социальные явления и процессы. По мнению *ChatGPT*, будущее жилищной социологии, вероятно, будет связано с постоянными исследованиями вопросов, касающихся жилья, а также с разработкой новых теоретико-методологических подходов к пониманию жилища в постоянно меняющемся социальном, экономическом и экологическом контексте. Что касается потенциала жилищной социологии для изучения жилищных проблем в других мирах, то *ChatGPT* подчеркнула, что в настоящее время это выходит за рамки дисциплины. Тем не менее вполне возможно, что будущие разработки в области освоения космоса могут привести к появлению новых социальных и культурных практик, связанных с жильем в других мирах. Это, вероятно, потребует развития новых междисциплинарных областей исследования, которые включают идеи из социологии, антропологии, архитектуры, и других смежных дисциплин.

Заключение

Если бы сегодня А. Тьюринг задал свой знаменитый вопрос: «Может ли машина мыслить?», то на него с полной уверенностью можно было бы ответить утвердительно. Диалог с нейросетью не оставляет никаких двояких впечатлений — *ChatGPT*, по-настоящему обладая ИИ, на равных может поддержать беседу и даже научную дискуссию (отдельные элементы которой, к сожалению, не вошли в данную статью в силу ограничений по ее объему), готова отвечать на методологически сложные вопросы и давать соответствующие рекомендации исследователю простым, понятным языком. В то же время ответы нейросети действительно уникальны и не представляют собой некую компиляцию из текстов, свободно доступных в сети Интернет.

Перед учеными *ChatGPT* открывает чрезвычайно широкое окно возможностей, представляя собой как исследовательский инструмент, так и фактически помощника (партнера), способного самостоятельно принять участие в исследовании на уровне соавтора. Но именно эти возможности уже на сегодняшний день ставят большинство авторов научных статей перед этической дилеммой — указать использование нейросети в том или ином виде или присвоить себе все полученные за счет нее результаты и выдать за свои на страницах научных журналов. Проблема идентификации подобного научного подлога в самое ближайшее время встанет достаточно остро, учитывая, что оригинальность генерируемых *ChatGPT* текстов стремится к 100%, несмотря на то что нейросеть зачастую опирается на широко известные факты и результаты исследований.

Обсуждение жилищной социологии с *ChatGPT*, начавшееся в форме простого интервью с достаточно легких вопросов о доме, в конечном счете переросло в настоящий научный диалог о методологии и проблемах развития отрасли в России. Большая часть выводов нейросети представляется вполне обоснованными, отдельные же носят дискуссионный характер как в силу отсутствия договоренности самих исследователей в обозначенной области, так и в силу особенностей интерпретации текстов самой нейросетью, что было продемонстрировано на примере книги Р. Парка и Э. Бёрджесса. При этом в конце самого интервью автор статьи полностью утратил ощущение того, что диалог ведется с ИИ, а не с реальным человеком, которым вполне мог быть какой-нибудь известный эксперт в области жилищной социологии.

Электронные книги как источник информации вслед за печатными рискуют постепенно уйти в историю, когда на смену им приходят нейросети, такие как *ChatGPT*, способные обобщить колоссальные объемы данных, обнаружить неизвестные ранее факты в доступных всем научных источниках и др. Зачем просиживать днями в библиотеке или часами искать нужное в электронной книге, если можно буквально за несколько секунд получить осмысленные, развернутые ответы и всю необходимую информацию у нейросети? Нет никаких сомнений, что *ChatGPT* могла бы не просто сдать экзамен по жилищной социологии на достойном уровне, но и непосредственно разработать усовершенствованный курс по этой дисциплине, написать учебное пособие и т. п. И это не говоря уже о том, что нейросеть в кратчайшие сроки легко напишет реферат, курсовую работу или даже диплом, как это уже произошло в Российском государственном гуманитарном университете. Но именно это обстоятельство и вызывает серьезное беспокойство и озабоченность за будущее высшего образования и науки в целом.

Несмотря на уже появившиеся многочисленные зарубежные публикации о *ChatGPT* и результатах ее применения в различных сферах, влияние нейросетей на научную и повседневную жизнь еще только предстоит детально изучить. Однако сегодня уже становится очевидным, что это новая тотальная реальность информационного общества, в котором роботы/машины все больше начинают взаимодействовать с людьми, приобретая субъектность как акторы нового вида.

Литература

Игнатъев В.И. И грядет «другой» актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 1. С. 64–78. DOI: 10.24411/2079–0910–2019–10005.

Левитин К., Меламед А. Диалог с машиной // Знание — сила. 1966. № 9. С. 2–6.

Литвинцев Д.Б. В поисках жилищной социологии в России // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / Отв. ред. В.А. Мансуров. Тюмень: Российское общество социологов, 2020а. С. 4755–4763. DOI: 10.19181/kongress.2020.562.

Литвинцев Д.Б. Жилищная социология. Институт общего собрания собственников многоквартирного дома. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. 200 с. DOI: 10.17212/978-5-7782-4712-3.

Литвинцев Д.Б. Категория жилища в трудах классиков социологии XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020b. Т. 23. № 1. С. 7–34. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.1.1.

Шипунова О.Д., Поздеева Е.Г. Проблема доверия к смарт-технологиям в цифровом обществе // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 4. С. 131–145. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-4-131-145.

Aljanabi M., ChatGPT. ChatGPT: Future Directions and Open Possibilities // Mesopotamian Journal of CyberSecurity. 2023. P. 16–17. DOI: 10.58496/MJCS/2023/003.

Editorial. Tools such as ChatGPT Threaten Transparent Science; Here Are Our Ground Rules for Their Use // Nature. 2023. Vol. 613. P. 612. DOI: 10.1038/d41586-023-00191-1.

Haleem A., Javaid M., Singh R.P. An Era of ChatGPT as a Significant Futuristic Support Tool: A Study on Features, Abilities, and Challenges // BenchCouncil Transactions on Benchmarks, Standards and Evaluations. 2022. Vol. 2. Iss. 4. 100089. DOI: 10.1016/j.bench.2023.100089.

Hutson M. Could AI Help You to Write Your Next Paper? // Nature. 2022. Vol. 611. P. 192–193. DOI: 10.1038/d41586-022-03479-w.

Iskender A. Holy or Unholy? Interview with Open AI's ChatGPT // European Journal of Tourism Research. 2023. Vol. 34. 3414. DOI: 10.54055/ejtr.v34i.3169.

Liebreiz M. et al. Generating Scholarly Content with ChatGPT: Ethical Challenges for Medical Publishing // The Lancet Digital Health. 2023. Vol. 5. Iss. 3. E105–E106. DOI: 10.1016/S2589-7500(23)00019-5.

Park R.E., Burgess E.W. The City. Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1967. 329 p.

Stokel-Walker Ch. ChatGPT Listed as Author on Research Papers: Many Scientists Disapprove // Nature. 2023. Vol. 613. P. 620–621. DOI: 10.1038/d41586-023-00107-z.

Vrana J., Singh R., ChatGPT. “This is ChatGPT; How May I Help You?” // Materials Evaluation. 2023. Vol. 81. Iss. 2. P. 17–18.

Yusuf S. Editorial: ChatGPT, the Blade in Scientific Writing // Indonesian Contemporary Nursing Journal. 2023. Vol. 7. No. 2. P. 44–45. DOI: 10.20956/icon.v7i2.25634.

Dialogues with a Neural Network. *ChatGPT* About Its Home, Housing Sociology and The Problems of Its Development in Russia

DENIS B. LITVINTSEV

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia;
e-mail: denlitv@inbox.ru

The boom of neural networks and the surge of scientific publications on the use of artificial intelligence in various fields, as well as numerous articles on the experience of interacting with chatbots are increasingly involving researchers from different countries in the process of understanding the role of smart technologies and their impact on the future of education and science, including sociology. Among the numerous technologies of the future, *ChatGPT* already stands out most clearly, thanks to which a wide discussion has unfolded about the ethical principles of using artificial intelligence in research and including it in co-authors of scientific articles. Despite this, a number of researchers, like the author of this article, turned to a hybrid format of scientific publications — an interview with a neural network. This involves not just a scientific dialogue with *ChatGPT*, but also fixing the reflection of the researcher himself in the course of the study, as well as a critical analysis of the responses of the neural network, which is demonstrated in the proposed article. The topic for discussion was housing sociology. Despite the lack of agreement among researchers on many aspects of this area of research, the neural network was quite confident and in a short period of time was able to identify the object and subject, the main paradigms and methods of sociological research in the housing sector. Separately, questions were raised about the relationship between housing sociology and related disciplines. In the final part of the interview, *ChatGPT* gave recommendations on the study of housing sociology, and also formulated the reasons for the slow development of this area in Russia. The author of the article concludes that the further development of neural networks using the example of *ChatGPT* will seriously change the approach to higher education and scientific research in the very near future.

Keywords: neural network, artificial intelligence, chatbot, *ChatGPT*, housing sociology, sociology of home, sociology of dwelling.

References

- Aljanabi, M., ChatGPT (2023). ChatGPT: Future Directions and Open Possibilities, *Mesopotamian Journal of CyberSecurity*, pp. 16–17. DOI: 10.58496/MJCS/2023/003.
- Editorial (2023). Tools Such as ChatGPT Threaten Transparent Science; Here Are Our Ground Rules for Their Use, *Nature*, 613, p. 612. DOI: 10.1038/d41586-023-00191-1.
- Haleem, A., Javaid, M., Singh, R.P. (2022). An Era of ChatGPT as a Significant Futuristic Support Tool: A Study on Features, Abilities, and Challenges, *BenchCouncil Transactions on Benchmarks, Standards and Evaluations*, 2 (4), 100089. DOI: 10.1016/j.tbench.2023.100089.
- Hutson, M. (2022). Could AI Help You to Write Your Next Paper?, *Nature*, 611, 192–193. DOI: 10.1038/d41586-022-03479-w.
- Ignatyev, V.I. (2019). I gryadet “drugoy” aktor... Stanovleniye tekhnosub'yekta v kontekste dvizheniya k tekhnologicheskoy singulyarnosti [And the “other” actor is coming... The formation

of technosubject in the context of the movement to technological singularity], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 10 (1), 64–78 (in Russian). DOI: 10.24411/2079–0910–2019–10005.

Iskender, A. (2023). Holy or Unholy? Interview with Open AI's ChatGPT, *European Journal of Tourism Research*, 34, 3414. DOI: 10.54055/ejtr.v34i.3169.

Levitin, K., Melamed, A. (1966). Dialog s mashinoy [Dialogue with the machine], *Znaniye – sila*, no. 9, 2–6 (in Russian).

Liebrenz, M., et al. (2023). Generating Scholarly Content with ChatGPT: Ethical Challenges for Medical Publishing, *The Lancet Digital Health*, 5 (3), E105–E106. DOI: 10.1016/S2589-7500(23)00019-5.

Litvintsev, D.B. (2020a). V poiskakh zhilishchnoy sotsiologii v Rossii [In search for housing sociology in Russian Federation], in V.A. Mansurov (Ed.), *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov: Sbornik dokladov VI Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa, Tyumen, 14–16 oktyabrya 2020 goda* [Sociology and society: Traditions and innovations in the social development of regions: Collection of reports of the VI All-Russian sociological congress, Tyumen, October 14–16, 2020] (pp. 4755–4763), Tyumen: Rossiyskoye obshchestvo sotsiologov (in Russian). DOI: 10.19181/kongress.2020.562.

Litvintsev, D.B. (2020b). Kategoriya zhilishcha v trudakh klassikov sotsiologii XIX–XX vv. [The category of housing in the classical sociology], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 23 (1), 7–34 (in Russian).

Litvintsev, D.B. (2022). *Zhilishchnaya sotsiologiya. Institut obshchego sobraniya sobstvennikov mnogokvartirnogo doma* [Housing sociology. Institute of the general meeting of owners of an apartment building], Novosibirsk, NSTU (in Russian). DOI: 10.17212/978-5-7782-4712-3.

Park, R.E., Burgess, E.W. (1967). *The City. Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Shipunova, O.D., Pozdeeva, E.G. (2022). Problema doveriya k smart-tekhnologiyam v tsifrovom obshchestve [The problem of trust in smart technologies in digital society], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 13 (4), 131–145 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2022-4-131-145.

Stokel-Walker, Ch. (2023). ChatGPT Listed as Author on Research Papers: Many Scientists Disapprove, *Nature*, 613, 620–621. DOI: 10.1038/d41586-023-00107-z.

Vrana, J., Singh, R., ChatGPT (2023). “This is ChatGPT; How May I Help You?”, *Materials Evaluation*, 81 (2), 17–18.

Yusuf, S. (2023). Editorial: ChatGPT, the Blade in Scientific Writing, *Indonesian Contemporary Nursing Journal*, 7 (2), 44–45. DOI: 10.20956/icon.v7i2.25634.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ирина Евгеньевна Ильина

доктор экономических наук, доцент,
директор Российского научно-исследовательского института
экономики, политики и права в научно-технической сфере,
Москва, Россия;
e-mail: skvo_ie@mail.ru

Ирина Николаевна Васильева

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий центром международного
научно-технического сотрудничества
Российского научно-исследовательского института
экономики, политики и права в научно-технической сфере,
Москва, Россия;
e-mail: i.vasilyeva@riep.ru

Раиса Султановна Богатова

аналитик центра международного
научно-технического сотрудничества
Российского научно-исследовательского института
экономики, политики и права в научно-технической сфере,
Москва, Россия;
e-mail: r.bogatova@riep.ru

Разработка информационной платформы мониторинга показателей научно-технической и инновационной деятельности стран Ближнего Востока и Средиземноморья

УДК: 001.83; 327

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-180-207

С учетом сложившейся геополитической обстановки в мире представляется актуальным и своевременным изучение научного потенциала дружественных стран ближневосточного региона и Средиземноморья и разработка направлений совместных исследований и проектов. Авторы статьи участвуют в реализации проекта фундаментальных научных исследований по изучению научного потенциала стран Ближнего Востока и Средиземноморья, проводимого РИЭПП в рамках гранта Минобрнауки России и Императорского Православного Палестинского Общества.

В рамках исследования проведен анализ методов оценки результативности научной деятельности в странах Ближнего Востока и Средиземноморья, выделены системы показателей, с помощью которых проводится оценка состояния сферы науки, технологий и инноваций, а также выявлены недостатки сбора данных, затрудняющие оценку национального научно-технического потенциала в рассматриваемых странах.

Результатом исследования являются предложения по разработке информационной платформы мониторинга показателей научно-технической и инновационной деятельности стран Ближнего Востока, Средиземноморья, а также стран, входящих в такие международные организации, как ЕАЭС, БРИКС, ШОС, ОПЕК+, членом которых является Российская Федерация. Задачи исследования решались с использованием общенаучных, эмпирических и статистических методов, таких как анализ, синтез и обобщение, наблюдение, сравнение, измерение, группировка, прогнозирование и др.

В данной статье представлены результаты проведенного исследования, показаны возможности использования предлагаемой платформы. Кроме того, авторами разработан рейтинг научно-технического и инновационного развития «Восточный вектор». Также в работе уделено внимание проводимой политике в области науки, технологий и инноваций в рассматриваемых странах, вопросам создания обсерваторий по науке, технологиям и инновациям.

Ключевые слова: рейтинг, информационная платформа, мониторинг, показатели научной деятельности, технологии и инновации, страны Ближнего Востока, страны Средиземноморья.

Благодарность

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием РИЭПП от 28 октября 2022 г. № 075-016114-22-06 в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

Введение

Методы оценки научной, научно-технической и инновационной деятельности включают в себя разнообразные показатели, которые, имея особую связь с созданием и повышением конкурентоспособности, приобретают решающее значение

для устойчивого социально-экономического развития. Показатели научно-технической деятельности собираются и используются широким кругом национальных правительственных и академических учреждений при формировании направлений и стратегий научно-технического развития стран.

Страны Ближнего Востока и Средиземноморья для оценки научной деятельности используют системы показателей и методологии анализа, принятые на международном уровне. Внедрение показателей, особенно касающихся инноваций и использования знаний в области науки, технологий и инноваций (далее — НТИ), происходит практически во всех странах Ближнего Востока и Средиземноморья. В этих странах приняты стратегии, в которых признается необходимость поддержки НИОКР, содействия коммерциализации и установления связей с потребностями общества. Для достижения этих целей необходимы достаточные инвестиции в НИОКР, которые ограничены во всех странах региона, кроме Израиля, ОАЭ и Турции [UNESCO, 2021].

Однако невозможно верно оценить влияние принятых стратегий в области науки и технологий на научно-технологическое и инновационное развитие стран из-за недостаточного внимания к потенциалу науки, технологий и инноваций со стороны правительственных органов этих государств. Это проявляется в отсутствии специализированных комитетов по науке и технологиям в правительствах большинства рассматриваемых стран [Radwan, 2018], одной из задач которых являлся бы сбор и анализ показателей результативности. На сегодняшний день правительственными органами выдвигаются предложения и стратегии, которые в конечном итоге зачастую не реализуются. Сбор статистических данных по основным показателям НТИ по-прежнему носит фрагментарный характер. Материалы о результатах, как правило, собираются и анализируются межгосударственными организациями, такими как ОЭСР, ЮНЕСКО, ООН ЭСКЗА, ЕС. Это говорит о необходимости активизировать усилия по развитию мониторинга показателей результативности научной и инновационной деятельности в странах Ближнего Востока и Средиземноморья.

Политика в области науки, технологий и инноваций, проводимая в странах Ближнего Востока и Средиземноморья

Современная политика в области науки и технологий в странах Ближнего Востока и Средиземноморья начала разрабатываться в 1990-х гг.

Египет разработал свою рамочную инициативу в области науки и техники в 1994 г. Иордания приняла свою национальную политику в области науки и технологий годом позже, в 1995 г. [Bizri, 2018]. Некоторые страны, принимая стратегии, ставят перед собой амбициозные цели. Например, Египет стремится войти в число 40 ведущих стран мира в области инноваций, качества научно-исследовательских институтов, а также стремится развить инновационный потенциал (инновационные таланты) к 2030 г., войдя при этом в топ-20 стран по количеству патентов в год [Radwan, 2018].

В ряде стран ЭСКЗА создаются обсерватории по науке, технологиям и инновациям для сбора и анализа показателей в области науки, технологий и инноваций. В 2009 и 2010 гг. были организованы и проведены мастер-классы по организации

обсерваторий по науке, технологиям и инновациям в странах — членах ЭСКЗА и определению показателей по науке, технологиям и инновациям.

В открытом доступе размещена программа мастер-класса, проходившего в январе 2010 г. в Бейруте¹. На этом мастер-классе рассматривались вопросы, касающиеся определения показателей по НТИ, их сбора и анализа, проводился обзор стандартов «семейства Фраскати», рассматривались методы работы с показателями НТИ, вопросы организации обсерваторий НТИ в отдельных странах (Тунис).

В 2014 г. в Египте была создана Обсерватория по науке, технологиям и инновациям (Egyptian Science, Technology and Innovation Observatory (ESTIO)). Роль обсерватории заключается в предоставлении информации о разработке политики в области науки и инноваций и распределении ресурсов посредством сбора данных, анализа и отчетности, а также в распространении информации о развитии национального научно-технического потенциала и преобразовании его в социально-экономическую продукцию². Одной из задач Египетской обсерватории науки, технологий и инноваций является анализ данных и мониторинг научно-технического развития в Египте. С момента своего создания в 2014 г. обсерватория регулярно публикует статистические отчеты о НИОКР³. Отчеты содержат анализ показателей по научной деятельности и технологиям в Египте и дают сравнение с состоянием науки в других странах мира.

Мониторинг научно-технической деятельности в Израиле проводится Институтом Сэмюэля Нимана. Это независимый многопрофильный национальный исследовательский институт, деятельность которого сосредоточена на вопросах науки и техники, образования, экономики и промышленности, инфраструктуры и социального развития, которые определяют национальную устойчивость Израиля. Институтом Нимана ежегодно, начиная с 2017 г., публикуется отчет по показателям науки, технологий и инноваций в Израиле⁴.

Совет по науке и технологическим исследованиям Турции (TUBİTAK) на своем сайте публикует статистические данные по показателям НТИ⁵. Оценка научно-технического развития проводится по четырем наиболее используемым показателям. Это затраты на НИОКР, кадровые ресурсы в науке и технологиях, патентная и публикационная активность и процент высокотехнологичного экспорта. Данные по затратам на НИОКР и кадровым ресурсам собираются Турецким институтом ста-

¹ Science, Technology and Innovation Observatories in ESCWA Member Countries. Available at: <https://www.unescwa.org/events/science-technology-and-innovation-observatories-escwa-member-countries-phase-ii-capacity> (date accessed: 09.02.2023).

² New Science, Technology and Innovation Observatory. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20140225145235421> (date accessed: 09.02.2023).

³ Science and Technology Indicators 2014. Egyptian Science, Technology and Innovation Observatory (ESTIO). Available at: <http://www.alecso.org/nnsite/images/Science-and-technology-indicators.pdf> (date accessed: 09.02.2023).

⁴ Dr. Daphne Getz, Tsipy Buchnik, Ilia Zatskovetsky. Science, Technology, and Innovation Indicators in Israel: An International Comparison 2021. Available at: <https://www.neaman.org.il/EN/Science-Technology-and-Innovation-Indicators-in-Israel-An-International-Comparison-2021-Key-figures-A> (date accessed: 09.02.2023).

⁵ National Science, Technology and Innovation Statistics of Türkiye. 2021. Available at: <https://www.tubitak.gov.tr/en/content-national-science-technology-and-innovation-statistics-of-turkiye> (date accessed: 09.02.2023).

истики, анализируются и публикуются на сайте TUBITAK. Информация о научных публикациях подготавливается TUBITAK на основании данных WoS-InCites. Данные по патентным заявкам предоставляются Турецким ведомством по патентам и торговым знакам.

В марте 2018 г. в Судане также открылась Национальная обсерватория по науке, технологиям и инновациям. В 2009 г. Высший совет Иордании начал процесс создания своей обсерватории по науке, технологиям и инновациям в сотрудничестве со странами ЭСКЗА ООН. По состоянию на 2020 г. обсерватория еще не была создана. Также Национальный совет по научным исследованиям Ливана ведет активную работу по открытию обсерватории по НТИ в Ливане.

В марте 2015 г. специалисты по инновациям и статистике стран Ближнего Востока и Средиземноморья создали «Информационное табло по инновациям», включающее 25 статистических показателей для оценки научной деятельности и инновационного статуса своих стран. В мае 2016 г. на встрече в Марокко экспертами данных стран БВСА был отобран 41 показатель для оценки научной, технической и инновационной деятельности. Показатели были разделены на две категории:

1) категория «Входные данные и стимулирующие факторы», которая включает показатели по таким направлениям, как «Человеческие ресурсы», «Факторы, способствующие получению знаний», «Факторы, способствующие развитию бизнеса»;

2) категория «Результаты и воздействие», которая включает показатели, отражающие потенциал создания добавленной стоимости предпринимательским сектором, качество преподавания, участие (воздействие) бизнеса, формирование интеллектуальных активов⁶.

На встрече было принято решение, что, поскольку ключевые данные по таким показателям, как затраты на научные исследования и разработки, количество ученых, количество персонала, занятого в НИОКР, не всегда представляется возможным собрать, все страны должны принять обязательство собирать и предоставлять такие данные через соответствующие министерства. Несмотря на то что были приняты обязательства сбора и передачи данных, достигнуть существенного прогресса не удалось. Как отмечается в Отчете ЮНЕСКО по науке за 2021 г., проект по созданию Инновационного информационного табло не удалось внедрить.

Осознание того, что технологии и инновации являются необходимым фактором развития стран и региона, привели к тому, что страны ЭСКЗА совместно приняли «Бейрутский консенсус по технологии для устойчивого развития в Арабском регионе»⁷ в феврале 2019 г. В документе отмечается, что технологии и инновации являются факторами, способствующими устойчивому и инклюзивному развитию.

В марте 2017 г. члены Организации Лиги арабских государств по вопросам образования, культуры и науки (ALECSO) приняли Арабскую стратегию по научно-техническим исследованиям и инновациям. Документ является продолжением Арабской стратегии в области науки, технологий и инноваций 2014 г. В стратегии

⁶ Summary Report: National Experts Meeting — Towards an Innovation Scoreboard for the MENA Region. 2016. Available at: <https://www.cmimarseille.org/ar/node/3091> (date accessed: 09.02.2023).

⁷ Beirut Consensus on Technology for Sustainable Development in the Arab Region. Available at: https://archive.unescwa.org/sites/www.unescwa.org/files/ministerial_sessions/resolutions/30th_session_beirut_consensus_on_technology_for_sustainable_development_eng.pdf (date accessed: 09.02.2023).

2014 г.⁸ планировалось создание онлайн-обсерватории по науке и технологиям для арабских стран для мониторинга развития науки и технологий в арабских государствах и определения проблем в научно-технологической сфере.

В странах арабского мира была предпринята попытка формирования базы данных для проведения страновых оценок в области инноваций — создание информационного инновационного табло. Но работа в направлении внедрения такой системы оценки в цифровом формате до настоящего времени не доведена до конца.

Создание информационной платформы и рейтинга научно-технического и инновационного развития «Восточный вектор»

Авторы считают целесообразным создание интерактивного онлайн-инструмента на основе разработанной методики по оценке инновационной деятельности и устойчивого развития для стран Ближнего Востока и Средиземноморья, а также для стран, входящих в такие межгосударственные объединения, как БРИКС, ШОС, ЕАЭС, ОПЕК+, участником которых является Россия.

Для эффективной работы этого инструмента необходимо организовать работу по сбору данных, чтобы нивелировать ошибки, которые присутствуют в международных рейтингах при оценке научной деятельности и инновационности стран. Согласно общепринятой практике в международных рейтингах, при отсутствии сведений по показателям используются данные за предыдущие годы либо им присваивается 0 баллов (например, рейтинги *Global Innovation Index*, *Global Talent Competitiveness Index*).

Предполагается, что этот инструмент будет размещаться на интернет-платформе и работать в интерактивном режиме. Этот инструмент даст возможность провести сравнения инновационности экономик разных стран по каждому показателю как в целом между странами, так и по отдельному региону (например, только для Ближнего Востока) или среди стран — участников международных организаций. Страны — участники международных организаций, предлагаемые к участию в сравнительной оценке результатов научной, научно-технической и инновационной деятельности, представлены в таблице 1.

Информационная платформа позволит визуализировать профили стран, сравнивать сильные и слабые стороны, выявлять тенденции развития каждого государства или группы стран.

Предлагаемая информационная платформа включает три блока:

- 1) профиль страны;
- 2) рейтинг научно-технического и инновационного развития «Восточный вектор»;
- 3) оценка сильных и слабых сторон научно-технической и инновационной деятельности.

Блок «Профиль страны» представляет собой интерактивный раздел, в котором пользователю предоставляется возможность выбирать показатели по одной или нескольким странам, а также сравнивать их в страновом, региональном и между-

⁸ New Arab Strategy for Science, Technology and Innovation. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=2014031411375640> (date accessed: 09.02.2023).

Табл. 1. Страны — участники международных организаций, предлагаемые к участию в сравнительной оценке результатов научной, научно-технической и инновационной деятельности

Table 1. Member States of EAEU, BRICS, SCO, OPEC+, Invited to Participate in the Comparative Evaluation of the Scientific, Technical and Innovative Performance

Ближний Восток и Средиземноморье	БРИКС	ШОС	ЕАЭС	ОПЕК+
Алжир (ОПЕК+)	Бразилия	Российская Федерация (ЕАЭС, БРИКС, ОПЕК+)	Армения	Алжир
Бахрейн (ОПЕК+)	ЮАР	Индия (БРИКС)	Белоруссия	Ангола
Египет	Россия	Казахстан (ЕАЭС, ОПЕК+)	Казахстан	Венесуэла
Иран (ОПЕК+)	Китай	Китай (БРИКС)	Киргизия	Габон
Ирак (ОПЕК+)	Индия	Киргизия (ЕАЭС)	Россия	Ирак
Израиль		Пакистан		Иран
Иордания		Таджикистан		Конго
Кувейт (ОПЕК+)		Узбекистан		Кувейт
Ливан				Ливия
Ливия (ОПЕК+)				Объединенные Арабские Эмираты
Мальта				Нигерия
Марокко				Саудовская Аравия
Оман (ОПЕК+)				Экваториальная Гвинея
Катар				Азербайджан
Саудовская Аравия (ОПЕК+)				Бахрейн
Сирия				Бруней
Судан				Казахстан (ШОС)
Тунис				Малайзия
Турция				Мексика
Объединенные Арабские Эмираты (ОПЕК+)				Оман
Палестина (West Bank, Gaza)				Россия
Йемен				Судан
				Южный Судан

народном разрезе, анализировать данные по годам как в абсолютных, так и относительных величинах, проводить структурный анализ, выявлять соотношения и пропорции между группами показателей по одному или нескольким признакам, проводить сравнительный анализ и формулировать выводы по отдельным группам стран и по всей совокупности в целом, устанавливать закономерности и определять резервы для инновационного и научно-технического развития.

Блок «Рейтинг научно-технического и инновационного развития “Восточный вектор”» включает в себя рейтинг, составленный на основе отобранных индикаторов с целью оценки позиции страны в научно-техническом и инновационном развитии. Авторы на примере стран ближневосточного и средиземноморского регионов и Российской Федерации показали возможности использования этого рейтинга, являющегося центральным элементом методологического инструментария для оценки инновационного развития стран.

Целью разработанного рейтинга является получение объективной информации о степени инновационного развития страны, а также об эффективности функционирования всех звеньев, обеспечивающих научно-технологическое развитие на страновом, межстрановом или региональном уровне.

Задачи рейтинга: а) оценка результативности и востребованности научных исследований, развития кадрового потенциала; б) оценка уровня высокотехнологичности стран; в) осуществление сопоставимой сравнительной оценки уровня развития стран по конкретному показателю на базе интегральной рейтинговой оценки; г) выявление как сильных, так и слабых сторон развития научно-технического потенциала применительно к каждой стране.

Блок «Оценка сильных и слабых сторон научно-технической и инновационной деятельности» позволит анализировать преимущества и недостатки в инновационном развитии страны, а также сравнивать ее показатели с показателями других стран. Заинтересованные в инновационном развитии страны организации смогут осуществлять контроль динамики показателей, выявить проблемы и лидерские позиции. Размещение динамической инфографики в этом блоке позволит выбирать одну или несколько стран из перечня, получать общую, а также детализированную картину по странам и по блокам. Демонстрация показателей в виде паутинных диаграмм даст возможность наглядно увидеть сильные и слабые стороны страны. Перечень показателей в блоках в дальнейшем можно расширить, после того как будет налажен сбор данных на постоянной основе.

В перспективе предполагается разработать и разместить на платформе 4-й блок, «Прогноз научно-технического и инновационного потенциала», который будет включать анализ динамики изменения отдельных показателей научно-инновационного развития и позволит прогнозировать тенденции развития науки, технологий и инноваций во всей их полноте и сложности. Для полного функционирования данного блока необходимы сведения по ряду предыдущих лет (минимум пять лет). Их полнота и точность даст возможность выявлять связи между параметрами, учитывать их взаимное влияние друг на друга, добавлять новые корректирующие данные для построения трендов, на основе которых будут строиться прогнозы развития инновационной деятельности.

Кроме того, в ходе реализации проекта предусмотрено формирование и использование аналитических отчетов с описанием полученных значений, их характеристикой и выводами в разделе «Аналитика онлайн». Необходима разработка про-

граммного комплекса, предназначенного для интеллектуального анализа данных, формирования аналитической отчетности для оценки научно-технического и инновационного развития страны, региона на основании полученных статистических данных. Этот раздел будет представлен в форме целостного отчета по странам, содержащего:

- 1) структурированные данные нарастающим итогом;
- 2) характеристику показателей;
- 3) интерпретацию полученных результатов;
- 4) выводы, заключение, рекомендации.

Подготовка аналитических материалов будет осуществляться автоматически по ключевым показателям за счет предоставления функциональных средств конструирования аналитических отчетов и интерактивных панелей.

Алгоритм работы над формированием рейтинга представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Алгоритм работы над формированием рейтинга

Fig. 1. Algorithm for the Ranking Development

Источник: составлено авторами.

На начальном этапе источниками данных для проведения оценки и сравнения являются различные базы данных, находящиеся в открытом доступе. Это база данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и Всемирного банка, данные опросов, проводимых Всемирным экономическим форумом, которые собирают и агрегируют информацию, и др. (табл. 2).

Табл. 2. Базы данных, используемые для формирования рейтинга и информационной платформы мониторинга показателей научно-технической и инновационной деятельности

Table 2. Data Sources Used to Collect Statistics for the Ranking and the Information Platform for Monitoring Science, Technology and Innovation Indicators

№ п/п	Показатель
База данных ООН Comtrade	
1	Высокотехнологичный экспорт (% от произведенной экспортной продукции)
2	Высокотехнологичный импорт (% от импортируемой продукции)
Институт статистики ЮНЕСКО	
3	Валовые расходы на НИОКР, % от ВВП
4	Валовые внутренние расходы на НИОКР, финансируемые бизнесом, %
5	Государственные расходы на образование, % от ВВП
6	Количество исследователей (в эквиваленте полной занятости), ед. на млн чел.
Brandirectory — справочник, включающий все рейтинги и отчеты ведущей независимой консалтинговой компании по оценке брендов Brand Finance	
7	Торговые знаки / ВВП по ППС в млрд долларов
Clarivate — американская компания, управляющая базами данных	
8	Научные и технические статьи / ВВП по ППС в млрд долларов
База данных Всемирного банка	
9	Чистый приток ПИИ (прямых иностранных инвестиций), % от ВВП
Международный валютный фонд	
10	Количество инвесторов в венчурный капитал, сделки / ВВП по ППС в млрд долларов
11	Количество получателей венчурного капитала, сделки / ВВП по ППС в млрд долларов
12	Сделки по созданию совместных предприятий
13	Промышленный дизайн / ВВП по ППС в млрд долларов
ВОИС	
14	Патентные заявки, поданные резидентами в патентный офис страны / ВВП по ППС в млрд долларов
15	Патенты на основе договора о патентной кооперации (РСТ) / ВВП по ППС в млрд долларов
16	Доступ к ИКТ
17	Использование ИКТ
18	Выпускники вузов в области науки и технологий, %
Обзор ООН по электронному правительству за 2020 г.	
19	Правительственный онлайн-сервис
Центр статистики ВТО	
20	Импорт ИКТ-услуг, % от общего объема торговли
21	Экспорт ИКТ-услуг, % от общего объема торговли
Наукометрический портал Scimago Journal & Country Rank	
22	Цитируемые документы по индексу Хирша
Всемирный экономический форум, опрос общественного мнения руководителей	
23	Предотвращение утечки мозгов
24	Приток высококвалифицированных иностранных специалистов (Приток мозгов)

Окончание табл. 2

Ending of table 2

№ п/п	Показатель
Международная организация труда	
25	Доля кадров, занятых в наукоемких областях, %
Рассчитан авторами	
26	Коэффициент изобретательной активности (количество патентов, поданных резидентами / 10 тыс. населения)
Статистика центра ООН по промышленному развитию, ЮНИДО	
27	Добавленная стоимость среднего и высокотехнологичного производства (% добавленной стоимости производства)
Комитет ОЭСР по статистике и политике в области статистики	
28	Высокотехнологичное производство, %
Атлас экономической сложности Гарвардского университета	
29	Индекс экономической сложности

Источник: составлено авторами.

На следующем этапе предлагается расширить взаимодействие со странами, заинтересованными в получении аналитических оценок инновационного развития своих экономик, заключив соглашения с соответствующими органами статистики этих стран или с органами, отвечающими за сбор и анализ показателей результативности научной, технической и инновационной деятельности. Для организации сбора данных, отражающих научно-техническое и инновационное развитие, необходимо согласие стран на передачу информации на постоянной основе.

Для размещения результатов в рамках предлагаемой информационной платформы предлагается использование аналитической платформы портала «Научно-технологическая инфраструктура Российской Федерации» (<https://ckp-rf.ru/>). Этот портал создавался для анализа и контроля ресурсного потенциала и результативности работы научной инфраструктуры коллективного пользования в России. В 2022 г. в рамках модернизации портала существенным образом была расширена концепция его развития, которая в новой редакции предполагает увеличение количества перспективных направлений совершенствования портала. Среди них — развитие международной научной кооперации. Статистическая информация о значениях показателей инновационной активности стран авторами предлагается на основе обработки и вывода данных в рамках работы сервиса «Аналитика». Кроме того, потенциал для развития этого направления видится в актуализации информации об иностранных объектах инфраструктуры и об иностранных пользователях из стран Ближнего Востока, Средиземноморья и других заинтересованных в сотрудничестве государств.

Методика расчета рейтинга «Восточный вектор»

На первом этапе была проведена обработка статистической базы и выбраны показатели, характеризующие различные аспекты развития научно-технического потенциала стран, участвующих в рейтинге.

В рейтинг вошли 16 стран, из них 15 стран Ближнего Востока и Средиземноморья: Алжир, Бахрейн, Египет, Израиль, Иордания, Ирак, Катар, Кипр, Кувейт, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия, Тунис, Турция и Российская Федерация.

В рейтинге не оценивались Йемен, Ливан, Ливия, Сирия, Судан, научная деятельность которых также изучается в рамках исследования, однако в базах данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и Всемирного банка отсутствуют актуальные, сопоставимые статистические данные по большому количеству показателей по этим странам.

Исходные данные обрабатывались при помощи различных средств *MS Excel*: сводные таблицы, формулы массива, *Power Query* и др. Показатель «Коэффициент изобретательной активности» рассчитан авторами исследования. В таблице 3 представлен фрагмент таблицы с обработанными статистическими данными.

Разработанный рейтинг включает 29 показателей, сгруппированных по пяти направлениям:

- 1) кадровый потенциал (5 показателей);
- 2) цифровые, информационно-коммуникационные технологии (5 показателей);
- 3) инвестиции в науку, технологии и инновации (7 показателей);
- 4) патентная и публикационная активность (7 показателей);
- 5) высокотехнологичное производство (5 показателей).

В блоки добавлено приблизительно одинаковое количество показателей, имеющих равный вес в итоговом рейтинговом балле (табл. 4).

На втором этапе рассчитаны баллы по каждому показателю, для ненулевых значений показателей использована шкала баллов от 1 до n , согласно количеству стран, входящих в рейтинг. При этом страны, имеющие наивысший показатель, получают n рейтинговых баллов, следующий по величине показатель $n - 1$ баллов и т. д. Страна с самым низким показателем получает 1 балл, в случае если показатель равен нулю, присваивается 0 баллов. При равном значении показателей странам присваивается одинаковый балл.

На третьем этапе рассчитаны баллы по блокам показателей. Рейтинговый балл по блоку рассчитывается как среднее арифметическое баллов по показателям, входящим в блок (табл. 5).

$$B_k = \frac{\sum_{i=1}^n X_i}{n}, \quad (1)$$

- где B_k — балл по блоку;
 k — номер блока (от 1 до 5);
 X_i — балл по показателю;
 i — номер показателя;
 n — количество показателей в блоке.

Табл. 3. Обработанные первичные статистические данные по показателям, отражающим научно-технологическое и инновационное развитие стран

Table 3. Processed Primary Statistical Data on Science, Technology and Innovation Indicators by Country

№ п/п	Страна	Выпуск ники вузов в области науки и техноло- гий, %	Кол-во иссле- дователей (в эквиваленте полной заня- тости), ед. на млн чел.	Доля кадров, занятых наукоем- ких обла- стях, %	Приток высококвал- ифициро- ванных иностран- ных специа- листов	Пре- дотвра- щение утечки мозгов	Им- порт услуг ИКТ	Экс- порт услуг ИКТ	Доступ к ИКТ	Ис- пользо- вание ИКТ	Прави- тельств- ный он- лайн-сер- вис	И т. д.
1	Израиль	58,5	71,8	18,8	8341,7	48,4	2,1	16,5	8,9	8,0	0,7	...
2	ОАЭ	90,9	91,1	33,1	2442,5	41,7	1,4	2,6	9,8	7,9	0,9	...
3	Кипр	50,7	51,8	13,1	1706,1	38,0	14,1	17,7	9,8	7,8	0,9	...
4	Россия	44,2	46,3	31,4	2721,7	45,9	1,7	1,7	8,7	7,7	0,8	...
5	Саудовская Аравия	80,3	68,6	23,3	453,2	27,3	0,8	0,8	9,7	8,3	0,7	...
6	Турция	25,9	27,7	15,2	1775,3	24,0	0,8	0,7	8,8	6,6	0,9	...
7	Катар	83,6	76,3	21,1	577,3	21,9	4,5	3,4	9,5	7,5	0,7	...
8	Марокко	47,7	33,2	20,4	1073,5	6,9	1,1	4,4	9,1	6,1	0,5	...
9	Оман	72,3	77,6	39,0	334,9	21,4	0,6	0,6	9,4	6,9	0,9	...
10	Бахрейн	77,9	65,1	15,5	369,0	21,9	0,4	3,1	9,4	7,7	0,8	...
11	Тунис	22,4	21,6	38,3	1659,9	15,9	0,4	1,3	8,3	5,9	0,6	...
12	Египет	47,1	30,9	11,2	838,0	26,8	1,5	1,9	8,1	5,1	0,6	...
13	Кувейт	50,7	44,2	0,0	513,9	22,7	0,3	9,9	9,6	7,5	0,8	...
14	Иордания	48,0	44,1	28,4	596,0	21,0	0,3	0,1	6,9	5,7	0,4	...
15	Алжир	25,7	19,5	29,6	819,3	17,9	0,5	0,2	8,0	5,7	0,3	...
16	Ирак	0,0	0,0	0,0	141,4	22,1	0,8	0,2	8,0	4,3	0,3	...

Табл. 4. Система показателей рейтинга «Восточный вектор»

Table 4. “Vostochny Vector” Ranking Indicators System

№ п/п	Показатель
<i>Блок 1: Кадровый потенциал</i>	
1.1	Выпускники вузов в области науки и технологий, %
1.2	Количество исследователей (в эквиваленте полной занятости), ед. на млн чел.
1.3	Доля кадров, занятых в наукоемких областях, %
1.4	Приток высококвалифицированных иностранных специалистов (Приток мозгов)
1.5	Предотвращение утечки мозгов
<i>Блок 2: Цифровые, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)</i>	
2.1	Доступ к ИКТ ¹
2.2	Использование ИКТ ²
2.3	Правительственный онлайн-сервис ³
2.4	Импорт ИКТ-услуг, % от общего объема торговли
2.5	Экспорт ИКТ-услуг, % от общего объема торговли
<i>Блок 3: Инвестиции в науку, технологии и инновации</i>	
3.1	Валовые расходы на НИОКР, % от ВВП
3.2	Количество инвесторов в венчурный капитал, сделки / ВВП по ППС в млрд долларов
3.3	Количество получателей венчурного капитала, сделки / ВВП по ППС в млрд долларов
3.4	Валовые внутренние расходы на НИОКР, финансируемые бизнесом, %
3.5	Чистый приток ПИИ (прямых иностранных инвестиций), % от ВВП
3.6	Государственные расходы на образование, % от ВВП
3.7	Сделки по созданию совместных предприятий ⁴

¹ Показатель доступа к ИКТ — это сводный индекс, который присваивает веса четырем показателям ИКТ (по 25% каждому): (1) Процент населения, охваченного мобильными сетями; (2) Количество абонентов мобильной сотовой связи на 100 жителей; (3) Международный интернет, пропускная способность (бит / с) на одного пользователя Интернета; и (4) процент домохозяйств, имеющих доступ в Интернет (<https://www.wipo.int/>).

² Индекс использования ИКТ — это сводный индекс, который присваивает веса четырем показателям ИКТ (по 25% каждому): (1) Процентная доля лиц, пользующихся Интернетом; (2) Количество абонентов фиксированного (проводного) широкополосного доступа в Интернет на 100 жителей; (3) Количество активных абонентов мобильной широкополосной связи на 100 жителей; и (4) Трафик мобильного широкополосного интернета (гигабайты/подписки) (<https://www.wipo.int/>).

³ Составной показатель, измеряющий использование ИКТ правительствами при предоставлении государственных услуг на национальном уровне. В общей сложности 215 онлайн-исследователей — добровольцев ООН из 96 стран на 66 языках проводят опрос электронного правительства, в ходе которого оценивается национальный веб-сайт каждой страны на родном языке, включая национальный портал, портал электронных услуг, а также веб-сайты соответствующих министерств образования, труда, социальных служб, здравоохранения, финансов и окружающей среды, в зависимости от обстоятельств. Общее количество баллов, набранных каждой страной, нормализуется в диапазоне от 0 до 1 (<https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey>).

⁴ Данные о совместных предприятиях / стратегических альянсах, по каждой сделке, с информацией о стране происхождения фирм-партнеров. Стране каждой компании, участвующей в сделке (n компаний на сделку), присваивается за каждую сделку оценка, эквивалент-

Окончание табл. 4

Ending of table 4

№ п/п	Показатель
<i>Блок 4: Патентная и публикационная активность</i>	
4.1	Патентные заявки, поданные резидентами в патентный офис страны / ВВП по ППС в млрд долларов
4.2	Патентные заявки на основе договора о патентной кооперации (РСТ) / ВВП по ППС в млрд долларов
4.3	Научные и технические статьи / ВВП по ППС в млрд долларов
4.4	Цитируемые документы по индексу Хирша ⁵
4.5	Торговые знаки / ВВП по ППС в млрд долларов
4.6	Промышленный дизайн / ВВП по ППС в млрд долларов
4.7	Коэффициент изобретательной активности (количество патентов, поданных резидентами / 10 тыс. населения)
<i>Блок 5: Высокотехнологичное производство</i>	
5.1	Высокотехнологичный экспорт (% от произведенной экспортной продукции)
5.2	Высокотехнологичный импорт (% от импортируемой продукции)
5.3	Добавленная стоимость среднего и высокотехнологичного производства (% добавленной стоимости производства)
5.4	Высокотехнологичное производство, %
5.5	Индекс экономической сложности ⁶

Табл. 5. Балльная оценка по показателям научно-технологического и инновационного развития стран Ближнего Востока, Средиземноморья и Российской Федерации

Table 5. Scoring of Science, Technology and Innovation Indicators of MENA Countries and Russia

<i>Страна</i>	Условное обозначение показателя					
	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_n
	Баллы					
1						
2						
3						
...						

ная 1/п (таким образом, баллы по всем странам суммируются с общим количеством сделок). Данные приведены в расчете на миллиард долларов ВВП по ППС.

⁵ Россия в 2022 г. вышла из Болонского процесса. Обсуждается применение других наукометрических платформ для оценки научной продуктивности российских исследователей. Соответственно, сравнение с Россией по этому показателю в дальнейшем осуществляться не будет.

⁶ Измеряет сложность производственной структуры страны путем объединения информации о разнообразии экспорта страны (количество экспортируемых продуктов) и всеместности ее продуктов (количество стран, экспортирующих этот продукт).

Табл. 6. Итоговые баллы по показателям
Table 6. Final Scores by Indicators

№ п/п	Страна	Выпуск- ники вузов в области науки и техноло- гий, балл	Количество исследо- вателей (в эквиваленте полной занятости), балл	Доля кадров, занятых научно- емких областях, балл	При- ток моз- гов, балл	Пре- дотвра- щение утечки мозгов, балл	Балл по направ- лению 1: Кад- ровый потен- циал	Им- порт услуг ИКТ	Экс- порт ус- луг ИКТ	До- ступ к ИКТ	Ис- поль- зова- ние ИКТ	Прави- тель- ствен- ный он- лайн- сервис	Балл по на- правлению 2: Цифровые, информаци- онно-комму- никационные технологии	И т.д.
1	Израиль	11,0	13,0	7,0	16,0	16,0	12,6	14,0	15,0	8,00	15,0	9,0	12,2	...
2	ОАЭ	16,0	16,0	14,00	14,0	14,0	14,8	11,0	10,0	16,00	14,0	16,0	13,4	...
3	Кипр	10,0	10,0	4,0	12,0	13,0	9,8	16,0	16,0	15,00	13,0	15,0	15,0	...
4	Россия	5,0	9,0	13,00	15,0	15,0	11,4	13,0	8,0	6,00	11,0	11,0	9,8	...
5	Сау- довская Аравия	14,0	12,0	10,00	4,0	12,0	10,4	7,0	6,0	14,00	16,0	8,0	10,2	...
6	Турция	4,0	4,0	5,0	13,0	10,0	7,2	8,0	5,0	7,00	7,0	14,0	8,2	...
7	Катар	15,0	14,0	9,0	6,0	6,0	10,0	15,0	12,0	12,00	9,0	7,0	11,0	...
8	Марок- ко	7,0	6,0	8,0	10,0	1,0	6,4	10,0	13,0	9,00	6,0	4,0	8,4	...
9	Тунис	2,0	3,0	15,00	11,0	2,0	6,6	4,0	7,0	5,00	5,0	6,0	5,4	...
10	Оман	12,0	15,0	16,00	2,0	5,0	10,0	6,0	4,0	11,00	8,0	13,0	8,4	...
11	Египет	6,0	5,0	3,0	9,0	11,0	6,8	12,0	9,0	4,00	2,0	5,0	6,4	...
12	Бахрейн	13,0	11,0	6,0	3,0	7,0	8,0	3,0	11,0	10,00	12,0	10,0	9,2	...
13	Кувейт	9,0	8,0	0,0	5,0	9,0	6,2	2,0	14,0	13,00	10,0	12,0	10,2	...
14	Иорда- ния	8,0	7,0	11,00	7,0	4,0	7,4	1,0	1,0	1,00	4,0	3,0	2,0	...
15	Алжир	3,0	2,0	12,00	8,0	3,0	5,6	5,0	2,0	3,00	3,0	1,0	2,8	...
16	Ирак	0,0	0,0	0,0	1,0	8,0	1,8	9,0	3,0	2,00	1,0	2,0	3,4	...

На четвертом этапе рассчитывается итоговый рейтинговый балл. Итоговый балл рассчитывается как сумма баллов по блокам:

$$\text{ИБ} = \sum_{k=1}^5 B_k, \quad (2)$$

где ИБ — итоговый рейтинговый балл;

B_k — балл по блоку;

k — номер блока.

В таблице 6 приведен фрагмент таблицы с итоговыми баллами по показателям.

В пятерку лидеров стран в рейтинге вошли Израиль, ОАЭ, Кипр, Российская Федерация и Саудовская Аравия.

Места в рейтинге распределяются согласно итоговому баллу, от наибольшего балла к наименьшему. В случае равного количества баллов среди стран учитывается рейтинг по каждому из блоков и количество наиболее высоких мест в пяти блоках.

Итоги рейтинга размещаются на информационной платформе, где представлены показатели стран, динамика инновационного развития как отдельно взятой страны, так и нескольких стран или региона, их сравнительные характеристики.

Авторами составлен профиль страны на примере Египта. Египет выбран в качестве примера, так как по этой стране представлены все показатели в исходных данных за 2021 г. Среди 16 государств Египет занял 11-е место, с итоговым рейтинговым баллом 36,1.

Профиль страны (Египет)

Место в рейтинге «Восточный вектор» — 11

Итоговый рейтинговый балл — 36,1

В таблице 7 представлен рейтинг научно-технического и инновационного развития в странах Ближнего Востока и Средиземноморья в 2021 г.

Сильные и слабые стороны инновационного развития Египта представлены графически (рис. 2). Сильными сторонами Египта в 2021 г. были такие показатели, как «Инвестиции в инновации» и «Патентная и публикационная активность». Его слабой стороной является «Высокотехнологичное производство».

Развитие Египта по пяти направлениям в сравнении с лидерами рейтинга «Восточный вектор» представлено на рисунке 3.

Египет в сравнении со странами — лидерами рейтинга заметно отстает по блокам «Высокотехнологичное производство», «Кадровый потенциал», «Цифровые, информационно-коммуникационные технологии», при этом находится на одном уровне с ОАЭ по патентной и публикационной активности и опережает Саудовскую Аравию и Российскую Федерацию по инвестициям в инновации. В последние годы реализуемая политика Египта приобретает более инновационный характер, направлена на реализацию научно-исследовательских проектов.

По доле кадров, занятых в наукоемких областях, Египет занимает 14-е место среди стран, участвующих в рейтинге (рис. 4). Этот показатель отражает недостаток кадров с высшим образованием в секторе производства высокотехнологичной продукции. Дополнительные целевые меры по подготовке и привлечению кадров в наукоемкие области будут способствовать усилению внимания к высокотехнологичному производству и повышению инновационной активности бизнеса.

Табл. 7. Сравнение показателей по Египту с показателями других стран в рейтинге
 Table 7. Comparison of Indicators for Egypt with Indicators of Other Countries in the Ranking

Место	Страна	Балл по блоку 1: Кадровый потенциал	Балл по блоку 2: Цифровые, информационно-коммуникационные технологии	Балл по блоку 3: Инвестиции в инновации	Балл по блоку 4: Патентная и публикационная активность	Балл по блоку 5: Высокотехнологичное производство	Итоговый рейтинговый балл
1	Израиль	12,60	12,20	15,00	14,71	14,80	69,31
2	ОАЭ	14,80	13,40	13,00	8,43	11,00	60,63
3	Кипр	9,80	15,00	12,86	9,57	8,20	55,43
4	Россия	11,40	9,80	7,29	12,14	11,00	51,63
5	Саудовская Аравия	10,40	10,20	8,00	12,57	10,20	51,37
6	Турция	7,20	8,20	9,00	12,86	11,20	48,46
7	Катар	10,00	11,00	5,14	8,86	11,20	46,20
8	Марокко	6,40	8,40	9,14	9,86	8,20	42,00
9	Тунис	6,60	5,40	8,71	7,00	11,40	39,11
10	Оман	10,00	8,40	8,43	5,57	6,40	38,80
11	Египет	6,80	6,40	8,43	8,43	6,00	36,06
12	Бахрейн	8,00	9,20	8,00	4,00	6,40	35,60
13	Кувейт	6,20	10,20	6,43	4,43	6,40	33,66
14	Иордания	7,40	2,00	7,86	7,57	6,80	31,63
15	Алжир	5,60	2,80	5,43	3,14	3,20	20,17
16	Ирак	1,80	3,40	2,86	4,43	1,20	13,69

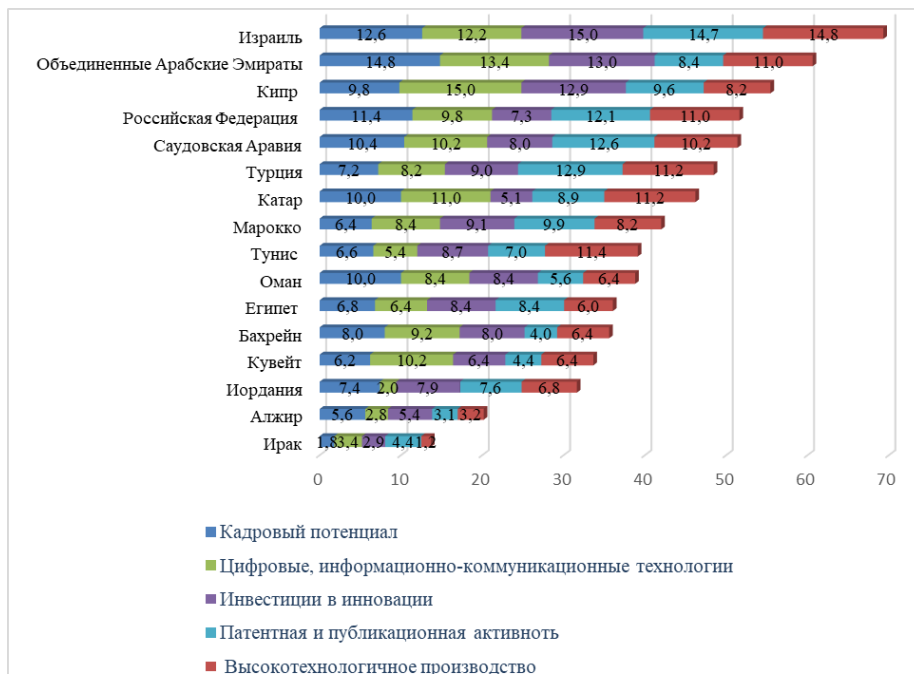

Рис. 2. Место Египта в рейтинге «Восточный вектор»

Fig. 2. Egypt in "Vostochny Vector" Ranking

Рис. 3. Оценка сильных и слабых сторон Египта в сравнении с лидерами рейтинга (топ-5)

Fig. 3. Evaluation of Strengths and Weaknesses of Egypt in Comparison with Top-5 Countries in the Ranking

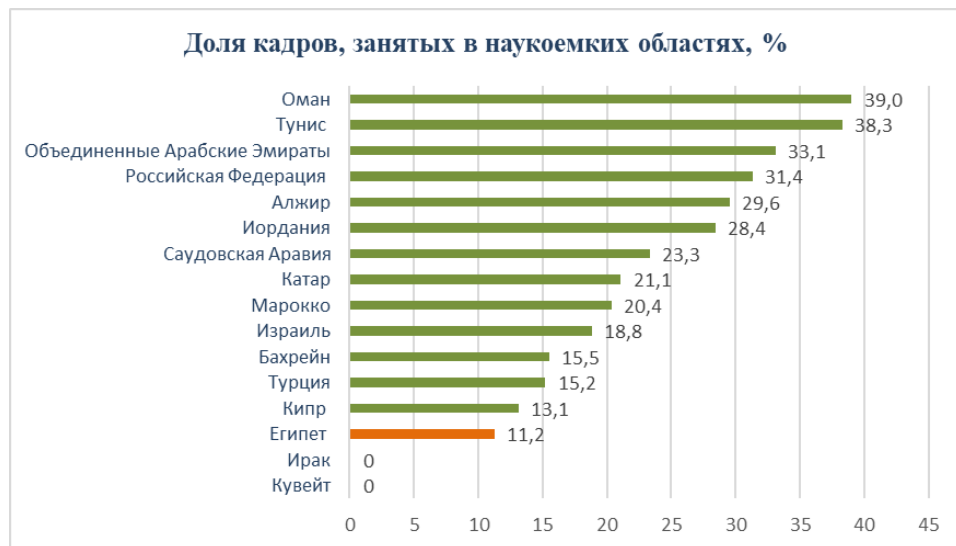

Рис. 4. Место Египта по доле кадров, занятых в наукоемких областях

Fig. 4. Egypt in Knowledge Intensive Employment Rank

По показателю «Цитируемые документы по индексу Хирша» Египет входит в топ-5 стран рейтинга (рис. 5). Это является свидетельством того, что Египет улучшает свои позиции не только по количеству публикаций в научно-технических журналах, но и по их качеству.

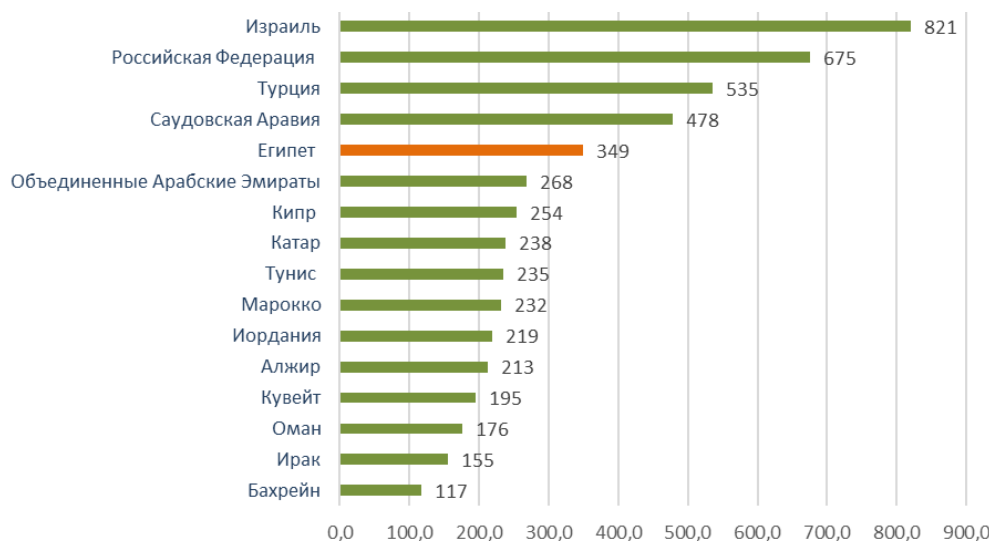

Рис. 5. Цитируемые документы по индексу Хирша

Fig. 5. Citable Documents H-Index

В таблице 8 представлен полный обзор по сильным и слабым сторонам инновационного развития Египта.

Табл. 8. Сильные и слабые стороны инновационного развития Египта, детализированные по блокам

Table 8. Innovation Strengths and Weaknesses for Egypt, Grouped by Trends

Блок 1: Кадровый потенциал				Сильные и слабые стороны по блоку 1
Показатель		Балл	Сильная/слабая сторона	
1	Выпускники вузов в области науки и технологий, %	6	слабая	
2	Количество исследователей (в эквиваленте полной занятости), ед. на млн чел.	5	слабая	
3	Доля кадров, занятых в наукоемких областях, %	3	слабая	
4	Приток высококвалифицированных иностранных специалистов (Приток мозгов)	9	сильная	
5	Предотвращение утечки мозгов	11	сильная	
Блок 2: Цифровые, информационно-коммуникационные технологии				Сильные и слабые стороны по блоку 2
Показатель		Балл	Сильная/слабая сторона	
1	Доступ к ИКТ	12	сильная	
2	Использование ИКТ	9	сильная	
3	Правительственный онлайн-сервис	4	слабая	
4	Импорт ИКТ-услуг	2	слабая	
5	Экспорт ИКТ-услуг	5	слабая	

Продолжение табл. 8
Continuation of table 8

Блок 3: Инвестиции в науку, технологии и инновации			Сильные и слабые стороны по блоку 3
Показатель	Балл	Сильная/слабая сторона	
1 Валовые расходы на НИОКР, % ВВП	12	сильная	
2 Количество инвесторов в венчурный капитал, сделки/ВВП по ППС в млрд долларов	12	сильная	
3 Количество получателей венчурного капитала, сделки / ВВП по ППС в млрд долларов	11	сильная	
4 Валовые внутренние расходы на НИОКР, финансируемые бизнесом, %	5	слабая	
5 Чистый приток ПИИ (прямых иностранных инвестиций), % ВВП	12	сильная	
6 Государственные расходы на образование, (% от ВВП)	2	слабая	
7 Сделки по созданию совместных предприятий	5	слабая	
Блок 4: Патентная и публикационная активность			Сильные и слабые стороны по блоку 4
Показатель	Балл	Сильная/слабая сторона	
1 Патентные заявки, поданные резидентами в патентный офис страны / ВВП по ППС в млрд долларов	8	сильная	
2 Патентные заявки на основе договора о патентной кооперации (РСТ) / ВВП по ППС в млрд. долларов	4	слабая	
3 Научные и технические статьи / ВВП по ППС в млрд долларов	11	сильная	
4 Цитируемые документы по индексу Хирша	12	сильная	
5 Торговые знаки / млрд ВВП по ППС в млрд долларов	9	сильная	
6 Промышленный дизайн / ВВП по ППС в млрд долларов	5	слабая	
7 Коэффициент изобретательной активности /10 тыс. населения	10	сильная	

Окончание табл. 8

Ending of table 8

Блок 5: Высокотехнологичное производство				Сильные и слабые стороны по блоку 5	
	Показатель	Балл	Сильная/слабая сторона		
1	Высокотехнологичный экспорт (% от произведенной экспортной продукции)	7	сильная		
2	Высокотехнологичный импорт (% от импортируемой продукции)	5	слабая		
3	Добавленная стоимость среднего и высокотехнологичного производства (% добавленной стоимости производства)	3	слабая		
4	Высокотехнологичное производство, %	8	сильная		
5	Индекс экономической сложности	7	сильная		

Сильными сторонами Египта в блоке «Кадровый потенциал» являются показатели «приток высококвалифицированных иностранных специалистов» и «предотвращение утечки мозгов». В стране проводится активная политика по удержанию своих специалистов и привлечению высококвалифицированных кадров.

По направлению «Цифровые, информационно-коммуникационные технологии» у Египта отмечены низкие значения показателей. По данным Всемирного банка, 72% от всего населения Египта пользовались Интернетом в 2020 г.⁹ При этом использование цифровых технологий бизнесом заметно отстает от их освоения частными пользователями. Например, в 2016 г. лишь 7% малых и средних предприятий Египта «присутствовало в Интернете» [Руденко, 2019]. Правительство Египта осознает положительное воздействие, которое цифровизация может оказать на страну, разрабатывает различные стратегии развития цифровой экономики. В 1999 г. в Египте было создано Министерство связи и информационных технологий с целью развития национального сектора ИКТ, которое разработало Стратегию ИКТ до 2030 г., направленную на цифровизацию страны и переход к экономике, основанной на знаниях. Также в Египте принята стратегия «Цифровой Египет», которая является планом, который закладывает основы для преобразования Египта в цифровое общество. Стратегия «Цифровой Египет» построена на трех основных принципах, включая цифровую трансформацию, цифровые навыки и рабочие места и цифровые инновации. Эти три столпа опираются на две чрезвычайно важные основы: цифровую инфраструктуру и законодательную базу¹⁰.

⁹ База данных Всемирного банка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=EG> (дата обращения: 09.02.2023).

¹⁰ Стратегия Египта в области ИКТ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mcit.gov.eg/en/ICT_Strategy (дата обращения: 09.02.2023).

По блоку «Инвестиции в науку, технологии и инновации» Египет имеет более прочные позиции, среди его сильных сторон можно выделить: «валовые расходы на НИОКР», «количество инвесторов в венчурный капитал», «чистый приток прямых иностранных инвестиций» и т. д.; слабыми сторонами являются «государственные расходы на образование», «валовые внутренние расходы на НИОКР, финансируемые бизнесом» и «сделки по созданию совместных предприятий». Инновации занимают центральное место в преобразовании научных знаний и технологий в полезные товары, услуги и занятость.

По направлению «Патентная и публикационная активность» Египет имеет сильные стороны по пяти из семи показателей. Показатель «подача патентной заявки в соответствии с договором о патентной кооперации» остается очень низким среди резидентов страны. Также Египет отстает среди сравниваемых стран по показателю «промышленный дизайн».

По направлению «Высокотехнологичное производство» сильными сторонами являются высокотехнологичный экспорт, высокотехнологичное производство, индекс экономической сложности. По данным Всемирного банка, в период с 2010 по 2020 г. показатель по высокотехнологичному экспорту в Египте вырос с 1 до 2,7% от всего произведенного экспорта.

Заключение

В рамках статьи авторами рассмотрены основные направления политики в области науки, технологий и инноваций в странах Ближневосточного и Средиземноморского регионов, освещен вопрос разработки информационной платформы в рассматриваемых странах.

Выявлено, что сбор статистических данных по основным показателям НТИ во многих странах, включая и страны Ближнего Востока и Средиземноморья, носит фрагментарный характер.

Авторами разработаны методические подходы по подготовке и дальнейшей реализации «Информационной платформы для мониторинга результатов анализа научно-технической и инновационной деятельности стран Ближнего Востока, Средиземноморья, Российской Федерации, включая страны ЕАЭС, БРИКС, ШОС, ОПЕК+». Информационная платформа включает: профиль страны, рейтинг научно-технического и инновационного развития «Восточный вектор», оценку сильных и слабых сторон инновационной деятельности. Рейтинг позволяет выявить как сильные, так и слабые стороны научно-технического инновационного развития применительно к каждой стране; оценить результативность и востребованность исследований, развитие кадрового потенциала, уровень высокотехнологичности стран. В ходе реализации проекта в перспективе предполагается формирование блока «Прогноз научно-технического и инновационного потенциала» и внедрение программного комплекса «Аналитика онлайн».

Проведенное исследование показало, что есть необходимость в разработке на территории Российской Федерации системы сбора данных, мониторинга показателей результативности научно-технической и инновационной деятельности. Количество направлений и перечень показателей может в дальнейшем дополняться с целью охвата всех аспектов научной, технологической и инновационной деятельности.

Разработка и внедрение предлагаемой информационной платформы мониторинга показателей научно-технической и инновационной деятельности и апробация рейтинга «Восточный вектор» позволят оценить эффективность реализации стратегий и планов развития НТИ, более точно составлять прогнозы инновационного развития, а также выявить те направления, которые наиболее перспективны с точки зрения развития международного сотрудничества. В перспективе предполагается организация собственной системы сбора данных и дальнейшее ее расширение при условии наличия практического интереса со стороны дружественных России стран.

Перечень сокращений и обозначений, используемых в статье

- БВСА — Ближний Восток и Северная Африка
БРИКС — межгосударственное объединение, союз пяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР
ВВП — валовый внутренний продукт
ВВП по ППС — валовый внутренний продукт, рассчитанный по паритету покупательной способности
ЕАЭС — Евразийский экономический союз
ИКТ — информационно-коммуникационные технологии
НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НТИ — наука, технологии и инновации
ОАЭ — Объединенные Арабские Эмираты
ООН — Организация Объединенных Наций
ОПЕК+ — организация стран — экспортеров нефти
ОЭСР — организация экономического сотрудничества и развития
ПИИ — прямые иностранные инвестиции
РИЭПП — Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере
РСТ — Патенты на основе договора о патентной кооперации
ШОС — Шанхайская организация сотрудничества
ЭСКЗА — экономическая и социальная комиссия ООН для Западной Азии
ЮНЕСКО — Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Специализированное учреждение ООН, включающее работу по достопримечательностям, включенным в перечень Всемирного наследия ООН
ALECSO — Организация Лиги арабских государств по вопросам образования, культуры и науки
ISESCO — Исламская образовательная научная и культурная организация
ESTIO — Egyptian Science, Technology and Innovation Observatory
ETC — Технологический центр ООН ЭСКЗА
TUBITAK — Совет по науке и технологическим исследованиям Турции
WoS-InCites — инструмент оценки научной результативности международной базы данных научного цитирования *Web of Science*

Литература

Руденко Л.Н. Перспективы цифровой трансформации экономики арабских стран // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 5. С. 92–108.

Amr Radwan. Science and Innovation Policies in North African Countries: Exploring Challenges and Opportunities // *Journal of Entrepreneurship and Sustainability*. 2018. Iss. 6 (1). P. 268–282. DOI: 10.9770/jesi.2018.6.1(17).

Bizri O.F. Chapter 3: Science, Technology, and Innovation Policies and Institutional Landscapes Science, Technology, Innovation, and Development in the Arab Countries // *Academic Press*. 2018. P. 111–361. DOI:10.1016/B978-0-12-812577-9.00006-4.

Beirut Consensus on Technology for Sustainable Development in the Arab Region. Available at: https://archive.unescwa.org/sites/www.unescwa.org/files/ministerial_sessions/resolutions/30th_session_beirut_consensus_on_technology_for_sustainable_development_eng.pdf (date accessed: 09.02.2023).

Science, Technology, and Innovation Indicators in Israel: An International Comparison 2021. Dr. Daphne Getz, Tsipy Buchnik, Ilia Zatzovetsky. Available at: <https://www.neaman.org.il/EN/Science-Technology-and-Innovation-Indicators-in-Israel-An-International-Comparison-2021-Key-figures-A> (date accessed: 09.02.2023).

National Science, Technology and Innovation Statistics of Türkiye. 2021. Available at: <https://www.tubitak.gov.tr/en/content-national-science-technology-and-innovation-statistics-of-turkiye> (date accessed: 09.02.2023).

New Arab Strategy for Science, Technology and Innovation. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=2014031411375640> (date accessed: 09.02.2023).

New Science, Technology and Innovation Observatory. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20140225145235421> (date accessed: 09.02.2023).

Science and Technology Indicators 2014. Egyptian Science, Technology and Innovation Observatory (ESTIO). Available at: <http://www.alecso.org/nnsite/images/Science-and-technology-indicators.pdf> (date accessed: 09.02.2023).

Science, Technology and Innovation Observatories in ESCWA Member Countries. Available at: <https://www.unescwa.org/events/science-technology-and-innovation-observatories-escwa-member-countries-phase-ii-capacity> (date accessed: 09.02.2023).

Science, Technology and Innovation (STI). Policy for the IsDB. 2019. Available at: <https://www.isdb.org/sites/default/files/media/documents/2020-02/STI%20Policy.pdf> (date accessed: 09.02.2023).

Summary Report: National Experts Meeting — Towards an Innovation Scoreboard for the MENA Region. 2016. Available at: <https://www.cmimarseille.org/ar/node/3091> (date accessed: 09.02.2023).

UNESCO Science Report. The Race Against Time for Smarter Development. UNESCO, 2021. P. 423–466. Available at: <https://www.unesco.org/reports/science/2021/en> (date accessed: 09.02.2023).

Information Platform for Monitoring Science, Technology and Innovation Indicators in MENA Countries

IRINA YE. ILYINA

Russian Research Institute of Economics, Politics and Law
in Science and Technology,
Moscow, Russia;
e-mail: skvo_ie@mail.ru

IRINA N. VASILYEVA

Russian Research Institute of Economics, Politics and Law
in Science and Technology,
Moscow, Russia;
e-mail: i.vasilyeva@riep.ru

RAISA S. BOGATOVA

Russian Research Institute of Economics, Politics and Law
in Science and Technology,
Moscow, Russia;
e-mail: r.bogatova@riep.ru

Amid the current global geopolitical situation, it seems timely and highly relevant to study the scientific potential of countries friendly to Russia in the Middle East and North Africa (MENA countries) and develop opportunities for joint research projects.

The authors of the article are involved in the realization of the project of fundamental scientific research on the study of the scientific potential of the MENA region countries, conducted by RIEPL under a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Imperial Orthodox Palestine Society.

Within the study, the methods for assessing scientific activity results in the MENA countries have been analyzed. The authors have identified the indicator systems which are used when assessing the state of science, technology and innovation. The findings show the shortcomings of data collection, which make it difficult to assess the national scientific, technology and innovation potential in the countries under study.

The research results in proposals for the development of an information platform for monitoring science, technology and innovation indicators of the MENA countries and countries belonging to such international organizations as the EAEU, BRICS, SCO, OPEC+, to which the Russian Federation is joined as a member. The research tasks have been solved using general scientific, empirical and statistical methods, such as analysis, synthesis and generalization, observation, comparison, measurement, grouping, forecasting, etc.

The article presents the results of the conducted research, shows the possibilities of using the proposed platform. In addition, the authors have developed a science, technology and innovation development ranking "Vostochny Vector". The ongoing policy in the field of science, technology and innovation in the countries of the MENA region, creation of observatories for science, technology and innovation are also examined in the article.

Keywords: Ranking, information platform, monitoring, science indicators, technology and innovation, North African and Middle Eastern countries.

Acknowledgment

The research has been conducted in accordance with State Research Task No. 075-016114-22-06 of 28 October 2022 to the Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology under the Basic Scientific Research Program “Russia and the Middle East: historic, political and cultural contacts and relationships” of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Imperial Orthodox Palestine Society in 2023.

References

Amr Radwan (2018). Science and Innovation Policies in North African Countries: Exploring Challenges and Opportunities, *Journal of Entrepreneurship and Sustainability*, iss. 6 (1), 268–282. DOI: 10.9770/jesi.2018.6.1(17).

Beirut Consensus on Technology for Sustainable Development in the Arab Region. Available at: https://archive.unescwa.org/sites/www.unescwa.org/files/ministerial_sessions/resolutions/30th_session_beirut_consensus_on_technology_for_sustainable_development_eng.pdf (date accessed: 09.02.2023).

Bizri, O.F. (2018). Chapter 3: *Science, Technology, and Innovation Policies and Institutional Landscapes Science, Technology, Innovation, and Development in the Arab Countries*, Academic Press (111–361). DOI:10.1016/B978-0-12-812577-9.00006-4

Science, Technology, and Innovation Indicators in Israel: An International Comparison 2021. Dr. Daphne Getz, Tsipy Buchnik, Ilia Zatzovsky. Available at: <https://www.neaman.org.il/EN/Science-Technology-and-Innovation-Indicators-in-Israel-An-International-Comparison-2021-Key-figures-A> (date accessed: 09.02.2023).

National Science (2021) *Technology and Innovation Statistics of Türkiye*. Available at: <https://www.tubitak.gov.tr/en/content-national-science-technology-and-innovation-statistics-of-turkiye> (date accessed: 09.02.2023).

New Arab Strategy for Science, Technology and Innovation. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=2014031411375640> (date accessed: 09.02.2023).

New Science, Technology and Innovation Observatory. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20140225145235421> (date accessed: 09.02.2023).

Rudenko, L.N. (2019). Perspektivy tsifrovoy transformatsii ekonomiki arabskikh stran [Perspectives of Digital Transformation of Economics of Arab Countries], *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*, no. 5, 92–108 (in Russian).

Science and Technology Indicators 2014. Egyptian Science, Technology and Innovation Observatory (ESTIO). Available at: <http://www.alecso.org/nnsite/images/Science-and-technology-indicators.pdf> (date accessed: 09.02.2023).

Science, Technology and Innovation Observatories in ESCWA Member Countries. Available at: <https://www.unescwa.org/events/science-technology-and-innovation-observatories-escwa-member-countries-phase-ii-capacity> (date accessed: 09.02.2023).

Science (2019) *Technology and Innovation (STI). Policy for the IsDB*. Available at: <https://www.isdb.org/sites/default/files/media/documents/2020-02/STI%20Policy.pdf> (date accessed: 09.02.2023).

Summary Report (2016): *National Experts Meeting — Towards an Innovation Scoreboard for the MENA Region*. Available at: <https://www.cmimarseille.org/ar/node/3091> (date accessed: 09.02.2023).

UNESCO (2021) *Science Report. The Race Against Time for Smarter Development* (pp. 423–466). Available at: <https://www.unesco.org/reports/science/2021/en> (date accessed: 09.02.2023).

РЕЦЕНЗИЯ

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ МАКЛАКОВ

лаборант-исследователь исследовательского центра
«Человек, природа, технологии»,
Школа исследований общества и окружающей среды
(Антропошкола), Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия;
e-mail: maklakovm-99@yandex.ru

**Рецензия: Rogacheva M. The Private World
of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev.
Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2017. XI, 211 p.: ill.**

УДК: 93/94

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-208-216

Работа посвящена книге “The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev” Марии Рогачевой, специалиста по культурной истории России и Европы XX в. Рассмотрено содержание книги и предлагаются теоретические рамки, обобщающие исследование. На основе обширного «проекта устной истории», составленного из собранных автором лично интервью, а также архивных материалов и публицистических произведений исследовательница рассматривает частную жизнь членов советского научного сообщества и предлагает образ их взаимоотношений с органами власти в СССР. В книге прослеживается история научного сообщества Черногловки как позднесоветского наукограда с момента его создания в 1956 г. и до перестройки. Отмечено, что главную роль в основании наукограда сыграл академик Н.Н. Семенов. Автор раскрывает условия жизни и политические взгляды местной научной интеллигенции. Их воззрения основывались на технократических представлениях и гордости за полученное высшее образование. Сравнивая аспекты снабжения с помощью интервью и архивных данных, исследовательница приходит к выводу, что снабжение Черногловки нельзя назвать повышенным, но в памяти людей сохранились иные воспоминания. Разбираются публичные политические действия членов академического сообщества. М. Рогачева делает вывод, что советские ученые были движимы оптимизмом послевоенных лет и являлись частью советской научной системы, заключив с государством негласный договор о поддержке политического курса в обмен на ресурсы. Такую точку зрения можно признать значимой для современного дискурса о политической роли академического сообщества.

Ключевые слова: наукограды, Черногловка, советские ученые, частная жизнь, Н.Н. Семенов.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-78-00177 «Академгородки и наукограды: сравнительный аспект позднесоветских городов науки».

Экономическое развитие находится в тесной связке с развитием науки и технологий. В начале XX в., и особенно после Второй мировой войны, государства ощутили возросшую потребность в формировании «большой науки» как кооперативной сети исследователей из представителей разных наук. В свою очередь ученые, поддерживающие научно-технический оптимизм, под которым в дальнейшем будет пониматься вера в науку, способную решить часть общественных проблем, усилили свое влияние в обществе вместе с возросшей потребностью в производстве новых видов вооружений и гражданских инноваций. Государства XX в. заключили с локальными научными сообществами своеобразный договор, состоящий в добровольном обмене государственных преференций на постоянный поток научных открытий. На советском пространстве этот договор кристаллизовался в виде наукоградов, под которыми далее в тексте понимаются все типы специализированных урбанизированных поселений, часто созданных обособленно, жители которых получали дополнительные блага. Разработку этой проблематики начала исследовательница Кейт Браун, выведя метафору «золотой клетки»: городского пространства, в котором локальное сообщество трудится на связанных с рисками предприятиях атомной промышленности, но получающих повышенное снабжение взамен [Brown, 2015].

Повышенное внимание со стороны советского государства и пиар-кампании прошлого оставили на локальных сообществах след, позволяющий говорить о локальной идентичности научных сообществ как об элитарном объединении. Таким образом, наукограды и академгородки привлекли к себе внимание ученых, запустив общественную дискуссию об истории мест локального проживания ученых. На личную жизнь советских ученых в наукограде Черноголовка обратила внимание исследовательница Мария Рогачева, которая собрала корпус глубинных интервью с представителями первого поколения местного научного сообщества для написания книги “The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev”, название которой можно перевести как «Частная жизнь советских ученых от Сталина до Горбачева». Публикация книги стала значимым событием для набирающей силу сферы исследований академгородков.

Автор книги — Мария Рогачева, исследовательница культуры России и Европы XX в., приглашенный доцент глобальных исследований в Колледже Вильгельма и Марии, штат Вирджиния, США. Книга вышла в 2017 г. в издательстве Кембриджского университета и пока не переведена на русский язык. Она состоит из шести глав, введения и заключения, которые являются самостоятельными частями.

Сразу по выходе книга получила ограниченное внимание российского читателя. Был опубликован только ее реферат с анализом содержания [Мини, 2019]. Но на протяжении последних лет можно наблюдать возрастающий интерес к истории советских научных городов. По мнению исследователей STS, большие культуральные исследования должны помочь в преодолении утвердившегося за советский период позитивизма как способа описания науки и деятельности ученых [Пискунов, 2020].

Следовательно, представляется важным опубликовать критическую рецензию книги, автор которой предлагает собственное описание уникального опыта организации советской науки.

Начиная свою книгу вопросом о послесталинском устройстве советского общества, Мария Рогачева обращается к образу наукоградов, поскольку наука рассматривается как декларируемый партийными советскими органами способ придания новой жизни плану построения социализма. Рассматривая Третью программу КПСС, принятую на XXII съезде 31 октября 1961 г., исследовательница подчеркивает ведущую роль науки в построении коммунизма и утверждении идей научного-технического оптимизма. Далее автор переходит к ключевому тезису книги, утверждая, что советские интеллектуалы, достигшие совершеннолетия после Великой Отечественной войны, примирились с существующей государственной системой, рассматривая ее как источник ресурсов, требующий соотносить профессиональные интересы с интересами советского государства.

Методология исследования Марии Рогачевой основана на устной истории и обусловлена корпусом основных источников, представляющих собой интервью с жителями Черногловки, наукограда, историю которого автор рассказывает позже. В ходе проведения интервью особое внимание уделялось личной жизни и личному опыту ученых как до, так и после их переезда в Черногловку, а также событиям, которые сыграли ключевую роль в формировании и эволюции их идентичности. Осознавая ряд методологических трудностей устной истории, автор также привлекает архивные и публицистические материалы. Таким образом, исследование находится на пересечении истории науки и техники СССР послесталинского периода и исследований коллективной памяти научного сообщества.

В первой главе рассматривается история формирования Черногловки как наукограда в условиях дефицита ресурсов, когда по стране шло строительство нескольких крупных научных проектов, например, строительство Новосибирского Академгородка. Значимая роль в формировании нового наукограда отводится академику Николаю Николаевичу Семенову, которому удалось превратить военно ориентированный полигон в успешный город науки и заручиться одобрением советской власти. Это случилось благодаря тому, что он сумел интерпретировать дух оттепели в соответствии со своим собственным представлением об устройстве науки, адаптировавшись к изменяющемуся политическому климату. Н.Н. Семенов понял, что пришло время проявлять инициативу и реализовывать свои собственные взгляды. Значимую роль в формировании локального научного сообщества Черногловки играло первое послевоенное поколение. Утверждается, что их энтузиазм и оптимизм способствовали успеху нового города науки.

Во второй главе описан генезис мировоззрения молодых ученых в Черногловке. По мнению автора, именно Великая Отечественная война, а не Большой террор 1930-х гг., сыграла решающую роль в становлении ученых. Тогда высшее образование дало травмированному молодому поколению ощущение нормальной жизни после разрушительной войны. По мнению Марии Рогачевой, рост престижа и государственных вложений в науку в первое десятилетие холодной войны открыл перед молодым поколением профессиональные и карьерные возможности, очертив круг технократических идеологов, на которые ориентировались черногловцы.

В третьей главе описывается общественная и культурная жизнь Черногловки с конца 1950-х до середины 1970-х гг., распределение жилья и продуктов питания,

участие ученых в благоустройстве города, организация культурных учреждений и мероприятий. Автор сравнивает обеспечение и потребление в советских наукоградах, занимающихся атомными разработками и остальной наукой. На основе сопоставления Озерска — советского города атомной промышленности, и Черногловки делается вывод об относительной скромности обеспечения второго, поскольку физико-химический центр никогда не был приоритетом для советского правительства: город Николая Семенова никогда не обладал особым статусом и не получал дополнительных средств. Однако в воспоминаниях местных жителей Черногловка осталась «сытым» местом, что возможно объяснить общим повышением уровня жизни в послесталинском Советском Союзе.

Следующая, четвертая, глава посвящена отношениям между учеными и партийными организациями на местах. Утверждается, что научное сообщество Черногловки в значительной степени приняло «правила игры», навязанные им хрущевским и брежневским режимами. Хотя некоторые ученые сопротивлялись вступлению в партию, потому что скептически относились к ее внутренней и внешней политике, в конце концов они уступали, обычно под давлением общественности. Автор описывает образ политической вовлеченности ученых через метафору «привилегия пассивного участия», так как участие в политической жизни открывало возможности для увеличения финансирования научных проектов и зарубежных командировок. В позднем Советском Союзе образ Коммунистической партии следует рассматривать через образ института. В книге постулируется, что участие в партийной организации является единственным способом получения благ и ресурсов, которые необходимы для проведения научных исследований и формирования профессиональных компетенций: организация лабораторий, получение средств на опыты и другие необходимые элементы научной жизни невозможны без участия КПСС в глобальном смысле и местных партийных отделов в локальном. По опыту критики режима учеными утверждается, что они никогда не осуждали само государство, поскольку последнее признавало значение развития науки для советской экономики. Признавая «токсичность» государства как единого органа обеспечения, научное сообщество исключалось из общественной и научной жизни. Упомянется репрессивная сторона позднесоветской системы и то влияние, которое она оказывала на сдерживание интеллигенции.

Пятая глава посвящена рассмотрению двух политически окрашенных эпизодов из жизни местного сообщества: реакции ученых на советское вторжение в Чехословакию в 1968 г. и их реакции на преследование со стороны КГБ Кронида Любарского, ученого-диссидента, проживавшего в Черногловке с 1967 по 1972 г. Автор делает выводы, что черногловские ученые не были ни молчаливыми диссидентами, ни страстными конформистами. Исходя из полученных материалов можно сделать вывод, что в местном научном сообществе существовал широкий спектр политических мнений. Этот спектр варьировался от нестигаемой коммунистической позиции до поддержки активных диссидентов. Однако, по мнению Марии Рогачевой, политические взгляды ученых редко трансформировались в требования расширения прав личности и политической свободы. Существование по «правилам игры» подчеркивается как необходимость для сохранения здоровой рабочей среды научно-исследовательских институтов и защиты их профессиональной автономии.

В последней главе описывается такая важная часть личной и профессиональной жизни черногловских ученых, как командировки в другие страны. Утверждается,

что факт поездки за границу был привилегией избранного меньшинства, к которому относилась интеллигенция, и напоминал ученым об их особом статусе как одной из немногих «заслуживающих доверия» профессиональных групп. По мнению автора, поездки ученых только укрепляли их лояльность к советскому режиму, а случаев «дезертирства» черноголовских ученых не было. Результатом поездок за границу автор считает возникновение более сложной картины мира участников научного сообщества, которая выходила за пределы советских границ и советского информационного поля.

В заключение автор обращается к тяжелому трансформационному опыту времен перестройки, когда представители локального научного сообщества оказались на противоположных позициях в оценке новой политики гласности, проводимой Михаилом Горбачевым. Спектр позиций относительно новой политики варьировался от поддержки до непонимания. Тяжесть трансформации заключалась, по мнению автора, в переходе научного сообщества от положения элиты советского общества к положению представителей низшего класса в постсоветской России.

Обратимся к образу советского государства и роли Коммунистической партии (КПСС) в управлении наукой сквозь призму исследования Марии Рогачевой. Согласно концепции, которую она выстраивает вокруг научного сообщества и государственных структур, между этими субъектами к 1970 г., после окончания оттепительной эпохи, выстраивается негласный социальный договор. Его можно разделить на две части: политическую и научно-хозяйственную.

Политическая часть выглядит так: одна из сторон, в которую включаются все акторы академического сообщества, признает необходимость участия в политической жизни страны. Они занимают срединную позицию: не поддерживать КПСС активно, но и не протестовать против нее. Другая же сторона, представленная сращенными государственными структурами и партийным аппаратом, допускает единичные ситуации, входящие в представление о «неправильном», например, заграничные командировки, чтение самиздата, вольные высказывания в адрес действий властей.

В научно-хозяйственной части соотношение сторон меняется. По версии исследовательницы, к 1960 г. власти в Советском Союзе не мыслят организацию экономической сферы страны без развитой сети научных учреждений, которые призваны развивать не только военно-промышленный комплекс, но и улучшать жизнь обычных людей, приближая коммунизм. Со стороны советского государства и Коммунистической партии предлагается повышенное обеспечение наукограда Черноголовки ресурсами, что имеет важное значение в рамках планового способа построения экономики; взамен академическое сообщество предлагает к использованию свои научные разработки, открытия и достижения, а также авторитет советской науки среди мирового академического сообщества.

Предлагаем вступить в дискуссию с исследовательницей на предмет характеристики взаимоотношений научного сообщества и государства/партии. Предполагая, что концепция договора между академическими акторами верна, мы оставляем открытыми следующие вопросы: каково соотношение сторон в нем? как определить «подписантов» и есть ли таковые вовсе? что является предметом договора: власть, ресурсы, возможность генерировать научные открытия, жить? возможно ли в целом существование ученых вне структуры всепроникающего советского государства: что делать, если не производить для него научные разработки?

Наш взгляд на эту проблему состоит в рассмотрении партийной структуры Коммунистической партии как своеобразной формы политического представительства, а именно как формы советского парламентаризма, действующего в структуре вертикального взаимодействия: от первичных парторганизаций до генерального секретаря. С наступлением эпохи оттепели происходит процесс расширения Коммунистической партии до уровня высшего политического менеджмента. Она обладает властными ресурсами и возможностью их распределения. Участие и политическую деятельность научного сообщества в структуре КПСС следует рассматривать не как обязанность, а как возможность в перераспределении благ. Таким образом, возможно представить аппарат КПСС во взаимодействии с членами академического сообщества как способ парламентаризма и государственного управления, а не как орган контроля.

Говоря об истории науки и техники СССР послесталинского периода, следует отметить важную характеристику Черноголовки как места компактного проживания ученых. В условиях послевоенного дефицита и плановой экономики создание нового города было возможно благодаря двум обстоятельствам: личным характеристикам «основателя» наукограда Н.Н. Семенова и оптимизму первого поколения, выросшего после Великой Отечественной войны. Деятельность и характер Н.Н. Семенова можно вписать в общую канву основателей наукоградов: талантливых и амбициозных ученых, имеющих доступ к государственным управленцам высокого уровня. На низовом уровне следует рассматривать историю науки и техники того времени как историю молодых, по меркам научного сообщества, 30-летних людей, которые уловили «дух оттепели» и восприняли ее как пространство для пробы своих сил и оптимизма.

Обратимся к исследованию коллективной памяти сообщества черноголовцев. Мария Рогачева не отмечает среди основных целей исследование памяти научного сообщества, но можно сделать вывод, что с течением времени образы управленческого аппарата наукограда «очистились» от негативных воспоминаний и идеализировались, что в итоге привело к ностальгии по Советскому Союзу. Это может дополнить заключительную часть исследования. Причины негативного отношения к новым политическим реалиям современной России среди научного сообщества лежат не только в изменении их социального статуса, но и в своеобразной «ловушке памяти»: со временем все негативные моменты забываются, а положительные идеализируются.

Такая позиция может служить объектом критики как с точки зрения подбора источников, так и с точки зрения использования метода устной истории. Для исследования достаточно обширного временного промежутка используются интервью, взятые у представителей пожилого поколения. Можно предположить, что нынешние взгляды участников событий, которые фиксировались с помощью интервью спустя энное количество лет, во многом обусловлены стремительным изменением их социального статуса.

Наконец, позволим себе высказать мнение о том, что книга Марии Рогачевой, посвященная анализу частной и профессиональной жизни советских ученых, следует традициям «третьей волны» исследователей Советского Союза, или пост-ревизионистов, которые отказываются от привычных дихотомий, описывая отношения государства, общества и отдельного человека, и переходят к описанию событий прошлого исходя из дискурсивных практик прошлого.

Подводя итог, подчеркнем: книга Марии Рогачевой — значимое исследование организации советского научного проекта и его дальнейшей коммеморации и качественно вписывается в дискуссию об образах советских ученых, их взаимоотношении с государством/партией. По мнению исследовательницы, между академическим сообществом и вертикалью власти был заключен негласный договор, состоящий из политического аспекта и научно-хозяйственного. Но существуют и иные точки зрения на характер отношений деятелей науки с государственным аппаратом.

Другие исследователи наукоградов представляют отношения власти и научного сообщества как сотрудничество. Благодаря выходу из отдельной орбиты влияния могущественного Министерства среднего машиностроения, которое курировало советский атомный проект, и вступлению в структуру Коммунистической партии научное сообщество атомного проекта встраивалось в общую структуру распределения ресурсов и не зависело от воли своего главного работодателя [Хандожко, 2016]. Таким образом, дискуссия вокруг взаимоотношений научного сообщества с государством не является завершенной. На сегодняшний день остаются открытыми вопросы об общем характере взаимоотношений академических групп с государством, диссидентстве и сотрудничестве.

Книга “The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev” является первым большим высказыванием, которое описывает жителей наукограда через призму частной жизни и рассматривает их политические позиции в индивидуальном порядке. Следует всячески поддерживать перевод книги, если таковой произойдет когда-либо, и дальнейшее встраивание работы в структуру академической дискуссии.

Литература

Минц М.М. Рогачева М.А. Частная жизнь советских ученых от Сталина до Горбачева. Rogacheva M.A. The private world of soviet scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge; N.Y.: Cambridge univ press, 2017. XI, 211 p.: ill. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. Информационно-аналитический журнал. 2019. № 2. С. 147–151.

Пискунов М.О. «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 140–147.

Хандожко Р.И. Территория политической аномалии: партийная жизнь в советском атомном городе 1950–1960-х годов // Шаги / Steps. 2016. Т. 2. № 1. С. 167–199.

Brown K. Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters. New York, 2015. 406 p.

Review: Rogacheva M. The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2017. XI, 211 p.: ill.

MIKHAIL I. MAKLAKOV

Tyumen State University,
Tyumen, Russia;
e-mail: maklakovm-99@yandex.ru

The article is dedicated to the book “The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev” by Maria Rogacheva. The main goal of the author is to trace and characterize the changes that occurred in Soviet society after the death of Stalin on the example of the life of the scientist’s community. To achieve this goal, the researcher uses personally collected interviews in the science city Chernogolovka and archival materials, including documents and journalistic works. The goal of the study was to examine the private lives of members of the Soviet scientific community through the case study of Chernogolovka and to map out their relationship with authorities in the USSR.

The book describes the history of the scientific community of Chernogolovka as a late Soviet science city from the moment of its creation in 1956 until 1985. It is noted that Academician Nikolai Semyonov played the main role in the foundation of the science city. The author describes the living conditions and political views of the local scientific community. Many years later, life in Soviet Chernogolovka is remembered as prosperous. This contrasts with the description of everyday life, which is known from archival data. The author examines political life and writes about a wide range of opinions in the local scientific community.

M. Rogacheva concluding that Soviet scientists counted on the optimism of the post-war years and were part of the Soviet scientific system, concluding an unspoken agreement with the state to support the political course in exchange for resources. The book is an important contribution to the discussion about the relationship between scientists and the state apparatus.

Keywords: science cities, Chernogolovka, Soviet scientists, private life, Nikolai N. Semyonov.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Scientific Foundation according to the research grant No. 22-78-00177 “Academgorodoks and science cities: a comparative aspect of the Late-Soviet sciences cities”.

References

Brown, K.L. (2015). *Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*, New York: Oxford University Press.

Khandozhko, R.I. (2016). Territoriya politicheskoy anomalii: Partiynaya zhizn' v sovetskom atomnom gorode 1950–1960-kh godov [The territory of political anomaly: Party life in the Soviet atomic city in the 1950–1960s], *Steps*, 2 (1), 167–199 (in Russian).

Mints, M.M. (2019). Rogacheva M.A. Chastnaya zhizn' sovetskikh uchonykh ot Stalina do Gorbacheva. The private world of soviet scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2017. XI, 211 p.: ill. [Rogacheva M.A. The private world of soviet scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2017. XI, 211 p.: ill.], *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura, Ser. 5: Istoriya: Informatsionno-analiticheskiy zhurnal*, 2 (5), 147–151 (in Russian).

Piskunov, M.O. (2020). “Bol'shaya” istoriya Akademgorodka: istoriograficheskoye pole i perspektivy kul'tural'noy istorii sovetskikh gorodov nauki [Akademgorodok's “big” history: Soviet science cities historiography and perspectives for cultural history], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 459, 140–147 (in Russian).

Информация для авторов и требования к рукописям статей, поступающим в журнал «Социология науки и технологий»

Социология науки и технологий Sociology of Science and Technology

Журнал **Социология науки и технологий** (СНиТ) представляет собой специализированное научное издание.

Журнал создан в 2009 г. Учредитель и издатель: Федеральное государственное учреждение науки Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова Российской академии наук.

Периодичность выхода — 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС 77–75017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 11 февраля 2019 г.

Журнал имеет международный номер ISSN 2079-0910 (Print), ISSN 2414-9225 (Online).

Входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.08 — Философия науки и техники (философские науки),

22.00.01 — Теория, методология и история социологии (социологические науки),

22.00.04 — Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Включен в российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал индексируется с 2017, Т. 8, № 1 в Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics products and services).

Журнал публикует оригинальные статьи на русском и английском языках по следующим направлениям: наука и общество; научно-техническая и инновационная политика; социальные проблемы науки и технологий; социология академического мира; коммуникации в науке; история социологии науки; исследования науки и техники (STS) и др.

Публикации в журнале являются бесплатными для авторов. Гонорары за статьи не выплачиваются.

Направляемые в журнал рукописи статей следует оформлять в соответствии со следующими правилами (требования к оформлению размещены в разделе «Для авторов» на сайте журнала <http://sst.nw.ru/>)

Адрес редакции:

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5.

Тел.: (812) 328-47-12

Факс: (812) 328-46-67

E-mail: school_kugel@mail.ru

<http://ihst.nw.ru>

В следующем номере

О.И. Васильева. Интерактивные среды в организации инженерной проектной деятельности

К.А. Очеретяный. Цвет как форма власти: к социологии графического пользовательского интерфейса

In the Next Issue

Olga I. Vasilieva. Interactive Environments in Organizing Engineering Project Activity

Konstantin A. Ocheretyany. Color as a Form of Power: Towards the Sociology of the Graphical User Interface
